

Бронислава Бонсович

Герцогиня в бегах
—
Право на эшафот

Annotation

Что делать, если платишь за чужие ошибки, да ещё с процентами, ведь выгодных договоров с королями не бывает? А в этом так вообще мелким шрифтом прописаны неустойки, вроде монастыря, эшафота или того хуже — свадьбы! Более того, женихом оказывается тот, от которого хочется сбежать не оглядываясь. Что остаётся? Правильно — скрыться. Но что оказывается труднее всего в этой аванюре — сберечь сердце от собственных чувств. Таких противоречивых, и к тому, кого ни одно приворотное зелье не берет!

- [Право на эшафот](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
-

Право на эшафот

Глава 1

— А тебе завтра отрубят голову, — бодро закончила она. — Согласись, выгодное предложение?

— Не уверена. А возможности заменить казнь нет? На отравление, например?

Разговор меня забавлял, но он хотя бы был, пусть и с галлюцинацией. Когда пролежишь полтора месяца пленницей собственного тела, без возможности перемолвиться с кем-то хоть словом, будешь рад и вымышленному собеседнику. Мысль, что меня накрыло сумасшествие, не пугала. Лучше сойти с ума и перестать испытывать ежедневный ужас от того, что ты всё слышишь и чувствуешь, но не можешь не то что сказать, даже моргнуть самостоятельно. Вердикт врачей был неутешителен — вероятность, что я приду в себя, как они говорили, была нулевой. Моих чувств они не щадили, рубили правду-матку прямо при мне, потому чтобы были уверены, что нет их, этих чувств. И меня нет в этом теле. Но я была, и в этом-то был весь ужас моего положения.

Если бы появилась возможность умереть или продолжать существовать в таком виде, я бы однозначно выбрала смерть. Наверное, поэтому моя галлюцинация и возникла с таким предложением: мы меняемся душами и меня завтра казнят на плахе на потеху толпе.

— Это почётная смерть, — заявила моя галлюцинация. — Доступная только дворянам. Иначе меня бы повесили. Чем тебе не нравится отрубание головы?

— Мне кажется, это больно, — доверительно сказала я, поражаясь вывертам собственного сознания.

— Не волнуйся, в королевские палачи берут только с высокой квалификацией. Он отрубит с одного удара, ты почти не почувствуешь боли. Умрёшь легко.

— И почему же ты не хочешь такой лёгкой смерти?

— Потому что я хочу жить, а ты хочешь умереть, — в голосе галлюцинации начало проскакивать раздражение. — Послушай, я

знаю немало людей, которые отдали бы всю свою жизнь за один день в теле сиятельного. Я предлагаю тебе мечту.

— Но не мою.

Странно, но я не видела собеседницу, только слышала голос, который звучал отовсюду и ниоткуда. Словно зарождался в моей голове. Почему словно? Так оно и было. Я схожу с ума, какая удача. Теперь будет с кем поговорить. Я невольно хихикнула.

— У меня очень мало времени, — уже не скрывая раздражения, сказала аристократическая галлюцинация. — Поэтому либо ты соглашаешься, либо я ухожу. Только учти, что второго такого предложения не получишь. Будешь лежать колодой года, а то и десятилетия, пока наконец не придёт смерть милосердная.

— А тебе что за радость валяться колодой?

— Я валяться не буду. Я маг и знаю подходящие практики. Пара дней — и встану с постели.

— У нас нет магии, — зачем-то сказала я.

— Если бы у вас не было магии, мы бы с тобой не разговаривали. Более того, ты тоже маг, иначе обмен не состоялся бы. Да что обмен? Я бы на тебя никогда не вышла. Твоё тело — идеальноеместилище для моей души.

Её слова меня неожиданно покоробили. Мысль о том, что во мне появится квартирант, оказалась неприятна. Пусть даже этот квартирант — плод моего воображения.

— Оно и мою душу вмещает неплохо.

— То есть ты отказываешься? Тогда прощай.

— Стой! — я испугалась, что опять останусь сама с собой, и готова была даже пойти на уступки галлюцинации, лишь бы она не исчезла. — Я почти согласна. Скажи, а за что тебе собрались казнить?

Даже в вымышленной реальности нельзя, чтобы преступник избежал отмеренного наказания.

— За попытку отравления короля, — неохотно ответила собеседница. — Неудачную.

— Ты правда хотела его отравить?

— Нет, не хотела, — ещё более неохотно ответила она.

— Но если не хотела, то тебя обвинили несправедливо и можно опротестовать?

— Там всё очень сложно, — ответила она. — У меня нет времени. Поэтому либо ты соглашаешься и всё узнаешь сама, либо не соглашаешься и никогда не узнаешь. Я не преступница, если тебя это беспокоит. Скорее, жертва.

— И как я узнаю? — скептически спросила я, почти вживаясь в роль будущей переселенки. — Если меня завтра казнят? У меня просто не будет на это времени.

— Ритуал полного слияния — и тебе будет доступно всё, что знаю я. И даже всё, что я думала до момента обмена. А мне, соответственно, будет доступно всё, что знала ты. Но учти, вместе с этим мы обменяемся клятвами, и ты никогда и никому не сможешь сказать, что ты — это не я. Клятва зеркальная, поэтому я тоже никому не смогу ничего рассказать. Обещаю позаботиться о тех, кто тебе дорог, и отмстить тем, кто этого заслуживает.

Последняя фраза была явно ритуальной.

— А если меня не казнят, мы обменяемся вновь?

Меня не отпускала призрачная надежда, что рано или поздно я смогу открыть глаза и встать с опостылевшей кровати. Возможно, моё подсознание показывает выход?

— Тебя казнят, — тоном, не допускающим возражений, ответила галлюцинация.

— А вдруг нет? В жизни всякое бывает, — заметила я. — Встанет ваш король с правильной ноги и решит, что за неудачную попытку его убийства наказание слишком жестокое, достаточно ссылки. Что нельзя так бездарно растрачивать дворянский генетический материал. А то кто его будет травить в следующий раз?

— Ты не понимаешь, — с неожиданной горячностью ответила она. — Он не передумает. Это не-воз-мож-но. Но если вдруг тебе удастся избежать плахи, это ничего не изменит. Ритуал привязывает души к новому телу так, что они уйдут оттуда только с физической смертью. Мы не отыграем назад, даже связаться друг с другом не получится, потому что я вышла на тебя случайно, и вероятность повторения такой случайности очень низкая. Так что останешься мной до конца жизни, сколько бы её ни было отмеряно.

— Билет в один конец, — понимающе сказала я.

— Прости? Что?

— Обратного билета не будет.

— Время. Ты согласна или?..

— Согласна.

Действительно, если уж сходить с ума, то до конца. Так чтобы жить в вымышленном мире и не слышать ничего из того, что происходит в моём. «Доктор, я буду ходить? Да, но только под себя» — при таких вводных жизнь в реале не кажется желанной.

— Тогда повторяй за мной слово в слово. Только имя ставишь своё. Я, герцогиня Эрилейская, Эстефания Маргарита Эсперанса Эмилия Клаудиа Исабель Лурдес Асунсьон Росарио...

— Я, Мельникова Екатерина Васильевна...

Слова, звучавшие в моей голове, заставляли вибрировать всё тело. Неожиданно нахлынула боль, такая боль, что я бы заорала, если бы могла, но я не могла издать даже слабого стога. Зато когда отзвучало последнее слово, появилась возможность не только говорить, но и двигаться.

Я встала с холодного каменного пола, совсем неиллюзорно неприятно шершавого. Какой-то он слишком реальный для галлюцинации. И слишком грубый. И исчерчен странными знакомо-незнакомыми символами, на которых я пока не стала заострять внимания.

— Эй, Эстефания Маргарита как тебя там дальше, ты где?

Я не успела договорить, как поняла, что герцогиня Эрилейская, Эстефания Маргарита Эсперанса Эмилия Клаудиа Исабель Лурдес Асунсьон Росарио — это теперь всё я, весь этот длиннющий список имён означает всего лишь одну маленькую меня. Последнюю из рода герцогов Эрилейских, которые завтра исчезнут окончательно, если я это позволю.

В голове царил хаос. Я чувствовала себя одновременно и Екатериной, и Эстефанией, и никак не могла отделить одно от другого, найти те знания, которые бы помогли избежать завтрашней смерти, которая теперь казалась очень даже возможной. Посторонний голос пропал окончательно. Значило ли это, что меня посетила никакая не галлюцинация и действительно произошёл обмен?

Слишком реальным было всё вокруг. Я ущипнула себя и ойкнула от боли. Поднесла к глазам руку, на которой алело пятно от щипка, грозящее перейти в синяк. Тонкую изящную руку аристократки, у которой даже в тюрьме нашлось время на маникюр — ногти были

ровные, аккуратно обработанные и покрытые розовым лаком. Память услужливо подсказала, что это работа личной служанки, которая допускалась в камеру ежедневно, утром и вечером, и это была единственная побрякушка для титулованной аристократки, потому что вид камеры оставлял желать лучшего. Где кровать с балдахином из бархата? Где туалетный столик розового дерева с зеркалом на серебряной амальгаме? Где банкетка, покрытая розовым шёлком, на которой было так приятно сидеть перед зеркалом, расчёсывая длинные золотистые волосы? Ничего подобного не было и в помине.

Да меня нагло обокрали! Чужие воспоминания — это хорошо, но мне-то досталась плохо сбитая койка с соломенным матрасом и никаких зеркал. Последнее особенно обидно. Потому что по воспоминаниям Эстефания была на редкость красивой особой, что уравновешивалось полным отсутствием мозгов. Иначе бы она не попала в такую глупую ловушку. Впрочем, в семнадцать лет иллюзии — болезнь многих.

Тело сковывала усталость, но желание умирать пропало. Желание жить, передавшееся от прежней владелицы тела, оказалось куда сильнее.

Я подняла голову к окошку, забранному частой решёткой. Оно было у самого потолка и за ним чернела ночь. Или оно было закрыто чем-то непрозрачным, полностью перекрывающим свет. Но скорее всего, всё-таки сейчас ночь, и у меня времени аккурат до утра.

Что в активе? Эстефания говорила о магии. Но знания у неё оказались куцыми. Кроме секретных семейных методик, к которым как раз относилась перепривязка душ, она владела небольшим набором бытовой и косметической магии и парой лечебных заклинаний, одно из которых действительно должно было вывести моё тело из комы там. В моём мире. Появилось осознание, что теперь мой мир этот, и если я не хочу распрощаться ещё и с ним, нужно бежать, а подумать о том, что случилось, можно и потом. Способности Эстефании мне не помогут. А мои?

До окна я не доберусь. А если бы и добралась, вряд ли у этого тощего тельца хватит сил выломать хотя бы один пруттик. Усиливающих заклинаний она не знала, потому что не планировала заниматься вещами, недостойной сиятельной леди. Но если бы и

знала, синеватые огоньки на решётке показывали, что она под магической защитой. Значит, окно отпадает.

Дверь? Засов снаружи, до него не дотянуться. Магией? Боюсь тем вариантом, которым Эстефания подвигала локоны, засов не сдвинешь. Да и опять-таки, от дверей тянуло магией, на один засов тюремщики не полагались.

Пол. На полу магии нет, но... Я с сомнением посмотрела на камни, плотно пригнанные друг к другу и на свои руки. Нет, была бы у меня пара лет в запасе, я попыталась бы прорыть ход хотя бы до соседней камеры. Но лет нет, как нет ничего, чем можно было бы хотя бы немного раздвинуть камни. В камере не было даже ложки. Только металлический кувшин с водой.

Размышляя, я старательно затирала вычерченные на полу символы. Незачем кому-то знать, что здесь произошло. Сделала я это вовремя, потому что не успела затереть последний, как дверь распахнулась, впустив придворного мага, а по совместительству того, кто загнал Эстефанию в ловушку всего лишь пару дней назад.

Уго Бласкес — мерзкая крыса, даже длинные сальные волосы неопрятными прядями напоминали крысиные хвосты. Целый пучок крысиных хвостов на голове. Маг вызывал у меня тошноту и страх. Страх у Эстефании, тошноту у меня. Всё-таки мужчина, как бы он ни был занят, должен мыться хотя бы раз пару раз в неделю, а не дважды в жизни — при рождении и после смерти. Главный придворный маг мытьём не злоупотреблял, наверное, боялся, что испортится или растает, и сейчас от него несло так, что я порадовалась, что осталась без ужина.

— Чем это ты тут занималась, Эстефания?

— Извольте ко мне обращаться Ваша Светлость.

— И чем же здесь занималась Ваша Светлость? — издевательски спросил он.

Его цепкий взгляд пробежался по всей камере и задержался на полу. Какие символы там были изображены, было уже не разобрать, но что они там вообще были, было не скрыть.

— Неужто пыталась вызвать демона? — хохотнул маг. — Или инкуба? Чтобы вкусить радость плотских утех хотя бы напоследок?

— Пошёл вон из моей камеры, — я сказала так холодно, что бывшая владелица тела непременно бы это оценила. — Пёс

смердящий.

— Твоего здесь ничего нет, дура, — Бласкес раздвинул губы в неприятной улыбке. — Да и вообще, считай, что у тебя ничего больше нет. Желаящие прибрать герцогство, скоро окажущееся бесхозным, уже осаждают Его Величество Теодоро Блистательного.

Титулование было столь забавным, что я расхохоталась. Ситуация к смеху не располагала, но ощущение полного владения собственным телом казалось столь прекрасным, что всё остальное отходило на второй план.

— Смейся, смейся, недолго осталось, — проворчал маг. — Тупая курица, даже ритуала как следует провести не смогла, а ведь я дал тебе такую возможность, но нет — профукала. Правильно говорят, что Эрилейские выродились. Не мозги — одна сахарная вата.

Он прошёл и взял со стула лежащий там кусок мела, тот самый, которым рисовались руны и тот самый, который Эстефания думала, что утащила из-под носа придворного мага. А оказалось, он сам подсунул. Зачем?

— Меня не учили магии, — напомнила я.

— Оно и видно. Всё, куколка, встретимся завтра на твоей казни.

Он взмахнул рукой и создал реалистичную иллюзию, почти фильм. Голову красивой блондинистой девушки грубо прижали к колоде, украшенной потёками засохшей крови. В ярких солнечных лучах сверкнул топор. Толпа ахнула.

Маг расхохотался, не дав мне досмотреть сцену, и ушёл. Дверь хлопнула, замки лязгнули, магия, охраняющая помещение, загудела. Теперь под заклинаниями были и пол со стенами, что делало побег совершенно невозможным. Это я понимала и как я, и как Эстефания, знания которой по магии получила бонусом при переходе. Куцые знания, никуда не годные. А ведь герцоги Эрилейские всегда славились и силой магии, и разнообразием применяемых заклинаний.

Осталось понять, зачем Бласкес давал возможность провести ритуал и что он рассчитывал получить? Не мой же побег? Для этого он слишком сильно меня ненавидел, что проскакивает в каждом слове и движении. И мне совершенно непонятно почему — Эстефания нигде не переходила ему дорогу, да и не могла бы. Она только-только начала выезжать под патронажем тётки, но тётку упекли в монастырь, а Эстефания решила её спасти, обратившись к королю. Вот и

доспасалась до того, что пришлось спасаться самой. Она-то спаслась, а я?

Я широко зевнула. Проблемы казались ненастоящими, не моими, а вот спать хотелось по-настоящему, и чем дальше, тем сильнее, поэтому я ещё раз оглядела камеру на предмет хоть маленькой щёлочки в защите, ничего не нашла и отправилась спать.

Как говорится, утро вечера мудренее. Даже если это утро моей собственной казни.

Глава 2

Спалось мне не сказать чтобы отлично, но утром я проснулась не сама, а была разбужена горничной. Очень ответственной горничной, которая тормошила меня и повторяла:

— Ваша Светлость, вставайте. Вам же умыться и переодеться надо. Негоже ежели вас такой люди увидят. Позор это.

— Позор — то, что собираются казнить невинного человека.

Я приоткрыла глаза и с интересом разглядывала свою горничную, размышляя, значит ли что-то её имя — Эсперанса* — для моего будущего. Самый простой вариант — предложить денег за то, чтобы она осталась в камере, а я вышла в её одежде — отпадал. И не потому, что мне вспомнились её рассказы о том, как её обыскивали до прихода и после ухода к хозяйке, а потому, что нас было невозможно перепутать. Эсперанса была выше меня на целую голову, шире в талии и увесистей в груди, а уж мои золотые локоны с её чёрным богатством спутал бы только слепой. Хотя по объёму они были близки, по цветам — полная противоположность. Да и по характерам носительницы разных шевелюр сильно отличались. Эстефания — сдержанная и холодная, несмотря на возраст, Эсперанса — импульсивная, эмоциональная, не умеющая держать свои мысли в тайне. Нет, теоретически, если бы не обыск, попробовать можно было бы. Уверена, Эсперанса даже согласилась бы привязаться к кровати, а я — попытаться пройти на цыпочках.

— Да разве ж теперь докажете? — сочувственно спросила она. — Раньше надо было. Хотя и сегодня, когда священник будет вас напутствовать, скажите ему, не теряйтесь.

Но по её тону было понятно — не верит, что с эшафота я смогу уйти целиком, а меня не унесут по частям: одну часть на носилках, вторую в корзинке. Эсперанса поставила на табурет тазик с водой, опустила в неё тряпку, отжала и явно собралась меня обтирать.

— А ванна мне не положена? — поинтересовалась я.

— Да откель тут ванна? Скажите спасибо, что таз с водой разрешили пронести, — она вздохнула. — Хотя весь его обшарили. И вода уже не горячая. Но пока не холодная.

— А завтрак? — я тоскливо огляделась.

В камере, кроме тазика, прибавилось только роскошное платье, в котором я сегодня должна красиво уйти из жизни. Нет, я иногда мечтала походить в чём-то таком, но не один день, который окажется последним.

— Побойтесь Двуетидного? Какой завтрак перед казнью?

— Плотный, — теперь вздохнула я. — Понятно, ни ванны, ни кофе, ни какао, ни даже бокала шампанского мне не дадут. Король решил на мне сэкономить.

Итак, мне не досталось не только герцогской кровати, но и герцогского завтрака. Кругом обман. Конечно, мне ничего не обещали, но от осознания этого чувство обманутости никуда не девалось.

— Не говорите так, Ваша Светлость, — всполошилась Эсперанса, испуганно оглядываясь на дверь. — Вы же прекрасно знаете, что перед казнью положен пост, чтобы очиститься душой до того, как предстанете перед господом нашим, одной из его ипостасей. Молю, чтобы это была белая. Да и как иначе? Вы и согрешить-то не успели.

Она сделала правой рукой знак, похожий на круг с точкой посередине, и я сразу вспомнила, что это знак благословения.

— Вам и без того, Ваша Светлость, что-то плохое снилось.

— Почему ты так решила? — удивилась я.

— Вы кричали во сне: «Поворачивай, Макс!» Брата, наверное, вспомнили...

Брат Эстефании, которого действительно звали Максимилиано, погиб два года назад. Но снился мне, разумеется, не он. Снилась мне та роковая поездка, после которой моё тело перестало меня слушаться. И Макс, соответственно, тоже был оттуда. По словам причитавшей надо мной мамы, он не получил ни царапины, удачно подставив мою сторону, и уже утешился с другой. Надеюсь, Эстефания прочтёт мои воспоминания и воздаст ему по заслугам, если её план удастся и она встанет с кровати. Согласилась бы я сейчас на обмен, зная, что он настоящий и меня действительно казнят? Да, потому что жизнь я любила, но жизнь овощем — не жизнь.

Эсперанса сочувственно что-то щебетала, готовя меня к последнему выходу в свет. Обтёрла душистой водой, присыпала волосы каким-то порошком и сразу начала его вычёсывать. И то, и другое пошло на пользу: первое — коже, второе — волосам. Видимые

мне локоны засияли, словно после дорогого шампуня и ополаскивателя. Затем горничная начала сооружать на голове причёску, оголяя шею и заставляя меня невольно думать о том, что этой шее сегодня придётся несладко. В воспоминаниях прежней Эстефании я не могла найти ничего, что помогло бы избежать топора палача.

Корсет Эперанса затянула так, что, если бы мне принесли запоздалый завтрак, я бы не смогла пропихнуть в себе ни кусочка. Что там завтрак — я и дышала-то через раз, и то вполсилы.

— Давай ослабим, — выдохнула я.

Выдохи у меня получались куда легче вдохов, поэтому выдыхалось больше, чем вдыхалось. Следовательно, скоро наступит нехватка кислорода и я бухнусь в обморок там, где буду стоять. Конечно, я не почувствую, когда меня будут лишать жизни, но я хотела бы пробить в сознании до последнего мига.

— Нельзя, — поджала губы Эсперанса. — Вы сегодня должны быть самой красивой. Боженьки, — она всхлипнула, — что же это делается? Вам бы жить и жить... Зачем вам понадобилось травить Его Величество?

— Я не травила.

— Ваша Светлость...

Она укоризненно покачала головой и принялась натягивать и расправлять на мне платье. Нежно-голубое с вышивкой золотом и жемчугом. Жемчуг был точно настоящий, а в отношении золота я не была уверена. Эстефания о таких тонкостях не задумывалась, её нарядами занималась тётя. Та самая, которую сослали в монастырь. А мне, наверное, без разницы. Если бы был шанс сбежать, вышивку можно было бы спороть и продать. Жемчуг так точно. Да ведь на мне целое состояние!

Эсперанса закончила меня одевать, оглядела и неожиданно расплакалась, горько, с подываваниями и размазыванием слёз по лицу. Она любила свою хозяйку и ей было больно её терять.

— Я ещё не умерла, — напомнила я. — Не оплакивай меня раньше времени.

— Вы как ваш батюшка, Ваша Светлость, — она шмыгнула носом. — Того тоже ничем было не пробить, достойный был человек. Он бы вами гордился.

— Тем, что я отравила короля?

— Тем, как вы держитесь.

Меня держало чувство нереальности происходящего и надежда на то, что мой ангел-хранитель, отлучившийся на время аварии, сейчас непременно реабилитируется. Не могу же я так глупо умереть? Я всю жизнь была удачливой особой. До того времени, как связалась с Максом. Видно, мне предоставили выбор: либо удачливость, либо Макс. Я явно выбрала не то. Но сейчас-то я бы не ошиблась.

Уверена, именно ангел-хранитель должен помочь сбежать по дороге. Воображение услужливо показывало закрытую карету, в полу которой я прожигаю дыру имеющимся в памяти глядящим заклинанием. Другого ничего подходящего не находилось, сколько я не рылась в голове, а это можно усилить и... Мысли о том, что карета будет защищена магически, я от себя отгоняла. В конце концов, это задача ангела-хранителя — подстроить возможность бежать, а уж я-то ей не премину воспользоваться. Не мог же он допустить, чтобы я не смогла проковырять дырку в днище кареты?

Как оказалось, мог. Потому что карета для государственных преступников была не предусмотрена, а предусмотрена повозка с клеткой, на которой сразу, как меня туда завели, заискрились голубоватые огоньки магии. Да еще и охрана ко всему этому великолепию прилагалась: четвёрка на конях и двое в повозке, по обе стороны от меня. Причём последние глаз с меня не сводили, словно я была не хрупкой девушкой, а злостным бандитом, готовым выломать прутья клетки голыми руками и придушить тех, кто захочет препятствовать побегу. В таких условиях пол прожигать сложновато, а уж о том, чтобы через прожжённую дырку сбежать — и речи не было.

Пришлось делать вид, что я ничего и не планировала и всю дорогу простоять, потому что сиденья не было, а садиться на солому, которой было устелено дно повозки... Это было слишком унижительно даже для меня, а уж герцогское достоинство унижать точно не стоило. В конце концов, суть обмена — дать мне возможность быстро и почти безболезненно умереть. Герцогиня Эрилейская свою часть сделки выполнила, и её честь не должна была пострадать из-за того, что внезапно жизнь для меня оказалась куда привлекательней смерти.

А жизнь вокруг была ключом, и если это биение отличалось от того, к которому я привыкла, то не людьми и даже не манерой их

разговора, а только одеждой. Одежда была непривычной, но прекрасно подходила и яркому солнечному дню, и чистеньким городским улицам с разноцветными домиками. Никакой вони, которая, по мнению учёных-историков, сопутствовала нашему Средневековью и должна была сшибать меня с ног, я не чувствовала. Пахло цветами и летней пылью, жаркой и вездесущей. Ехали мы медленно, но вряд ли для того, чтобы я могла насладиться картинами городской жизни, скорее, чтобы все, кто хотел, увидели преступницу и поняли, что наказание неотвратимо даже для высших сословий.

— Эй красотка, я помолюсь за тебя! Лови!

Я вздрогнула, когда ко мне влетел цветок — пышная роза на толстенном стебле почти без колючек. Охрана тут же огрела кнутом нахала, длинноволосого чернявого парня, но я уже поймала его подарок и теперь с жадным любопытством рассматривала. Роза была сочного красного цвета и запах распространяла такой же сочный, густой, дурманящий. Неожиданно в голову пришла мысль, что она может быть последним подаренным мне цветком, остальные — только на могилку на кладбище. Я нашла взглядом в толпе парня, бросившего розу, и улыбнулась.

— От, лыбится, стерва. И чего лыбится-то? Молитвы читать нужно, ко встрече с Двуетиным готовиться, — неприязненно заворчала какая-то бабка. — А не заигрывать с мужиками.

— Так, может, невиновна она, — сказала какая-то добросердечная горожанка. — Такая молоденькая...

— По ейной роже видать, что виновна, — убеждённо прогундосила бабка. — И что, что молоденькая? Они с рождения порченые. Таких давить в колыбели нужно, чтобы королей не травили.

А ведь Эстефания короля не травил. Всего-навсего подлила приворотного зелья, купленного у придворного мага, к которому направила её старшая фрейлина. Ненавязчиво этак направила, намёками, что Его Величество будет куда податливей к просьбам той, в кого влюблён. А чтобы Бласкес продал нужное зелье, пришлось дать магическую клятву, что никому не расскажет ни у кого куплено, ни что за зелье, ни кто направил к придворному магу. Обезопасил, сволочь, себя и свою сообщницу. Интересно, если бы король отравился, они бы поняли, что заигрались или это и было их целью? Но король не отравился, у него сработал артефакт, и получилось, что Эстефания

сама оплатила собственную смерть. Недёшево, между прочим, нынче обходятся смерти герцогинь, так что придворный маг на ней ещё и заработал. Впрочем, обогащение точно не было его конечной целью.

Но что было? В придворных играх Эстефания не то что была не сильна, она в них вовсе не разбиралась. Из тех разрозненных кусков, что мне удавалось вытащить из памяти, ничего связного не собиралось. Обидно умереть вот так, даже непонятно за что. Зато выяснилось, что Эстефания действительно не была злодейкой и я, помогая ей избежать наказания, не иду против совести. Возможно, её жизнь в моём теле сложится удачней? Во всяком случае, к королю она вряд ли попадёт.

Мы выехали на центральную площадь, на которой сиял свежими досками помост. На таких будет видна каждая капля крови, и простолюдины убедятся, что никакая она не голубая у благородных сословий. Впрочем, в этом мире особенностью аристократов была не голубая кровь, а сияние — одно из проявлений магии, но доступное почему-то только старым родам. Что ж, сиять мне осталось недолго, зато это будет ярко.

Повозка остановилась, и мою клетку открыли, предлагая выйти наружу. Я медлить не стала, выскочила сразу, даже чуть придерживая себя, чтобы не уронить герцогский престиж излишней торопливостью. Страх не было. Возможно, потому что происходящее продолжало казаться ненастоящим, вывертом моего сознания, пожелавшего уйти от реальности. А может, потому что убежать отсюда не получилось бы: помост подпирала толпа жаждущих интересного зрелища.

По ступеням я поднималась с улыбкой, высоко подняв голову. Розу я продолжала крутить в руках, она ничуть не увяла и продолжала меня радовать и видом, и запахом.

Палач уже стоял на помосте, держа или, скорее, держась за огромный топор, на лезвии которого играли солнечные блики. Топор был острым, а руки бугрились мышцами. Эстефания была права: умру быстро. Но это почему-то больше не радовало.

Меня подвели к плахе. Лица людей перед глазами смазывались в одно пятно. В желудке предательски забурчало. А ещё я поняла, что хочу одновременно пить и в туалет. Но это от страха. Скоро я уже ничего хотеть не буду. Наверное, мой ангел-хранитель отвернулся от меня насовсем, а с ним ушла и моя удачливость.

Вместо них по ступеням поднимался толстенный улыбчивый священник. Точно, меня же должны напутствовать в жизнь вечную на глазах у публики. Представление пройдёт по всем правилам.

— Добрый день, дочь моя, — приветствовал меня священник.

Подъём дался ему нелегко, и голос разрывался тяжёлым дыханием, но священник торопился разделаться со своими обязанностями и не дал себе ни минуты отдыха.

— Разве может быть хорошим день, когда собираются казнить невиновного человека? — спросила я. — И вы этому потворствуете, святой отец.

— Не упорствуй в отрицании, дочь моя, — он поморщился. — Иначе привезут артефакт Истины и твоя смерть будет не такой лёгкой, как от руки достопочтенного королевского палача.

Память услужливо подсказала, что артефакт Истины определяет степень виновности и наказывает в зависимости от неё. Смерть, которую он приносит обманувшим, не только очень мучительна, но агония продолжается долго, иногда до нескольких дней. Понятно, почему Эстефания выбрала плаху: как ни крути, она подлила королю смертельное зелье. Но я-то ничего не подливала, а значит, невиновна и проверку пройду. Ангел-хранитель наконец-то вспомнил обо мне и выдал подсказку.

— Я требую проверки на артефакте Истины, святой отец, — сказала я громко, ещё усилив голос магией, и засияла, заставив священника зажмуриться. Но иначе к моим словам не отнеслись бы серьёзно. А так я — в своём праве. Праве Сиятельной.

Толпа загудела, обсуждая свалившееся на неё дополнительное представление. Священник же сделал такую несчастную физиономию, словно я обидела не только его, но и всю церковь в его лице. Дыхание его уже успокоилось, и голос стал мягко-обволакивающим, каким он мог быть с самого начала, если бы его владелец не был столь тороплив.

— Не надо было во всеуслышание заявлять, тогда можно было бы изменить решение. А теперь... Теперь ты сделала свой выбор, дочь моя, — сказал священник. — И уйдёшь без церковного благословения. Но я помолюсь за тебя, дитя неразумное, чтобы смерть твоя была недолгой. Я не оставлю тебя один на один с мучениями.

Но вид у него был такой, словно мучиться собирался он, а не я. Да и то сказать, при его комплекции тяжело стоять на жаре непонятно сколько времени. Так-то коротко благословил — и ушёл в тенёк, попил чего-нибудь холодненького.

Артефакт привезли одновременно с королём. То есть король, конечно, приехал сам, и о том, что он появился на огромном балконе здания Правосудия у меня за спиной, мне стало понятно по раздавшимся восторженным крикам. Наверное, нужно было и мне повернуться и приветствовать его подобающим случаем реверансом. Но вот беда — в памяти не нашлось ни одного реверанса для плахи, поэтому я поворачиваться не стала, всё равно он меня не помилует, так зачем проявлять уважения, которого я не чувствую? Он, можно сказать, собрался под корень вырезать цвет нации в моём лице. Женщины такого не прощают даже королям.

На помост внесли огромный артефакт с мутным кристаллом. Эстефании ни разу не приходилось видеть его в действии, но по рассказам она знала, что кристалл загорается либо зелёным и тогда происходит оправдание, либо красным — и тогда артефакт выбирает замену казни. Мучительную замену, поскольку артефакт был создан в незапамятные времена, когда о гуманных казнях и речи не шло.

Одновременно с артефактом на помост поднялся глашатай и объявил;

— Его Величество король Теодоро Блистательный предлагает герцогине Эрилейской отказаться от проверки на артефакте Истины. Он дарует ей возможность отправиться пожизненно в монастырь.

Предложение было бы заманчивым, если бы я не была уверена, что оно исходит от придворного мага и что мне не только не удастся сбежать из монастыря, но и проживу я там мало, скончавшись от какой-нибудь редкой лихорадки с удавкой на шее. Но если и проживу долго, что за радость от жизни в монастыре? Нет уж, идти, так до конца.

— Я требую проверки на артефакте.

Священник издал горестный вздох. Не верил он, что проверка закончится для меня хорошо. Что ж, на его месте я бы тоже не поверила. Тем не менее голос его прозвучал внятно, зычно и наверняка был слышен в самом отдалённом уголке площади.

— Виновны ли вы, Ваша Светлость, в покушении на Его Величество Теодоро Второго Блистательного?

— Я не имею отношения к этому покушению ни словом, ни делом, ни даже помыслами, — ответила я, так же усилив голос магией.

— Приложите руку к артефакту, и пусть на вас снизойдёт милость Двуетного.

Для этого мне пришлось развернуться к королевской ложе и пройти пару шагов — всё было устроено для того, чтобы король смог насладиться зрелищем. Руку я приложила не без трепета, поскольку хоть и была уверена в том, что ни в чём не виновата, но человеческий фактор ещё никто не отменял. Мало ли какие улучшения мог сделать этому артефакту придворный маг, после которых артефакт указывал бы на виновность любого, кто к нему прикасался?

Но кристалл под моей рукой зазеленел. Сначала неявно — возможно, сказывались мои сомнения, а потом всё ярче и ярче, так что под конец он сиял так, что не заметить этого было бы невозможно.

Я подняла голову к королевской ложе и встретилась взглядом с королём. Боже, почему в памяти Эстефании не сохранилось, что он такой?.. Такой... В голове закрутились подходящие строчки из песни, с поправкой на пол, разумеется:

Потому что нельзя Потому что нельзя Потому что нельзя Быть на свете красивым таким.

Возможно, для семнадцатилетней Эстефании тридцатилетний король казался дряхлым старцем, но для меня он был мужчиной в полном расцвете сил, практически воплощением идеала: высокий, прекрасно сложенный, с лицом, словно вылепленным талантливым скульптором после многочисленных проб и ошибок в достижении совершенства, а потом раскрашенным не менее талантливым живописцем, правда, со склонностью к мрачным тонам. Чёрные глаза, чуть вьющиеся тёмные волосы и приятная смуглость, которая бывает только у тех, у кого с солнцем взаимная любовь.

Собственно, при первом же взгляде на него стало понятно желание любой особы женского пола напоить этого индивида приворотным зельем, а ещё стало понятно, что это действие заведомо обречено на провал, потому что его уже столько раз поили, что там несомненно выработался полнейший иммунитет.

Как жаль, что в комплекте с такой внешностью мозги обычно не идут — природа любит равновесие.

* Эсперанса — исп. Esperanza — «Надежда»)

Глава 3

Не знаю, остался ли народ доволен изменённым сценарием представления, я так очень даже, чего нельзя было сказать о моих противниках. Именно так, во множественном числе, потому что разозлился не только Бласкес, который едва ли не дымился от ярости, но и Его Величество явственно был недоволен. Быть может, он коллекционирует прекрасные женские головы в заспиртованном виде, и я лишила его жемчужины коллекции? Но мне всегда казалось, что живым всё выглядит куда привлекательней, и я в том числе.

Тем временем артефакт сиял, а я стояла на эшафоте, потому что воплей: «Невиновна» оказалось недостаточно, чтобы меня оттуда убрали. Я продолжала смотреть на короля, а он — на меня, и радости в наших взглядах не прибавлялось ни на гран. Наконец Его Величество гадко скривил губы и что-то коротко сказал, после чего стоявший рядом с ним придворный бегом ринулся выполнять поручение. Как оказалось, касалось оно меня.

С помоста меня наконец спустили и препроводили в ближайшую гостиницу. Это было уже хорошим признаком, хотя я бы предпочла, чтобы меня отпустили насовсем, не пытаюсь навязать опеку. Думаю, герцогское достоинство не сильно бы пострадало, если бы я пешком дошла до герцогского особняка, находившегося совсем недалеко. Но вот то, что меня туда не отвезли, было уже признаком плохим. Либо король ещё не решил, что со мной делать, либо... мой особняк уже не мой. Мало ли — король подписал указ с передачей почти бесхозного имущества, а к нему — раз — хозяйка вернулась. То-то он был так недоволен: теперь придётся переподписывать, отдавая пострадавшей стороне что-то другое, возможно, не такое бесхозное, а принадлежащее уже лично королю.

Из-за чужих воспоминаний, слившихся с моими, я ощущала собственность Эрилейских своей, да она и была таковой по сути. По всем законам герцогиня Эрилейская нынче я. И я хотела очутиться в своей комнате и лично полежать на удобном матрасе, потому что чужие воспоминания — это совсем не то. А матрас в гостиничном номере был совсем неудобный, как выяснилось, когда я на нём

полежала. А что мне ещё было делать в ожидании непонятно кого? Появившуюся мысль удрать через окно, благо оно выходило на задний двор, а не на площадь, я пресекла в зародыше — неудобно получится, если Блистательный Теодоро решит ко мне заглянуть и никого не найдёт. Признаться, хотелось посмотреть на него вблизи и понять, так ли он хорош, как мне показалось издали. Или там чисто королевская магия, которая прибавляет плюс сто к харизме любому монарху. К сожалению, сам король вряд ли лично заглянет. Скорее, пришлёт кого-нибудь из свиты с сообщением, что решил по моему будущему. Возможные варианты не радовали — в монастырь к тётке не хотелось.

Вместо короля ко мне заглянула горничная и спросила, не нужно ли мне чего. Мне нужно было много. В частности, снять пыточное приспособление, именуемое корсетом, и принять ванну. Но я ограничилась тем, что попросила принести завтрак. Есть хотелось невыносимо, а принять ванну я смогу и дома, если меня туда доставят.

— Что вам принести, Ваша Светлость?

Она открыла рот, явно собираясь вывалить на меня всё меню, поэтому я торопливо сказала:

— Что-нибудь побыстрее. Омлет, булочки и чашку кофе. Я умираю с голоду.

И жалобно улыбнулась. Улыбка подействовала: горничная посмотрела с сочувствием и почти убежала. Надеюсь, на кухню, а не докладывать кому не нужно, что у меня вместо чувства вины прорезался аппетит.

Я воспользовалась тем, что никого не было, и подошла к зеркалу. Лицо было знакомым и незнакомым одновременно. Знакомым по воспоминаниям Эстефании и незнакомым для меня. Девушка, смотревшая из зеркала, была молоденькой до изумления, на восемь лет младше меня прежней. И хорошенькой, как кукла. Огромные голубые глаза, обрамленные длинными, неожиданно для блондинки чёрными ресницами, смотрели на мир с детским удивлением. Моим удивлением. А как не удивляться? Столько изменений за какие-то сутки. Чувствовать себя другим человеком было странно. Такая особа могла походя вскружить голову мужчине, не прилагая к этому никаких усилий. У мужчин от таких девушек головы кружились сами. Особи противоположного пола, можно сказать, падали, сражённые неземной красотой и укладывались сами собой в штабеля, чтобы не мешать идти

кумиру. И вот на это сокровище нации покусился король? Возможно, у него не совсем традиционная ориентация и он посчитал Эстефанию соперником? В памяти никаких компрометирующих сведений не нашлось, но это ни о чём не говорило: Эстефания с тётёй жили уединённо, сплетни до них почти не доходили, а если и доходили, то в присутствии столь юной особы не всякую сплетню расскажешь. А если ещё учесть, что король в его тридцать с хвостиком не женат, хотя мог бы уже подумать о том, что стране нужна королева... Я представила на голове корону и пришла к выводу, что она мне, несомненно, пошла бы.

Налюбоваться новой собой я не успела. Горничная вернулась быстро с подносом, уставленным всякой всячиной. Но омлет там тоже был. И булочки к кофе. Я её могла только поблагодарить от всего сердца, потому что денег на чаевые не было. И хотя я готова была расстаться с любой из жемчужин на платье, которое у меня вызывало исключительно отрицательные эмоции, вряд ли девушка бы её приняла, наверняка у них запрещается принимать чаевые вещами или предметами: не дай бог, обвинят в воровстве, доказывай потом, что это был подарок. Конечно, здесь есть магические артефакты, но на такую ерунду их использовать не будут.

Пышный омлет таял на языке, даруя невыразимое блаженство. Это тело кормили всякой дрянью после ареста, а тому, которое я отдала по обмену, приходилось ещё хуже. Чем его кормили, я могла только догадываться, потому что еда поступала через зонд прямо в желудок. Надеюсь, Эстефании удастся его поднять. Будет обидно если окажется, что от обмена выиграла только я. Конечно, я об этом никогда не узнаю.

Нежная, пропитанная маслом и посыпанная сахаром и корицей булочка была так вкусна, что я зажмурилась от удовольствия. Увы, удовольствие было недолгим.

— Что за представление вы устроили, Эстефания?

Голос был красивый, но настолько полон ярости, что я чуть не подавилась кусочком булочки, который от неожиданности проглотила, не дожевав, и который встал колом в горле.

Я откашлялась и присела в реверансе. Вблизи Его Величество выглядел не столь величественно, как издали, возможно, потому что был в бешенстве. Но красоту его это не умаляло. Красота оставалась

при нём, вне зависимости от того, с какого расстояния на него смотреть. И яркие чувства ему скорее шли, превращая из бездушной статуи в живого человека.

— Чего вы молчите, Эстефания? Язык проглотили?

— Это немудрено сделать в вашем присутствии, Ваше Величество.

— Замечательно, язык на месте. А где ответ на мой вопрос?

— Я не устраивала представление, Ваше Величество. Представление устроили по вашему приказанию. Я всего лишь не хотела умирать ни за что.

Он опустил в кресло, которое стояло напротив того, где сидела я, когда завтракала. Чашка с недопитым кофе манила, но я не могла даже сесть без разрешения, не то что нагло взять чашку.

— Если бы вы не хотели устраивать представления, вы бы потребовали проверку раньше.

— Я забыла про такую возможность, Ваше Величество. — Внешность Эстефании как нельзя лучше подходила для такого ответа. Ресничками хлоп-хлоп, потом глаза в пол и смущённая улыбка. — Вспомнила, когда священник стал грозить карами как нераскаявшейся грешнице.

Говорить, что именно священник напомнил про артефакт, не стала — а то ещё станется с моего собеседника отыгаться на бедном толстячке. Для его казни столько народа даже собирать не будут, придушат втихаря. Ему же право на эшафот не положено, в отличие от аристократов.

— Вы думаете, я вам поверил? Вы не первая, кто пытался меня отравить, но единственная, кому удалось ускользнуть от расплаты. Кто бы мог подумать, что за внешностью нанда* скрывается ксуорс**.

— Я вас не травила, а вот...

Я хотела сказать «ваш придворный маг», но поняла, что язык меня не слушается. Странное дело, клятву давала не я, но она оказалась завязана на тело, а не на душу.

— Вот что, Эстефания? О чём вы хотели сказать?

— Хотела посоветовать вам приглядеться к своему окружению, Ваше Величество.

Это клятва пропустила. Окружение у короля большое. Поди, догадайся, кого я имею в виду. Он прищурился, наверняка поняв куда

больше, чем я сказала, потому что лицо у него стало задумчивое-задумчивое. И это выражение ему необычайно шло. Если бы он молчал, то им можно было бы любоваться, как произведением искусства, бесконечно. Увы, молчал он недолго.

— Оставить вас без присмотра я не могу, поэтому выдаю замуж, — заявил он. — У меня в свите как раз есть подходящий для вас жених. Граф Нагейт. Контракт уже составляют.

Про графа я услышала впервые, в памяти не шелохнулось ровным счётом ничего. Но даже если бы Его Величество предложил мне себя, я бы всё равно возмутилась несмотря на то, что в отличие от графа короля я видела аж целых два раза.

— С каких это пор, Ваше Величество, согласие невесты на брак не требуется?

— Если невеста не достигла возраста дееспособности, то за неё решает опекун. — Выглядел он сейчас гадко и уже не казался мне таким красивым. — Поскольку ваша опекунша не может исполнять свои обязанности, за неё решил я.

А также решил, если уж отдал что-то графу, то пусть забирает и ту, кому это принадлежало. Элегантное решение, ничего не скажешь. Но я ему не переходящий приз.

— То есть когда вы собирались отрубить мне голову, то я отвечала за свои действия, а когда зашла речь о моём замужестве, я внезапно стала недееспособной? — Я посмотрела на ошарашенное королевское лицо и вежливо добавила: — Ваше Величество.

— А вы изменились, Эстефания. — Он прищурился. — Последний раз, когда мы с вами разговаривали, вы напоминали блеющую овечку.

— Я была сражена вашей неземной красотой и не осознавала, что говорю.

— Смотрю, вам удалось оправиться от удара.

— А что делать? Вы были ко мне слишком жестоки и заставили вспомнить, что овечек часто приносят в жертву, Ваше Величество. Я решила, что этот образ мне не подходит.

Он хмыкнул то ли одобрительно, то ли нет. Кто там этих королей разберёт? Общение Эстефании с ним ограничилось одним разом, после чего её отправили на плаху. Мне же с королями общаться

вообще не довелось, почему-то не баловали меня монаршие особы визитами, разговорами и другими знаками внимания.

— И тем не менее, Эстефания, вы выйдете замуж по моему решению. От вас требуется только подписать брачный контракт.

— Я не буду ничего подписывать, не читая.

— Можете прочитать, — милостиво разрешил он. — Но подписать всё равно придётся, раз уж вы дееспособны, как мы недавно выяснили.

— А если не подпишу?

— За вас это сделаю я. Имею такое право. Свадьба через пару часов. Как раз успеют составить контракт и сообщить графу.

— Вот он обрадуется, — сладко улыбнулась я. — Или он тоже недееспособен? Сколько ему лет, Ваше Величество? Мне не придётся ему читать сказки на ночь?

— От сказок на ночь в вашем исполнении и я бы не отказался, — неожиданно хохотнул король.

Наверняка желая вогнать в краску, он медленно обвёл меня взглядом с ног до головы, задержавшись в районе декольте. Не сказать, чтобы там были выдающиеся достоинства, но стыдиться мне тоже было нечего. А из-за того, что снизу всё было безжалостно сдавлено, грудь казалась даже больше и аппетитнее, чем была на самом деле.

— Мне считать это предложением руки с вашей стороны? — прощebetала я, опять затрепетав ресницами. — Тогда я могу хотя бы сесть, Ваше Величество? А то я сегодня уже настоялась.

— Сесть можете, — милостиво кивнул он, и я сразу воспользовалась его разрешением. — Что касается предложения... руку предложить не могу, она обещана, а вот кое-что другое, не совсем приличное...

Он подался ко мне через столик, на котором стоял недопитый кофе и лежали недоеденные булочки, которые сейчас привлекали меня куда больше короля. Можно сказать, манили своей недосыгаемостью. А вот досыгаемость короля меня начинала тревожить в связи с тем, что, как оказалось, зуб он имел на меня вовсе не из-за своей ориентации.

— Спасибо, Ваше Величество, но неприличного не надо. — Я сладко улыбнулась. — Я не запятнаю честь герцогов Эрилейских.

— Полноте, Эстефания, — лениво протянул он. — Да на этой чести уже чистых мест нет, одно маленькое пятнышко ничего не

изменит. И почему я с вами не поговорил, а сразу приказал увезти? Упущение... Непозволительное пренебрежение столь красивой особой.

Он протянул ко мне руку, я отшатнулась, чувствуя, как внутри зарождается страх. Почему-то вспомнился древний анекдот.

Главный инквизитор: «Сжечь ведьму!»

Его подчинённые: «Жалко, она такая красивая...»

Главный инквизитор с тяжёлым вздохом: «Ладно, но потом всё равно сжечь».

И вот это «потом всё равно сжечь» так явственно прозвучало в голосе короля, что сомнений не осталось: как бы мы ни общались, потом всё равно меня ждала плаха. Красота красотой, а королевские обязанности никто не отменял.

— Ваше Величество, через сколько, вы сказали, свадьба? А я ещё брачный контракт в глаза не видела. Как и жениха.

Я встала из кресла и отошла за его спинку. Король тоже встал, цапнул со стола одну из моих булочек, которую я мысленно уже съела, откусил немного, одобрительно заиграл бровями и сказал:

— Контракт вам сейчас принесут. Жениха увидите на свадьбе. Ждать недолго.

И ушёл. А я поняла, что для меня столь скоропалительная свадьба будет уже перебором. Не выдержит моя нежная психика казнь и свадьбу в один день.

Я взяла чашку и подошла к окну. Второй этаж. Внизу никого нет и калитка приоткрыта. Я бы сказала, приглашающе приоткрыта.

От размышлений меня отвлек стук в дверь. Служащий принёс мой экземпляр брачного контракта. Я поблагодарила, дверь закрыла и вернулась к окну. Контракт сложила и засунула в единственно доступный мне сейчас тайник — декольте. Почитаю на досуге, когда окажусь в безопасности.

Из занавесок и одеяла получился вполне приличный канат, которым я и воспользовалась, спускаясь так, чтобы не засветиться в окне ниже. Самое смешное, что мне это удалось, хотя спуск в развевающейся юбке, которая путалась, всячески мешая, — то ещё удовольствие. Очутившись на земле, я целеустремлённо бросилась к калитке. Куда бежать, я пока не думала, главное — подальше отсюда.

— Эй, красотка, я же говорил, что помолюсь. Как видишь, мои молитвы доходят до самого бога.

*нанд — вестник Двуетного, часто изображающийся прекрасной белокурой и голубоглазой девушкой

** ксуорс — сверхъестественное существо, олицетворяющее злое начало (в образе человека с рогами, копытами и хвостом)

Глава 4

Давешний даритель розы перегораживал дорогу к свободе, что в моих глазах делало его намного менее симпатичным. Хотя, на беспристрастный взгляд, несмотря на некоторую наглость или благодаря ей, он был хорош: лет двадцати пяти, с пышной шапкой вьющихся почти чёрных волос и пронзительно синими глазами. Одежда его, несмотря на простоту, выглядела дорого, а перстень на безымянном пальце был не просто украшением. Как и серьга в ухе, придававшая ему сходство с пиратом. Не настоящим, нет, а таким киношным, романтичным пиратом, который восстанавливает справедливость.

Задний двор гостиницы выходил на улицу совершенно пустую, даже не скажешь, что с другой стороны, на площади, кипит жизнь. Но эта пустота ничего не стоила при ненужном наблюдателе.

— Тогда обратитесь к нему ещё раз с просьбой помочь мне убежать.

— Зачем? — удивился он. — Голову тебе рубить никто не собирается.

— Вам, — поправила я, вовремя вспомнив, что я герцогиня. — Обращение «Ваша Светлость» можете, так и быть, опускать. Ведь именно ваша помощь оказалась так кстати.

Чтобы притупить бдительность собеседника, я немного поулыбалась. Он заулыбался в ответ и легко согласился:

— Вам так вам. Так убежать теперь вам зачем? Смерть вам уже не грозит.

— Зато грозит замужество, — пояснила я. — Его Величество сказал, что намеревается выдать меня замуж через несколько часов. А вот что вы тут делаете?

— Надеюсь увидеть вас ещё раз, — не моргнув глазом ответил он. — Не каждый день после моей молитвы приговорённого полностью оправдывают. Признаться, вы необыкновенно хороши были с розой в руках. Где вы её потеряли?

Я пожала плечами. Кажется, оставила в гостиничном номере, потому что с эшафота уходила с цветком. Но дальше меня отвлекли

завтрак и беседа с королём. Так что роза — единственный трофей, который достанется тем, кто придёт меня выдавать замуж. Если я потороплюсь отсюда убраться, разумеется. Иначе пойду в комплекте с розой.

— Вы не подскажете, где я смогу обменять своё платье на платье попроче и некоторую сумму денег?

Он осмотрел меня, но сказал совсем не то, что я хотела услышать:

— А что, жених так страшен, что вы предпочитаете удрать в неизвестность, лишь бы не идти с ним в храм?

Похоже, пользы от данного типа никакой, только и умеет, что болтать. Но поболтать можно и в другом месте. Если продолжу стоять, то меня найдут почти там, где я спустилась из окна, и второй раз удрать мне не дадут. Поэтому я всё-таки двинулась вперёд, но так как тип пристроился рядом и смотрел в ожидании, пришлось ответить:

— Понятия не имею. Я его не видела и про него ровным счётом ничего не знаю. Согласитесь, что это достаточная причина не хотеть за него выходить?

— А как зовут жениха, вы тоже не знаете?

— Граф Нагейт, — ответила я.

— Не так уж он и страшен, — хохотнул мой собеседник.

— Только не говорите, что это вы.

— Я? О нет, что вы. — Он рассмеялся, заблестев белоснежными зубами, казалось, на всю улицу. — Нет мне прощения, я не представился. Маркиз де Гренина, граф Дарок, но для вас просто Диего, прекраснейшая.

Я уверенно двигалась в сторону, противоположную центральной площади, но пока не заметила ничего похожего на лавку, в которой можно было бы обменять своё платье на деньги и что-то попроче. Зато на улице прибавилось прохожих, которые с интересом пялились на нас, но подходить не рисковали.

— Тогда он ваш старший брат? — предположила я.

— Всего лишь хороший знакомый отца.

— Знакомый отца? И какой мне толк от мужа, из которого уже сыплется песок?

— Не преувеличивайте, Эстефания. Могу я вас так называть? — После моего кивка он продолжил: — Графу Нагейту до посыпания дорожек ещё далеко. Ему всего лишь тридцать семь.

— Тридцать семь? — с ужасом, которого я не испытывала, но должна была испытывать Эстефания, воскликнула я. — Да он ещё старше короля!

— Вы так говорите, словно Его Величеству пора на кладбище, — ехидно отозвался Диего.

— На кладбище, может, и не пора, но уютное место под могилку присматривать стоит. Подданные, знаете ли, так и норовят похоронить где попало, а покойникам нужно уединение. И возраст у него уже такой, что стоит подумать о вечном. Заказать усыпальницу на свой вкус, а не на вкус наследников.

— Не нравится вам наш король, Эстефания?

— А вам бы понравился тот, кто собрался без вины отрубить вам голову?

— Так уж без вины?

— Я его не травила — уверенно ответила я. — Кроме меня, там ещё предостаточно подозреваемых. Во дворце толпа слуг. А фрейлины, которые при королеве матери? Так почему я? Как самая удобная? Раз — и с Эрилейскими покончено одним взмахом топора. Не этого ли добивался Его Величество?

Диего выглядел не возмущённым моей непочтительностью к монарху, а удивлённым. Как сразу же выяснилось, у него были на то основания.

— Ни слуги, ни фрейлины, ни вообще все, кто постоянно допущен ко дворцу, не могут навредить королю. Они же под клятвой. Неужели вы это забыли, Эстефания?

— Это прямо они не могут. А оставить где-то яд — вполне.

— Вы ещё скажите, что Теодоро Второй взял этот яд и отравил себя сам?

— А почему нет? Он же не отравился? — невозмутимо ответила я.

Странное дело, клятва помешала мерзкому Бласкесу отравить короля лично, но не помешало подсунуть яд мне. Конечно, существовал вариант, что он действовал в сговоре с королём и его целью было как раз устранение последней герцогини Эрилейской. Но мне показалось, что наш блистательный король был уверен, что именно я на него покушалась. Хотя за столько лет он мог научиться безупречному лицедейству.

— Да с вами страшно разговаривать. Того и гляди, обвинят в государственной измене, — заметил Диего.

— Так и не разговаривайте. Укажите, где я могу продать это платье и купить другое, — и можете быть свободны, — я величаво кивнула, надеясь, что таким поведением честь герцогов Эрилейских не опозорю.

Правда, если верить блистательному величеству, чести этой не так чтобы уж было очень много — слишком уж характерный пассаж про запятнанность. Но в памяти ничего подобного не находилось, там предки Эстефании сияли, словно бриллианты в королевской короне.

— То есть вы точно намерены бежать? — удивился Диего. — Но куда?

— Не знаю, пока не решила. Главное, подальше отсюда.

Эстефания могла посоветоваться только с тётёй. Я же... На меня внезапно нахлынуло осознание того, что я никогда больше не увижу близких людей: маму, сестру с племяншкой и двух замечательнейших подруг, которых мне подарила судьба — Карину и Аню. Отец умер год назад, и на его могилу я тоже больше никогда не приду. Разве что Эстефания, если поймёт, насколько важным было это место для меня...

— Эй, что случилось? — испуганно подскочил ко мне Диего. — Эстефания, только падать в обморок не надо, ладно?

— И не собираюсь. — Я собрала губы в улыбку. — Не надейтесь, что вам придётся меня ловить. Я не из тех, что падает в обморок на подвернувшегося кавалера.

— Может, вы не из тех, но по цвету лица сейчас сравнялись со стеной дома, рядом с которым мы стоим.

— Это всё корсет. Он слишком туго зашнурован.

— Расшнуровать?

— Чувствуется опыт, — ехидно ответила я. — А зашнуровывать-то вы умеете?

Так, не думать о семье, собраться и не думать. Страдать буду потом, когда уберусь подальше из опасной зоны. Я попыталась вдохнуть побольше воздуха, в очередной раз помянула недобрым словом Эсперансу и двинулась дальше по улице.

— Однако. — Диего, пристроившийся рядом, задумчиво потёр пальцем нос. — Да у вас язычок, милая герцогиня, остренький, как бритва.

Вокруг запереливалась сфера, и нас волшебным образом перестали замечать. Никто больше на меня не пялился и не указывал пальцем, и это радовало. Не радовало, что я ничего не заметила и не почувствовала, когда мой спутник применял магию. Этак он и на меня воздействует, из лучших побуждений и симпатии к моему жениху, чтоб тот по дороге где-нибудь потерялся. В конце концов, может же быть так, что граф тоже не захочет жениться на взбалмошной малолетке, да ещё так скоропалительно?

— А что делать, если осталась одна-одинёшенька? — притворно вздохнула я. — Защищаюсь как могу. Язык — это тоже оружие, а оружие должно быть острым.

— Так выходите замуж, — радостно предложил он. — И уже будете под защитой.

— Диего, а вот вы сами согласились бы выйти замуж вот так, не видя вторую половину? — возмутилась я.

— Нет, конечно, — ответил он, но не успела я победно усмехнуться, как добавил: — Но мне могут предложить жениться, и тогда я уж точно никуда не побегу. Жена лучше неизвестности.

— Не факт, — не согласилась я. — Дожил же этот граф до тридцати семи лет неженатым. Должна же быть тому какая-то причина?

— Почему неженатым? Он не так давно овдовел, — бодро ответил Диего.

— Овдовел? И сколько раз? — я гадко приподняла бровь.

— Один. Графиня неудачно упала с лестницы.

И падала так до тех пор, пока наконец не упала удачно? Что-то мне этот граф нравится теперь ещё меньше, чем тогда, когда я услышала о нём впервые. А ведь уже тогда ничего, кроме отвращения, он у меня не вызвал.

— Я не хочу падать неудачно с лестниц, — капризно сказала я. — И удачно тоже.

— Да слухи это, что граф Нагейт бил жену, — неожиданно возмутился мой собеседник. — Она сама свалилась. Любила слишком высокие каблуки, запнулась и свернула шею. Нагейты часто к нам приезжали. Думаете, я бы не заметил синяков?

— Мужчины вообще страдают избирательной слепотой, — отрезала я. — Вот если бы герцогиня избивала мужа, вы бы точно

заметили.

— Думаете? — удивился Диего. — Вообще, мне кажется, он её действительно побаивался.

Ну вот, оказывается, король пытался мне навязать трусливого мужа, не иначе как в надежде, что я его перевоспитаю. Но графиня уже доперевоспитывалась, мне эстафетную палочку после неё принимать не хочется.

Диего шёл теперь молча, наверное, переваривал внезапно изменившуюся картину мира, в которой не графы бьют графинь, а графини графов. А я наконец заметила подходящую лавочку, на вывеске которой было изображено очень миленькое платье. Туда я и устремилась. Отвлекающая внимание сфера исчезла, как только мы перешагнули порог лавки, и владелица, хорошо одетая женщина среднего возраста, в удивлении на нас уставилась. Наверное, нечасто её баловали визитами знатные дамы, на что указывала и развешанная одежда — простенькая, немаркая, как раз такая, какая мне была нужна.

— Сеньор, сеньорита, чем могу вам помочь? — неуверенно спросила хозяйка.

— Я хочу обменять своё платье на какое-нибудь из ваших.

— Я не принимаю в уплату вещи, — неожиданно отказалась она. — К тому же за одно ваше платье можно купить всё в моём магазине.

— Диего, а вы знаете ювелиров, которые принимают жемчуг в обмен на деньги? — со вздохом спросила я у спутника, давая ему возможность реабилитироваться в моих глазах.

— Знаю, но по очень невыгодному курсу.

— Тогда мы сейчас туда сходим и обменяем, — решила я. — А потом вернёмся и купим здесь платье.

— Эстефания, если вам так хочется, я могу купить вам платье в подарок, — галантно предложил Диего.

Память Эстефании молчала, но мне казалось, что герцогиням принимать платья в подарок неприлично, даже если они совсем недорогие. В положенный набор подарков для девушки из хорошей семьи — цветы, конфеты, книги — одежда точно не входила.

— Если вы одолжите мне необходимую сумму, я буду вам очень признательна, — решила я. — И отдам при первой возможности. Сразу как продам жемчуг. У вас можно будет его отпороть? — спросила я уже у хозяйки.

Она отмерла, уверила, что выдаст всё, что я пожелаю, и засуетилась, притаскивая одно платье за другим. Выбрала я плотное тёмно-серое, посчитав, что в дороге оно будет самое то. Отправилась переодеваться я с радостью, потому что хозяйка ослабила мне корсет и я наконец смогла вздохнуть почти полной грудью. Это поспособствовало приливу крови, насыщенной кислородом, к мозгу, и я поняла, что мне нужен корсет, зашнуровывающийся спереди, чтобы справляться с ним самостоятельно, поскольку горничных у меня в ближайшее время будет недостаток. Так что корсет я тоже заменила, немного попыхтев в попытках с ним справиться самостоятельно. А ещё я разобрала сложную причёску и переплела волосы в обыкновенную косу, которая наконец прикрыла шею. После этих несложных действий я даже почувствовала себя почти счастливой — больше ничего не напоминало о том, что меня сегодня собирались казнить.

Когда я вышла из-за ширмы, Диего окинул меня восхищённым взглядом и выдохнул:

— Никогда бы не подумал, что вам может пойти этот ужасный цвет. Но вы в нём кажетесь ещё нежнее и беззащитней.

— С вашими комплиментами уже можно чай пить. Они с каждым разом всё слаще и слаще.

А сам выдающий комплименты вызывал у меня всё больше и больше подозрений. Он явно неслучайно шлялся на задах гостиницы и теперь играет роль рыцаря, спасающего прекрасную даму из лап дракона. Но странно спасающего — путём уговоров вернуться к дракону, потому что так будет для неё лучше. Мол, съедят быстрее и безболезненней. Мутный тип. И прилипчивый.

— Один ваш вид вызывает у меня вдохновение.

— Сеньора, у вас найдутся ещё одни ножницы для моего спутника? На него нахлынуло вдохновение, его нужно срочно на что-то использовать.

Она спохватилась и принесла из подсобки ножнички в количестве трёх штук. Горка из жемчуга на столе росла прямо на глазах, правда, в основном благодаря усилиям хозяйки лавки. Вдохновлённый же Диего только и занимался тем, что сыпал комплиментами. Обезжемчуженное платье я всё-таки оставила в лавке, взамен милая сеньора выдала тряпичный кошелек, больше всего напоминавший вышитый мешочек,

куда я всыпала все жемчужинки. Кошелёк получился увесистым и приятно оттягивал руку. И это я ещё не обменяла его содержимое на деньги. Золотую вышивку я трогать не стала — даже если там действительно входит в состав золото, в чем я очень засомневалась, оценив вес, то пока мы его будем отпаривать, меня найдут все заинтересованные лица.

— И куда вы теперь, Эстефания?

— Сначала к вашему ювелиру, а потом. — тут я заметила, что сфера опять замерцала, указала на неё и спросила: — А не научите ли вы меня столь полезному заклинанию?

— Вы хотите, чтобы теперь уже мне отрубили голову? — неожиданно ответил Диего.

— С чего вдруг вам её отрубят? — удивилась я.

— Боже, дорогая, откуда вы вылезли, если не знаете элементарных вещей?

— Мы с тётёй жили очень уединённо. Что я, по-вашему, должна знать?

— То, что обучать магии могут только в университете Труадона. Всем, кто нарушает это правило, грозит смертная казнь.

— За что? — поражённо выдохнула я.

— За распространение знаний среди тех, кто не принёс присягу стране, — чуть удивлённо ответил Диего. — Вы правда этого не знали?

Я помотала головой, из которой вытряслись размышления Эстефании по этому поводу.

— Меня не учили, но я думала, это потому, что женщинам магия не нужна. Серьёзная магия, я имею в виду.

— Ну почему же. В нашем университете есть и студентки. Из низов, разумеется, для них это неплохой шанс подняться, заработать и получить относительную независимость. Сейчас около десятка учатся.

— Какие глубокие познания о внутриуниверситетской жизни. С чего бы это? — насмешливо протянула я.

— Меня в прошлом году в качестве наказания привлекли преподавать, — ответил он. — Осталось ещё два года. Вот, мучаюсь, можно сказать, денно и ночью.

Он издал душераздирающий вздох, но морда у него была хитрящая. Не так уж он там и страдает. Скорее, зарабатывает новое

наказание, пересчитывая вдоль и поперёк учащихся сеньорит.

— И вы всё равно не можете меня ничему обучить?

— Именно. Разрешено передавать бытовые и те заклинания, которые считаются семейным достоянием. Их обычно не светят, но вы ведь наверняка именно с помощью такого и прошли испытание артефактом Истины.

Его глаза жадно блеснули, выдавая настоящий интерес.

— Я прошла, потому что ничего никому не подливала. Не виновата я, понимаете, Диего.

Диего скептически хмыкнул. Но сказать ничего не успел, потому что мы дошли до ювелира. Тот из зала провёл нас в кабинет, где оценивал каждую жемчужину с лупой и артефактом, проверяя на подлинности и дефекты, а потом так же для каждой сообщал стоимость. Проверенные он ссыпал в ящик, взамен выкладывал на стол монеты. Солидные золотые, умеренно солидные серебряные и совсем мелкую бронзовую мелочь. Время от времени он пересортировывал монеты, меняя кучку серебряных на один золотой, а кучку медных — на один серебряный. Для меня оставалось загадкой, почему не произвести расчёт в самом конце, когда будет известна итоговая сумма. Потом я подумала, что жемчужин много, а ювелир уже в возрасте, вот и не рассчитывает на собственную память. Конечно, был вариант, что ювелир сомневался уже в моих мозгах и неспособности удержать больше десяти чисел в уме, но такой вариант мне нравился куда меньше.

Наконец подсчёт закончился и в кошелёк взамен жемчужин пересыпались деньги. Потяжелел он так, что я испугалась, не прорвётся ли, и решила при первом же удобном случае вшить часть денег в одежду. Оставалось придумать, как отделаться от навязчивого сопровождающего, которому я долг выплатила сразу, как получила на руки деньги, и можно где-нибудь залечь и решить, что делать дальше.

— Эстефания, а не подождёте ли вы меня в зале буквально пару минут. Мне надо переговорить с сеньором. А вы пока можете полюбоваться на выставленные драгоценности. Вдруг что-то присмотрите себе.

— Обожаю украшения, — радостно ответила я. — Особенно с бриллиантами.

— Стеллаж слева, — заинтересованно подсказал ювелир.

— Спасибо, сеньор, — заулыбалась я.

И пошла. Сначала в зал, а оттуда — на улицу, где почти побежала куда глаза глядят. Если я сама не знаю, куда идти, то отследить меня будет куда сложнее. Импровизация — страшная сила. Или красота? Неважно — у меня есть обе.

Глава 5

Несмотря на простое платье, внимание я привлекала: то и дело какой-нибудь нахал пытался познакомиться. Безуспешно пытался. Можно сказать, дорога, по которой я проходила, оставалась усыпана осколками разбитых сердец. Прежняя Эстефания от подобного навязчивого внимания была ограждена высоким статусом, для меня оно тоже оказалось неприятной неожиданностью. Ведь сейчас мне необходима незаметность. Пришлось срочно придумывать, чем закрыть красоту, и покупать чепец с большими полями, почти полностью закрывающий лицо. Шляпа с густой вуалью была бы надёжнее, но во-первых, она не подошла бы к простому платью, а во-вторых, я не только не заметила ни одной такой, но и в памяти не нашла упоминания. Благородные дамы, чтобы закрыть лица, использовали маски, и вот на них-то мастера отрывались по полной программе: раскрашивали различными узорами, прикрепляли перья, искусственные цветы, драгоценные камни или даже делали в виде стилизованных мордочек животных, преимущественно кошечек и лисичек. Такая маска больше привлекала внимание, чем скрывала свою владелицу, поэтому не подходила категорически. Да и не нужна она мне была, чепец со своей задачей справился идеально, снизив интерес к моей персоне до приемлемого минимума.

Пришлось ещё потратиться на практичные башмачки, потому что туфельки, выданные горничной, подходили только для ровного гладкого пола или короткого путешествия из тюрьмы на эшафот, но при длительной ходьбе начинало казаться, что чувствую каждый даже самый маленький камешек на дороге — слишком тонкой была подошва.

По дороге попала недорогая одёжная лавка, и я купила там чёрное платье, чтобы наверняка сбить со следа приставучего Диего. Серое упаковала в саквояж, купленный рядом. Туда же отправились расчёска, кусок мыла, пакет зубного порошка и зубная щётка. Можно сказать, малый набор путешественника. Осталось только решить, куда путешествовать.

Дело осложнялось тем, что хотя мне досталась память Эстефании в полном объёме, нужных сведений там не нашлось, сколько я ни пыталась их откопать. Зато ненужной ерунды было море. Голова была забита всякой ерундой начиная от последних столичных мод и заканчивая вышивками с котятами. Зато сведений по географии было маловато. Точнее, не по географии, а по политическому раскладу в соседних странах. Я не сказала бы с уверенностью, куда могла бы убежать с тем, чтобы меня не выдали, или с тем, чтобы в результате не развязалась война, к примеру с Варенцией, которая граничила с моим герцогством и с радостью приняла бы не только меня, но и мои земли. Ведь при этом размер королевства увеличивался сразу в полтора раза, прилично сокращая размер родной Муриции. И что-то мне подсказывало, что Теодоро Блистательный будет резко против такого поворота, потому что блистать он привык на больших территориях. Чем больше территория — тем сильнее блеск правителя. При мыслях о короле я резко ощутила несправедливость бытия. Вот он-то наверняка сидит сейчас во дворце и наслаждается жизнью, а я бегу непонятно куда.

Вот побегу в Варенцию, а окажется, что Теодоро собрался жениться на их принцессе, тогда меня выдадут сразу, как только пересеку границу. И не факт, что Теодоро не решит исправить ошибку и не казнит меня уже за измену родине. И почему я не спросила, на ком он собрался жениться? В официальных источниках о помолвке не сообщалось, иначе Эстефания об этом точно знала бы. А вот слухи наверняка ходили. И сейчас мне нужен кто-то разбирающийся в слухах и в политике.

Подруги отпадают. Их у Эстефании было несколько, но в политике они вряд ли разбирались, а дружба была довольно поверхностной, поэтому я бы ни одной из них не доверилась, да и искать меня там будут во вторую очередь. А в первую — в герцогском особняке. Но пока я шла, всё больше удаляясь от центра, а значит, от мест, где меня почти наверняка всюю ищут.

Слишком далеко на окраины забредать не стоило — там я могла расстаться не только с деньгами, но и с жизнью. В идеале снять бы комнату и переждать бы пару недель, внимательнейшим образом изучая газетные новости. Объявлений о сдаче жилья пока не

попадалось, а спрашивать я не решалась: слишком нежный голос мог запомниться и выдать моё местонахождение.

На станцию дилижансов я вывернула совершенно случайно, но сразу поняла, что вот он, знак свыше.

— Дилижанс на Фрумону отправляется через пять минут! — зычно проорал почти мне в ухо подтянутый мужчина средних лет. — Осталось одно последнее место! Торопитесь.

Последнее место я заняла даже до того, как сообразила, что Фрумона — это город с монастырём, в котором находится моя тётя. А тётя — это кладезь знаний и единственная оставшаяся в живых родственница. Конечно, она почти наверняка отметит несоответствие в поведении племянницы, но мне всё равно рано или поздно придётся с ней встретиться. Так почему не сейчас?

Дилижанс оказался забит важными дамами, едущими на фрумонские воды, лечебные свойства которых славились на всю страну. Пара мужчин просто терялись на фоне ярких широченных юбок, забивавших всё свободное пространство. Я в своём чёрном платье выглядела как сирота, недавно похоронившая близких родственников, и была совершенно незаметна в этом цветнике. Разумеется, если не сниму чепец. А его я снимать не собиралась.

Из Труадона мы выбрались быстро, нас никто не останавливал и не проверял. Но если бы вдруг какому-нибудь стражнику пришло в голову сюда заглянуть, его бы заговорили до смерти. Щебет стоял безостановочный. Обсуждали все: моды, рецепты, погоду, даже по моей казни пара вскользь прошла сожалением, что зря сходили: самого интересного им не показали. У меня от шума начала кружиться голова. Или от голода? С завтрака в гостинице времени прошло немало, а до этого меня насильственно держали на голодной диете.

До Фрумона мы добивались остаток дня и всю ночь, с редкими остановками на станциях дилижансов, где пассажиры могли размяться и совершить ряд неотложных дел, пока перепрягали лошадей. Я смогла даже поужинать наскоро, с наслаждением ощущая во рту вкус настоящей еды.

В дилижансе времени для размышлений и страданий было полно. Положение было неудобное, наверное, поэтому, если даже удавалось уснуть, сны приходили грустные: о подругах и родителях ещё тех времён, когда был жив папа и я не связалась с Максом. Вот по нему

сердце не болело совершенно. Отстрадала, пока лежала без движения и даже порыдаться не могла. С Максом было весело, но опасно, а ещё, как выяснилось, ненадёжно, так что больше никаких весёлых Максов и замуж — как положено герцогиням, только по расчёту. Рассчитаю всю плюсы и минусы, и, если плюсов окажется существенно больше, составлю лично брачный договор — и вот тогда только соглашусь. Вспомнилось, что брачный договор, переданный королём, я так и не изучила. Вдруг там были условия, лучше которых мне не придумать? Ничего, из корсажа бумага никуда не денется, остановлюсь в безопасном месте, прочитаю. Всё равно выходить замуж за человека, который старше тебя более чем в два раза, неправильно даже по расчёту. Кроме того, выходить замуж в платье для казни? Это даже не моветон, это гораздо хуже. Уж король должен такие тонкости понимать. Впрочем, для того, чтобы что-то понимать, он слишком красив. Интересно, Блистательным его назвали за внешность или за другие заслуги? В памяти информации не находилось.

Утром из дилижанса я вылезла злая и невыспавшаяся. Несмотря на ослабленный корсет, казалось, я провела ночь в пыточном приспособлении. Да, чувствовать своё тело и владеть им было прекрасно, но всё должно быть в меру. Случайные попутчики выглядели не лучше: мятые, сонные и, к счастью, совершенно неразговорчивые.

Спрашивать, где монастырь, не пришлось — он был прекрасно виден из любой точки города, возвышаясь над ним, как напоминание о неотвратимости возмездия за грехи. Теперь оставалось только придумать, как туда попасть. Не могу же я прийти и сказать: «Здравствуйте, у вас моя тётя». «Здравствуйте, — ответят мне, — а вас как раз король искал. Вы у нас посидите, пока от него не приедут. У нас есть очень милая зарешеченная келья. Для особо важных гостей». Быть гостьей монастыря не хотелось, особенно по такому поводу.

Но почему бы туда не прогуляться? Мало ли что придёт в голову, когда она проветрится после поездки?

По дороге я купила лист писчей бумаги и карандаш на случай, если удастся передать записку. Это казалось маловероятным: не для того король отправил мою родственницу в монастырь, чтобы она вела неподконтрольную обширную переписку. Но если появится возможность, я должна быть к ней готова. Я даже пару строк

набросала, любуясь изяществом букв, которые рука выводила вне моего желания. В прежней жизни я никогда не достигала такого уровня каллиграфии.

Почти все мои спутники также двигались к монастырю, и я вспомнила, что там есть гостевые комнаты для тех, кто приезжает на воды. Но в своём нынешнем виде я на них не могла претендовать. А вот на то, чтобы заплатить монетку за вход и испить пару стаканов исцеляющей воды — вполне. А там осмотрюсь и решу, что делать.

Я пристроилась в хвост процессии, чтобы посторонние посчитали, что я чья-то горничная, и не обратили на меня пристального внимания. Вообще, чепец оказался очень удачной находкой, снизившей мою привлекательность настолько сильно, насколько это было возможно при стройной девичьей фигурке. Но был он при этом очень неудобный и прилично мешающий обзору.

Стоящая на входе монахиня зорко следила, чтобы никто не проскользнул не оплатив. Каждого, кто вносил хоть самую мелкую монетку, она одаряла улыбкой и благословением. Удостоилась его и я.

Проход был только один, но в конце коридор разветвлялся. Указатели на стенах сообщали, что к источнику идти направо, а к гостевым помещениям — налево. В этом месте я окончательно рассталась со своими спутниками по дилижансу, которые даже не заметили моей потери.

У источника никого не было, кроме ещё одной монахини, которая откровенно скучала, поэтому начала мне рассказывать длинную красочную легенду о святой Лурдес, покровительнице монастыря. Я слушала, выразительно ахала в нужных местах и размышляла, не слишком ли будет подозрительно, начни я узнавать про тётю.

Но узнавать не пришлось: графиня Хаго появилась у источника сама. Двигалась она без сопровождающих, но это не мешало ей ступать величаво, словно королеве. Чёрное кружевное платье контрастировало со светлыми волосами, в которых седины практически не было. Учитывая тётин возраст — 62 года, можно было предположить, что это скорее результат магии, чем естественный цвет. На лице морщинок заметно почти не было. А уж глаза, глубокого серого цвета с длинными чёрными ресницами могли принадлежать куда более юной особе.

Сориентировалась я тут же.

— Ваше Сиятельство, не нужна ли вам горничная?

Она вздрогнула и уставилась на меня с величайшим изумлением. Пришлось чуть приподнять оборки чепца, чтобы она уж точно убедилась, что это я.

— Дитя моё, неприлично приставать к доньям, — сурово сказала монахиня, попытавшись вклиниться между нами.

От чепца я руки убрала и залепетала:

— Сестра, прошу меня извинить. Но я нахожусь в ужасном положении. Я сирота и денег у меня осталось совсем немного.

— Сестра, не будьте столь жестоки к девочке, — медово пропела тётя. — Я переговорю с ней. Мне на самом деле нужна горничная. Возможно, она подойдёт. Что ты умеешь?

— Всё, что будет угодно Вашему Сиятельству. Я могу шить, готовить, убирать, бегать по вашим поручениям...

— Умеешь ли ты писать и читать?

— Да, но не очень хорошо.

— Пойдём со мной. Я проверю, правду ли ты говоришь. Неграмотная горничная мне не нужна.

Она развернулась, даже не дойдя до источника, и так же величаво, как подходила, поплыла назад. Осанка у неё была такая, что усомниться в её высоком положении было невозможно.

Чувства, что меня увлекают в ловушку, не было. Да и сама графиня не выглядела узницей, а скорее отдыхающей в хорошем санатории на свежем воздухе. Помещение, которое ей было отведено, вполне укладывалось в это предположение: несколько комнат, в том числе гостиная, кабинет и спальня. Провела тётя меня в кабинет.

— Рассказывай, — сразу бросила она, как только я закрыла дверь и с наслаждением стащила опостылевший чепец с головы. — Что это за маскарад?

— Пришлось бежать, потому что Его Величество решил меня срочно выдать за графа Нагейта.

— То есть он помиловал тебя с условием? — гневно фыркнула она. — Я так и знала! Я сказала, что, как твоя опекунша, никогда не соглашусь на этот брак, поэтому меня сослали, а тебя обманули как глупую деревенщину. Зачем ты просила аудиенции у короля?

— Надеялась, что он тебя помилует, — ответила я.

Обращение на ты казалось одновременно и естественным, и совершенно невозможным. Эта женщина вызывала уважение и была одновременно мне близка и совершенно чужда. Моё сознание перемешивалось со знаниями и ощущениями Эстефании, и я не всегда могла понять, что там моё, а что чужое. Жизнь до аварии уже казалась чем-то вроде потускневшего кино, а жизнь здесь — яркой и настоящей. Моей.

— Теодоро и без того не стал бы меня тут долго держать, ты просто облегчила ему выполнение плана. Боже мой, Эстефания, столько трудов — и всё прахом из-за того, что ты решила поступить, как тебе захотелось. Вот и получай в мужья Нагейта.

По воспоминаниям Эстефания была уверена, что тётя её любит, но сейчас я видела перед собой женщину, для которой то, что планы пошли прахом, оказалось куда важнее судьбы племянницы.

— Как я могу избежать брака?

— Никак. Герцоги Эрileyские всегда держат слово.

— Но я не соглашалась на брак.

— Тогда почему Теодоро тебя помиловал? — она побледнела. — Что ты ему такого сказала? Или пообещала?

— Я потребовала проверку на кристалле Истины, и он посчитал меня невиновной.

Она недоверчиво прищурилась.

— Как это возможно? Ты сама призналась.

Да, Эстефания действительно сделала такую глупость: призналась во всём сразу после задержания, облегчив жизнь не только придворному магу, но, как только что выяснилось, и королю.

— И тем не менее я ничего не подливала королю Теодоро Второму.

Она задумалась. Ненадолго. Взгляды при этом бросала на меня такие, что я понадеялась, что она догадалась об обмене. Обманывать её я изначально не хотела, сильнее намекнуть не позволяла клятва, но и того, что я сказала, должно быть достаточно тому, кто лично передавал фамильные знания племяннице. Но если графиня Хаго и догадалась, то решила оставить это при себе. В её поведении не изменилось ровным счётом ничего.

— Не знаешь, бумаги уже подписаны королём?

Я спохватилась и вытащила из-за корсажа изрядно помятый и потёртый брачный контракт. Графиня развернула и начала читать, с каждым мгновением распаляясь всё сильнее и сильнее.

— Это переходит всяческие границы, — наконец раздражённо выдала она. — Нет, я понимаю, почему Теодоро настаивает на этих пунктах, но это оскорбление памяти твоего отца. Нет, брака с Нагейтом на таких условиях я не допущу. Пока не знаю как, но не допущу. Тебя нужно срочно спрятать. Не здесь. Здесь вонючка Бласкес найдёт тебя быстро.

От воспоминаний о мерзком придворном маге меня передёрнуло.

— Почему он не моется? Это какой-то обет?

— Почему не моется? — удивлённо посмотрела на меня тётя. — Он воняет из-за магии. Слишком часто использует.

Сообщение было шокирующим. Если у меня и бродили в голове мысли поступить в университет, то они сейчас благополучно её покинули. Никакая магия не стоит того, что от тебя начнут шарахаться даже привычные к тяжёлым ароматам свиньи.

Глава 6

— Магия так воняет? — не удержалась я.

— Его — да. Эстефания, такое впечатление, что ты всё забыла, — тётя подозрительно прищурилась. — Задаёшь странные детские вопросы.

«Потому что я — не она», — почти ответила я, но внезапно поняла, что рот я раскрываю, а звуки из него не вылетали, а ещё я внезапно поняла то, о чём смогла сказать прямо:

— Мне кажется, у меня заблокировано почти всё, касающееся магии.

Возможно, этого не следовало говорить, но тётя в любом случае потребует объяснений, почему я не знаю и не умею чего-то. Поняла ли она, что я другая Эстефания? Скорее всего. Но признавать это не стала. Возможно, это идёт вразрез с её планами? Смотрела она довольно странно, недовольно хмурилась, но посвящать меня в свои раздумья не торопилась.

Но если Эстефания смогла заблокировать перемещённой душе доступ к своим знаниям, то блок мог распространяться не только на магию. Не могло же у девушки в её возрасте не быть каких-то влюблённостей, пусть и глубоко подавляемых? Если я чувствовала её эмоции по отношению к королю, тёте или Бласкесу, значит, и остальные должна была. Но та же Эсперанса воспринималась совершенно чужой. Нет, я знала, кто это, но не чувствовала к ней ничего. Значит, Эстефания закрыла что-то личное. А ведь я оставила свою память полностью беззащитной перед ней. Не такая уж она была наивная простушка, как оказалось. И не такая неумеха, как я решила, рассмотрев набор заклинаний, что мне достался. Конечно, его вполне хватало дойти до эшафота, а на большее никто не рассчитывал. Но всё изменилось, и мне этих знаний точно будет мало. И не только о магии. Хотелось бы быть уверенной, что король, говоря о запятнанной чести Эрилейских, был не прав. Или хотя бы очень преувеличивал.

— Думаешь, Бласкес приложил к этому руку? Впрочем, что это я? Конечно, Бласкес, больше некому — забормотала тётя. — Блок

должны были снять после оправдания, но почему-то этого не сделали. Наверняка Теодоро запретил.

— Его Величество считает меня преступницей, — напомнила я.

Вероятность того, что блок наложил Бласкес, существовала, но я не была в этом уверена так, как тётя, поскольку встреч с придворным магом в моей памяти нашлось мало и он ничего со мной не делал. И даже если бы он заблокировал магию, то при мне остались бы знания. Но нет, знаний не было, то есть были, но какие-то жалкие разрозненные обрывки, словно Эстефания перед обменом торопливо сортировала: это уберём, а это оставим, оно укладывается в легенду и не позволит посчитать сделку обманом. Я и сейчас не была уверена, что она меня надула, поскольку будь у меня возможность заблокировать ряд личных воспоминаний в том теле, я бы это тоже сделала. Эстефании они лишние, она своих наберёт, а мне бы не хотелось, чтобы кто-то посторонний совал туда свой нос. Но что сделано, то сделано, будем надеяться, что бывшая герцогиня со всем уважением отнесётся к моим тайнам и не будет в них заглядывать. Хотя знать её тайны я бы не отказалась: иное незнание на её уровне может стоить головы.

— Его Величеству лишь бы кого-то обвинить — отмахнулась тётя.
— Ты вообще ничего не помнишь?

— Что-то помню, но странно, как если бы из детской головоломки вытащили и спрятали часть деталек. Большую часть.

И это касалось не только знаний по магии, но и воспоминаний. То, что не казалось странным при появлении в этом мире поскольку странностей и без того хватало, сейчас вылезло на первый план.

— Плохо, — тётя нахмурилась. — Нужно непременно снимать блок. Если он есть. Ну-ка.

С её руки сорвалась голубая полупрозрачная лента и окутала мою голову.

— Действительно, блок. Не подумала бы, что Бласкес поставит такой некачественный и заметный. Выскажу фи Его Величеству при личной встрече. Не умеет он с достоинством проигрывать.

Словно в ответ на эти слова, в дверь затарабанили и тоненький голосок испуганно пропищал:

— Срочный посыльный от Его Величества Теодоро Второго.

Горничная торкнулась в дверь, но та была заперта. Тётя указала на снятый чепец, я его торопливо натянула, пряча лицо, после чего открыла дверь, стараясь выглядеть как можно незаметнее. Впрочем, для вошедшего незаметными были все, кроме него самого. Он был важен, толст и громкоголосен. Настолько громкоголосен, что, кажется, его услышали в самых дальних уголках монастыря, когда он сообщил:

— Его Величество Теодоро Второй повелевает графине Хаго незамедлительно прибыть в Труадон.

В доказательство своих слов он протянул письмо, запечатанное чем-то похожим на сургуч, но судя по облачку искорок вокруг, таковым не являющимся. Когда тётя сломала печать, та вспыхнула в воздухе и растаяла, словно дымок. Тётя вчиталась и чуть насмешливо протянула:

— Его Величество так уверен, что я смогу решить эту проблему?

Письмо, словно только ждало этого вопроса, истаяло, как только что это сделала печать.

— Вы сомневаетесь в распоряжениях нашего короля? — уточнил толстяк.

Уточнил с готовностью настроичить донос прямо сейчас, пока не забыл ни единого слова. Наверное, хорошо оплачиваются доносы, если посыльный хватается за любую возможность их написать. Конечно, нельзя исключить и того, что это просто ему нравится. Как говорится: сделал гадость — сердцу радость.

— Что вы, мой дорогой? Я сомневаюсь в себе, в собственных способностях. Его Величество непогрешим, не зря же он именуется Блистательным.

В её словах насмешка почудилась не только мне, но и посыльному, очень уж выраженное подозрение появилось на его лице, но формально ему придраться оказалось не к чему, поэтому он ограничился одними взглядами.

— Когда вы выезжаете?

— Разумеется, немедленно. Разве можно заставлять короля ждать? Могу вам выделить место в дорожном экипаже, сеньор.

— Спасибо, у меня свой, — оскорблённо вскинулся толстяк, наверняка рассчитывающий на обращение «дон». — И я хотел бы передохнуть пару часов, прежде чем возвращаться в Труадон.

Я бы тоже не отказалась передохнуть. После ночи, проведённой в дилижансе, я чувствовала себя совершенно разбитой. Но что-то

подсказывало, что собираться и ехать придётся мне тоже. Точнее, только ехать, поскольку собирать мне было нечего. Жизнь по принципу: «Всё своё ношу с собой» временами очень удобна.

Впрочем, графиня сборами себя тоже не утруждала, поручив это дело прислуге. Сама же заперлась в кабинете, заявила, что король требует её прибытия как раз по поводу моей пропажи и сразу переключилась на Бласкеса, пытаюсь выяснить, когда он мог поставить блок. Но воспоминания были чужими, а сама я ужасно хотела спать, поэтому ничего удовлетворяющего родственницу из памяти не вытащила. Возможно, этому способствовало и то, что я была почти уверена в том, что если удастся снять этот блок и воспоминания вернуться в полном объёме, выяснится, что ставила его сама Эстефания.

— Ты очень рассеянна, Фани.

— Я не выспалась, хочу есть и принять ванну, — огрызнулась я. — К тому же выяснилось, что у меня в голове кто-то покопался, а я этого не помню. Так с чего мне быть собранной, тётя?

— С того, что это первейшая обязанность мага, — отрезала она. — А ты не просто маг, ты последняя представительница дома Эрилейских.

— Как и вы, тётя, — я вовремя вспомнила, что она была сестрой отца, не так давно овдовевшей. — Вы тоже представительница дома Эрилейских

— Меня можно в расчёт не брать, — отмахнулась она. — Я сухая ветвь дерева. Тебе же суждено продолжить род.

Детей у четы Хаго не было, но почему, для меня было загадкой. В памяти объяснений не нашлось.

— От того, что я позеленею, род не продолжится, — заметила я. — Даже магу нужно высыпаться и вовремя есть. И мыться тоже. Исключения в виде Бласкеса только подтверждают это правило.

Она рассмеялась.

— Такой ты мне нравишься куда больше, Фани, чем когда я тебя видела в последний раз. Если ты не забыла, у меня удобная карета, выспишься. И голодом я тебя морить не буду. А то действительно, позеленеешь — какой с тебя тогда толк? Что касается мытья... — с её руки опять сорвалась зелёная лента магии, и я почувствовала, как не только с тела уходит пот и грязь, но и платье расправляется,

приобретая вид нового и аккуратно отглаженного. — Этого заклинания тоже не помнишь?

Я покрутила головой. Уж не знаю, чем руководствовалась в выборе оставляемых мне заклинаний бывшая хозяйка тела, но этого, вполне безобидного, среди них не было. Получается, просто надёргала случайным образом, чтобы формально выполнить клятву? О клятвах я имела весьма смутное представление, в то же время Эстефания наверняка в них разбиралась.

— Научите? — спросила я, памятуя, что бытовые и внутрисемейные заклинания можно передавать, не подвергая себя опасности очутиться на плахе.

— Нежелательно, — нахмурилась тётя. — Ты его знала. Когда блок снимут, а его обязаны снять, произойдёт наложение, а это не есть хорошо. Всё равно это заклинание часто на себе или другом использовать нельзя. Что ты помнишь?

Я перечислила, умолчав только о тех двух, которые точно были семейным достоянием — по переносу души и целительскому восстановлению тела, и то не потому, что хотела утаить, а потому что они неожиданно подпали под клятву и сказать о них я не могла.

— Негусто, — подвела итог графиня. — Не переживай, дорогая. Всё восстановим.

Возможно, возвращение в город, из которого я день назад убежала, было не самым разумным шагом. Но те сведения о местной действительности, которые у меня имелись, никак не способствовали выживанию без поддержки. Ни профессии, ни знаний, годных для заработка не было. То, что знала и умела я, в этом мире использовать было проблематично — слишком далеки мы были как по менталитету, так и по уровню технологий. Денег, вырученных с жемчуга, на какое-то время хватит. Но что потом? Строго говоря, вообще удивительно, что удалось выбраться, не вляпавшись в никакие неприятности, за исключением Диего. Но и тот удачно стряхнулся с хвоста.

У графини Хаго я была единственной родственницей, так же как и она была единственным близким человеком герцогини Эрилейской, зла племяннице она точно не желала и разбиралась в происходящем куда лучше меня. Правда, возникал вопрос, считать ли меня её племянницей. И что окажется важнее для графини Хаго, если она точно убедится в обмене: узы крови или душа? Само заклинание тоже

вызывало вопросы. Честно говоря, я не могла представить, для чего вообще было создавать подобное, да ещё и без возможности отменить действие: не принимать же всерьёз версию, что предки Эстефании готовили для неё побег за много столетий до того. Да и какой смысл в таком побеге? В другой мир, без возможности отомстить подставившего?

Размышляла я об этих странностях недолго. Карета с гербом Хаго действительно оказалась куда комфортней дилижанса, в котором я добиралась до Фрумоны. Она была солидных графских габаритов, и внутри нашлось два мягких диванчика, на одном из которых устроилась я, а на втором — тётя. Горничную она безжалостно выставила на козлы к кучеру. Но как мне показалось, девушка этому только пораздовалась: день был солнечный, не очень жаркий, но и не прохладный, а кучер — моложавый и симпатичный.

Карета мерно колыхалась, и я ожидаемо уснула, добирая то, что не добрала ночью. Сон был странный: я искала и находила крошечные обрывки нитей, связывала их, досадуя, что часть безвозвратно потеряна, но нитки находились новые, и сматывала в клубок. Почему-то это казалось необычайно важным, словно от этого зависела сама моя жизнь. Клубок становился всё больше. Более того, к тем нитям, что собирала я, приматывались другие, самых разных расцветок — от похоронно-чёрных до ярких цветочных. Я их сматывала, сматывала и сматывала. Занятие, если подумать, было совершенно дурацким, я даже вязать не умела, так зачем мне клубок? Но проснулась я, столь живо ощущая тяжесть в руках, что даже удивилась, когда ничего там не обнаружила.

Окончательно пришла я в себя, когда мы уже подъезжали к Труадону, до этого я всё делала почти не просыпаясь, даже ела. А тут поняла, что спать больше не хочу и что мне срочно надо умыться и расчесаться. И если с первым пока было проблематично, то исполнить второе желание было в моих силах. Я расплела косу и начала водить по длинным шелковистым волосам расчёской.

— Коса — слишком простонародная причёска, — заметила тётя.

— Так я и собираюсь играть роль горничной, — напомнила я.

— Для горничной она тоже слишком простонародная. Косы характерны для сельских жительниц.

— Ничего, поработаю на вас, пообтешусь, не буду больше напоминать деревенщину.

Она рассмеялась, но смех тут же застыл у неё на губах, потому что дверца движущейся кареты распахнулась и туда как к себе домой ввалился Его Величество Теодоро Второй.

Глава 7

Я смотрела на Его Величество и чувствовала себя кошкой. Нет, не той, которая может смотреть на короля, а той, перед мордой которой поставили миску со сметаной, но на таком расстоянии, что можно только нюхать, а дотянуться нельзя. Нет, теоретически можно было дотянуться и попробовать, но расплата за это следовала незамедлительно как разбитым сердцем, так и уничтоженной репутацией.

— Какая неожиданная встреча, — издевательски произнёс Теодоро, прервав молчание. — Хотел побеседовать с графиней Хаго о том, где может скрываться её племянница, а они оказались вместе. Удачно, не правда ли, дамы?

Он захлопнул дверцу и уселся на диванчик рядом со мной, причём не подальше, а бок о бок, так что его бедро оказалось вплотную к моему. Обращаться так с герцогинями, даже беглыми? Я возмущённо посмотрела на незваного спутника, но всё его внимание было уделено нахмурившейся тёте. Пришлось спасаться самой, отодвинувшись к стенке. В отместку я продолжила расчёсывать волосы. Конечно, это неуважение, но кто не уважает нас, не может рассчитывать на уважение от нас.

— Заявляю протест, Ваше Величество, — вдохновенно сказала тётя. — Права моей племянницы были нарушены.

— Не гневите Двуетиного, донья, — усмехнулся король. — Вы лишены опекуна, поэтому я имею право распоряжаться будущим Эстефании.

— Не имеете, — неожиданно отрезала тётя.

— После того как она пыталась меня отравить? — он повернулся ко мне, и расчёска застыла у меня в руках. — Неужели вы не поделились с тётей, что вы натворили?

— Я даже не успела с ней поделиться тем, что вы мне сделали непристойное предложение, — не удержалась я, вызвав своими словами возмущённый «ах» от тётки. Правда, для меня осталось неясным, возмущалась она поведением короля или тем, что я об этом

так спокойно упомянула. — Не успела я добраться до Фрумоны, как леди Хаго поступил приказ от вас явиться в столицу.

— У вас была целая дорога для рассказа.

— Я использовала её куда правильной — выпалась. Дорога во Фрумону выдалась не из лёгких, знаете ли, Ваше Величество.

Расчёска скользила по волосам, как лёгкая яхта по морю при попутном ветре. Управляться с такой копной было непривычно, но я справлялась, получая от этого даже некоторое удовольствие. В том числе эстетическое: волосы были нежные, как шёлк, и отливали золотом.

— Вам не идёт этот цвет, Эстефания, — неожиданно сказал король. — С чего вы вдруг вырядились во всё чёрное, как ворона?

Поправлять Его Величество и сообщать, что ворона как раз чёрная не полностью, в отличие от ворона, я не стала. Вряд ли он умилился бы моим орнитологическим знаниям. Скорее, посчитал бы ещё одним оскорблением короны.

— Это траур по моим погибшим надеждам.

— Надеялись красиво умереть на эшафоте? — рассмеялся он. — Другие ваши надежды пока не похоронены. Например, надежде на счастливый брак суждено сбыться совсем скоро.

Я скорчила гримаску, показывающую отношение к навязываемому жениху, и начала заплетать волосы. Пусть тётя считает это деревенской причёской, но косу потом можно уложить на голове и закрепить шпильками, которые я предусмотрительно не стала продавать ювелиру.

— Ваше Величество, — вмешалась в нашу милую беседу тётя, — вопрос слишком серьёзный, чтобы к нему столь легко относиться. По какой причине блок с магии моей племянницы не был снят?

— А его ставили? — удивился король. — Кто?

— Я не помню. У меня блок ещё и на части памяти, — пожаловалась я. — И это точно нарушение моих прав.

И неважно, кто их нарушил: мне нужна память этого тела, иначе я могу ошибиться до смерти: именно такие ставки наверху.

— Этим займётся ваш будущий муж. Не переживайте.

Он положил свою руку на мою, якобы желая успокоить. Или напротив — желая заставить нервничать. Короли — существа непредсказуемые, играют по своим правилам, даже когда они такие красивые. Рука тоже была красивая, на удивление не изнеженная рука

кабинетного деятеля, а рука того, кто не чурается физических нагрузок — подушечки мозолей ощутило царапнули мою нежную кожу. А ещё царапнул перстень. Королевский, окутанный магической дымкой, не позволяющей разглядеть, что на нём изображено. Почему-то казалось, что я должна это знать, но при попытке вспомнить я словно упиралась в упругую стену, которая продавливалась с огромным трудом совсем на чуть-чуть, а потом отшвыривала меня назад, не позволяя заглянуть в сокровищницу памяти.

— Ваше Величество, вы сейчас про того, у кого жёны падают с лестниц, после чего исчезают все связанные с ними проблемы? — уточнила я, выдёргивая свою руку из его.

— Не выдумывайте Эстефания. Он был женат только единожды, — чуть разочарованно сказал Теодоро.

Его рука продолжала лежать на моей ноге, хотя успокаивающим жестом теперь это точно нельзя было посчитать. Конечно, между нами были ещё несколько рядов ткани, и всё-таки это был явный непорядок, поэтому я потянула за королевскую манжету и переместила его руку на его же колено. Теодоро сопротивляться не стал, сделал вид, что не происходит ничего особенного. Тётя же отметила чуть приподнявшейся бровью. В наш разговор вмешиваться она не торопилась.

— Мне кажется, одного брака ему достаточно, — заметила я. — В его возрасте пора уже думать о возвышенном, о боге, а не о новых жёнах.

— В его возрасте? Вы о чём, Эстефания?

— Как о чём? Вы мне пытаетесь подсунуть дряхлого старца.

— Вы что-то путаете, Эстефания. Графу Нагейту ещё сорока нет.

— Вы считаете его юным, Ваше Величество? У него и зубов своих, скорее всего, не осталось, в таком-то почтенном возрасте.

Лицо Теодоро стало задумчивым-задумчивым. Наверняка проверял языком наличие собственных зубов. Тётя же с трудом сохраняла серьёзный вид, хотя ей точно своих зубов стыдиться не следовало: насколько я успела заметить, у неё они все были на месте и отличались ровным жемчужно-белым цветом. В юности она была необыкновенно хороша, сейчас тоже была красива, но возраст уже наложил свой отпечаток на лицо. Возможно, ей ещё посвящали сонеты

какие-нибудь старые поклонники, но на дуэли за её благосклонность уже давно не дрались.

— То есть, Ваше Величество, вы мне, герцогине Эрилейской, подсовываете жениха даже не второго, а третьего сорта и считаете, что не нарушаете мои права? — решила я закрепить успех.

— Первый раз слышу о сортах женихов, — отмер Теодоро. — И что же относится к первому сорту?

— К первому? — от неожиданного вопроса я ненадолго задумалась. — Те, кто имеют ум, чувство юмора, высокое положение, хороший доход, молодость и красоту.

— А ко второму?

— Когда одного пункта из этого списка нет. Но давайте всё-таки вернёмся к вопросу моей утраченной памяти. Артефакт признал мою невиновность, а блок не сняли.

Теодоро предпочёл притвориться, что ничего не расслышал. Возможно, ему стоило намекнуть, что у него тоже начинаются возрастные проблемы со слухом?

— Бласкес говорил, что вы в тюрьме проводили какой-то ритуал...

Эта королевская реплика очень заинтересовала тётю, которая уставилась на меня с явным вопросом.

— Тогда он должен был ещё сказать, что у меня ничего не получилось.

— Почему же... Возможно, как раз результатом этого ритуала оказалось то, что артефакт признал вас невиновной...

Отчасти это было так, если считать, что он признавал невиновной графиню Эрилейскую, но это не отменяло факта, что я никого не травила и даже не заключала с Бласкесом никакого опасного договора. Но клятва связывала меня в точности, как предыдущую Эстефанию. Наверняка существовали способы её обойти, но увы, я их не знала.

— Артефакт признал меня невиновной, потому что я ничего вам не делала. Вам следует присмотреться к своему окружению. Если, разумеется, вас вообще кто-то травил, а не была устроена постановка для того, чтобы на меня надавить.

— Надавить?

— Заставить меня выйти замуж за вашего престарелого графа.

— Что вы, милая Эстефания, — он усмехнулся весьма хищно. — Если бы артефакт не признал вашу невиновность, то вас бы казнили. Прощать покушения на королей нельзя. Даже таким красивым герцогиням.

Он улыбнулся, этак намекая, что его неприличное предложение остаётся в силе, но я сделала вид, что ничегошеньки не понимаю, вовремя вспомнив, какая у меня сейчас подходящая для этого внешность. Пошире распахнуть и без того бездонные глаза и нежно пролепетать:

— Так и казните тех, кто покушается. Ваше Величество.

Я постоянно забывала к нему обращаться по правилам, принятым в этом обществе. Полагаю, я вообще вела себя не по ним, потому что сейчас не отвела взгляд, а уставилась на Теодоро с вызовом, полностью выходя из образа нежной фиалки, он же на меня смотрел с каким-то непонятным выражением. Взгляд не отводили ни он, ни я. Прервало нашу зрительную дуэль покашливание тёти.

— Ваше Величество, в одном моя племянница права: она не может выйти за какого-то там графа, даже если он не так дряхл, как ей представляется.

Король отвлёкся от меня, повернулся к моей родственнице и высокомерно процедил:

— Не какого-то там, а приближённого ко мне. Я знаю, кого вы прочтёте ей в мужья, и не могу позволить, милая донья, чтобы вы продолжали интриговать за моей спиной. Пока ваша племянница не замужем, вы не успокойтесь.

Стало интересно, за кого собирается меня выдать графиня. Возможно, её кандидатура ещё хуже предложенной королём? То-то тётя так напряглась при его словах.

— Предположим, Ваше Величество, что графиня Хаго действительно интригует за вашей спиной, но почему за это должна расплачиваться я?

— Она же ваша тётя, милая Эстефания, она прекрасно знала, кто будет платить. Случившееся с семьёй брата её ничему не научило.

Похоже, речь шла о тайнах прошлого, к которым мне не дали доступа. Я повернулась к тётке, но она была полнейшая невозмутимость, даже милая улыбка на лице наличествовала. Но тут мой взгляд случайно упал на её руки, побелевшие от напряжения. Они

так сжимали веер, словно представляли вражескую шею. Уверена: та только хрустнула бы под нежными дамскими ручками. Стало интересно, кого она сейчас представляет. Кажется, нашего милого собеседника, который не испытывал ни малейших иллюзий в отношении нашей семьи.

— Ваше Величество, но должна же быть альтернатива этому браку. Неужели герцогиня не может выбрать мужа самостоятельно?

— В вашем случае — нет, — коротко ответил он.

— Я вообще ещё слишком молода, чтобы идти под венец.

— Это вам так кажется. Ещё немного — и превратитесь в старую деву, на которую никто не позарится.

Я насмешливо улыбнулась. Уж на кого-кого, а на Эстефанию зариться будут ещё лет двадцать как минимум, и это без учёта герцогского титула, с учётом онога так вообще до самой смерти.

— Что ж, значит, такова моя судьба, — с показной грустью сказала я. — Заведу с десяток кошек и буду о них заботиться. Так что там с моим блоком, Ваше Величество? Когда его снимут?

— Я сначала узнаю у Бласкеса, почему он его поставил, — отрезал король и... испарился с диванчика.

Вот только что сидел рядом со мной и исчез, словно он мне привиделся, словно до этого мига мы общались лишь с королевской иллюзией. Но у иллюзий не бывает такого острого взгляда, таких уверенных рук, и иллюзии не оставляют после себя терпкий запах грейпфрута. Или оставляют?

— Ты себя выдаёшь, — неожиданно сказала тётя. — Следует вести себя скромнее, уважительнее. Мир другой?

Я не смогла ни кивнуть, ни ответить.

— Понимаю, клятвой связана.

— Вам всё равно, кто я? — смогла я спросить.

— Мне не всё равно. — Она потёрла виски, словно у неё резко заболела голова. — Разумеется, ты другая. Я чувствую эту чуждость даже через идентичность оболочки. И те, кто постоянно с моей племянницей общались, это непременно заметят. Но она сделала свой выбор, она сбежала. — Она помолчала и спросила совсем другим голосом, дрогнувшим от сдерживаемых эмоций: — О ней будет кому позаботиться?

— Будет, — ответила я и неожиданно для себя разрыдалась, потому что с этими словами пришло окончательное осознание, что на моём месте в моей жизни будет совсем другой человек, а я больше никогда не увижу близких, а тут я одна-одинёшенька и опереться мне не на кого.

— Ну будет, будет, — она наклонилась ко мне и положила руку на плечо: — А о тебе позабочусь я. Всё будет хорошо, Фани. Всё будет хорошо.

Глава 8

Тётя, а её я ощущала именно так, осторожно меня расспрашивала, пытаясь вытащить крупницы информации о моём мире, но уввы, все попытки ответов натыкались на глухую стену невозможности что-то рассказать. Меня словно отрезало от прошлой жизни, и я теперь в большей степени ощущала себя Эстефанией, чем Екатериной, а всё, что было до перехода сюда, казалось странным диким сном, никак не соотносившимся с реальностью. И пусть я иногда оговаривалась, привнося обороты, не свойственные этим месту и времени, но слишком сильным оказалось влияние даже той части памяти, что мне была оставлена.

— Странное дело, ты не похожа на того, кто согласен добровольно расстаться с жизнью, — неожиданно заключила тётя, — а ведь обмен произошёл наверняка на условиях твоей смерти. Ты не производишь впечатления нищей неудачливой особы, и тем не менее...

Сказать я ничего не могла, но зато выразительно потянулась, помахала руками, покрутила головой. Этого хватило.

— Травма и вынужденная неподвижность? Тогда она должна справиться. Не скажу, что разговор с тобой меня успокоил относительно её будущего, но изменить мы всё равно ничего не изменим. В любом случае сейчас ты — герцогиня Эрилейская со всеми прилагающимися обязанностями.

Про обязанности я не помнила ровным счётом ничего, поэтому поторопилась уточнить:

— А их много? С моей амнезией ни в чём нельзя быть уверенной. Не хотелось бы по незнанию совершить что-то предосудительное.

— Ой, дорогая, не переживай. Пока ты не достигла возраста совершеннолетия, ни за что ответственности не несёшь.

— С радостью бы поверила, если бы только недавно не выяснилось, что вчера мне чуть не отрубили голову, по-настоящему чуть не отрубили.

— Теодоро пугал. — Тётя улыбнулась, но в глубине её глаз таилось беспокойство. — Он не стал бы уничтожить по надуманному

обвинению последнего носителя крови, потому что получил бы массу проблем в ближайшем будущем.

— Мне показалось, что он очень даже хотел это сделать и его искренне расстроила невозможность отрубить мне голову на площади. Возможно, он рассчитывал на вас, как на носителя крови?

Каждый Сиятельный род был важен для страны — на них зиждилась безопасность, поэтому уничтожить один из них было непозволительной роскошью. Сиятельных семейств оставалось не так много, чтобы это прошло незамеченным. С другой стороны, один кирпичик в стене не так много значил, если не был скреплён с остальными. Вынь его — стена не обрушится. А на его место можно поставить другой. Может не такой сияющий, но крепкий и надёжный.

— Я тоже не бессмертна. — Она опять улыбнулась и похлопала меня по руке. — Но имей в виду, если Теодоро решит, что проблемы, которые он получит потом, меньше проблем, которые он получает сейчас, его не остановит даже то, что ты ему явно нравишься.

— Нравлюсь? — позволила я себе усомниться. — Он слишком блистательный, чтобы ему нравился кто-то, кроме себя.

— Нравишься-нравишься. Со стороны это прекрасно видно. Мы подумаем, можно ли это как-то использовать. Но особо не обольщайся. То, что ты ему нравишься, не мешает ему от тебя избавиться, если начнёшь слишком активно лезть в политику и играть против него. За покушение на короля казнили даже принцев крови, так что во избежание дальнейших провокаций постарайся держаться от дворца подальше. Никаких визитов во дворец, даже ради помощи мне, понятно?

— Разумеется, — с готовностью подтвердила я. От короля я и сама собиралась держаться подальше. — В политику не лезу.

Не для того голова осталась при мне, чтобы красиво скатиться по помосту через какое-то время, радуя зрелищем толпу. У меня на шее она смотрится намного лучше.

— Не зарекайся дорогая. В политику иногда приходится лезть вне своего желания, — отрезала тётя. — Плохо, что части памяти у тебя нет.

— Она есть, но заблокирована.

Посмотрела графиня Хаго на меня странно, словно ей не очень-то и хотелось, чтобы моя память вернулась. И в самом деле, пока я чего-

то не знаю, я куда лучше управляема.

— У меня есть перед кем-то обязательства? — уточнила я.

— Обязательства? — тётя приподняла брови, словно не поняла, что я имею в виду. — У тебя не может быть ни перед кем обязательств. Обязательства могут быть только у меня, как у твоей опекуниши.

— У меня были какие-то сердечные склонности?

— Вот здесь я порадуюсь, что ты ничего не помнишь, — улыбнулась тётя. — Скажу прямо. Ты обязана выйти за того, кого назначит семья.

— То есть вы?

— То есть я, — согласилась она. — Но выбор — не моя прихоть, это желание твоего отца. Поэтому никакие романы нежелательны, пока ты не выйдешь замуж. И никаких никому обещаний.

— А если я уже дала? — заинтересовалась я.

— Если ты дала и не помнишь, считай, что их нет. Фани, это слишком серьёзный вопрос. Герцогиня не может выйти замуж за кого попало.

— Только не говорите, что я была влюблена в лакея.

— Что? Разумеется, нет, — она рассмеялась. — Но и провинциальный барон тебе не подходит.

Итак, у меня всё-таки случился роман с каким-то бароном, который тётя кажется нежелательной партией. И этот роман Эстефания запихала в самый дальний уголок памяти и накрепко закрыла к нему доступ. А ведь я даже понятия не имею, о ком речь. А если я с ним состояла в переписке? Или даже больше, чем в переписке?

— Возможно, он меня искренне любит?

— А ещё больше он любит возможности, которые получил бы в браке, — холодно сказала тётя. — Эстефания, не разочаровывай меня. Если хочешь завести роман, заводь после свадьбы. Главное, чтобы детей рожала от мужа. Надеюсь, моя прямота тебя не шокировала?

— Нет.

Меня шокировала не прямота, а то, с какой лёгкостью тётя распоряжается жизнью племянницы. Её забота уже начинала давить, поскольку это была забота отнюдь не любящего человека, а того, кто выполняет свои обязанности от и до, прописанные в должностной инструкции. Стало интересно, могу ли я избавиться от её опеки?

Вариант опеки монарха был не вариант. Такой опекун ещё хуже: если не найдёт, за что казнить, испортит репутацию напрочь.

— А часто проходят казни? — поинтересовалась я, чтобы понять, насколько этот мир кровожаден. В памяти не находилось ничего, но память, как выяснилось, мне немного ампутировали.

— Редко. Я и не припомню, когда была последняя. Суды нынче на каторгу предпочитают отправлять. В случае самых тяжёлых преступлений — только клеймо и пожизненная каторга.

В голосе тёти явственно прозвучало осуждение. Сразу видно: не поклонник она новомодных веяний по отмене смертной казни. Разумеется, если это не касается её лично.

Больше я ни о чём её расспросить не успела, потому что мы приехали в особняк Эрileyских. О том, что тётя здесь тоже останавливалась по приезду в столицу, я помнила, а вот лица части слуг для меня были совершенно незнакомыми. Они были слишком хорошо вышколены, чтобы броситься нам навстречу, но любопытные физиономии то там, то тут выглядывали из-за портьер и дверей.

Приветствовала нас только экономка, Алисия Риос. Плотная особа лет сорока пяти с талией, обозначенной поясом под грудью. Круглое лицо сияло доброжелательной улыбкой, когда экономка выскочила встречать въезжающую карету, и моё появление рядом с тётей оказалось тем ещё испытанием для этой достойной дамы.

— Двуетный, радость-то какая! Ваша Светлость, Ваше Сиятельство, какое счастье видеть вас обеих в добром здравии. Мы уж не чаяли увидеть вас вдвоём.

Она всплеснула руками, и на лице её появилась такая непритворная радость, что я поневоле почувствовала себя виноватой: экономку я помнила, но просто как некую картинку, и понятия не имела, как к ней относилась. Меня выручила тётя.

— Алисия, увы, наши проблемы на этом не закончились. Племянницу оправдали, но придворный маг ей косо поставил блок на знания о магии, и она утратила ряд воспоминаний. То есть может не помнить кого-то из слуг или что-то случившегося. Его Величество обещал решить этот вопрос, но он лицо занятое, кто знает, как долго он будет решать без напоминания.

В словах тёти прозвучал намёк, что Теодоро вообще не станет этим заниматься. Подозреваю, что в этом случае она и напоминать не

будет.

— Двуетидный, вот горе-то, — Алисия прикрыла руками рот и смотрела на меня с состраданием. — Меня вы помните, Ваша Светлость?

— Я помню, кто вы, — ответила я. — Но только имя.

— Коли будет на то милость Двуетидного, память вернётся. Где это видано, оправданного артефактом Истины продолжать мучить. Невиновна — и точка. Я сразу говорила: не может наша Эстефания кого-нибудь отравить. Ой, простите, Ваша Светлость.

Она опять зажала рот руками, но я понятия не имела, за что она извиняется, поэтому сказала:

— Ничего страшного не случилось, Алисия, и это главное.

— Алисия, распорядись об ужине. Мы пока отдохнём с дороги, — недовольно сказала тётя.

Экономка поклонилась, показывая готовность к работе, но прежде, чем уйти, уточнила:

— Вы помните, где ваша спальня, Ваша Светлость?

— Да, спасибо.

С дорогой до спальни я справилась самостоятельно и вскоре была в этом королевстве белого, розового и золотого. Очень симпатичная девичья спальня, из которой кукол убрали не так давно, заменив их томиком романтических стихотворений. На туалетном столике стоял букет с розовыми розами, а рядом с ним — сияющая Эсперанса.

— Ваша Светлость, радость-то какая. Я так за вас молилась. И не только я.

Её слова были намёком, возможно, на того самого барона, но я не помнила, насколько была с ней близка, чтобы делиться такими личными переживаниями. Нужно будет потом обыскать комнату: Эстефания не ожидала ареста, возможно, остался дневник или письма. Да, письма. Могла же она переписываться с неподходящим бароном? Втайне, разумеется, поскольку даже я понимала, что открыто это было бы неприлично.

— Эсперанса, я хочу принять ванну, — скомандовала я.

— Сию минуточку, Ваша Светлость.

Она метнулась за дверь, а я подошла к хорошенькому белоснежному бюро и выдвинула верхний ящик. Ага. Как я и думала: корреспонденция. Приглашения, приглашения, приглашения. Ни

одного личного письма. Тонюсенькая пачка личных писем нашлась во втором ящике, и были они от подруг. Просмотрела я два, и в них не было ровным счётом ничего интересного. Странно, но я почти не испытывала неловкости от того, что сую нос в чужую жизнь. В мою-то эта ушлая девица засунет нос без ограничений, а я здесь как слепой котёнок тыкаюсь, не зная, откуда прилетит. Да и жизнь эта теперь, как ни крути, моя.

— Ваша Светлость, ванна готова, — отрапортовала Эсперанса. — Я ваши письма и дневник припрятала, вы же говорили, что не хотели бы, чтобы в них кто-то сунул нос. Я их сжечь хотела, после того как... — Она помялась и закончила явно не так, как собиралась: — Я всё принесу, как ванну примете.

Это известие порадовало куда больше приготовленной ванны, и благодарила я от всего сердца. Эсперанса смущалась, как девочка, и мешала мне раздеваться. Точнее, она была уверена, что помогает и что герцогини не должны такой ерундой заниматься лично. Пришлось смириться, а то до воды я бы никогда не добралась.

Только опустившись в пенную пышность приготовленной ванны, я ощутила, как устало тело, которое всё это время ни на миг не расслаблялось. А теперь, гляжу, жизнь налаживается. Правда, тётя так и не призналась, какие у неё на меня планы, но пока до их реализации дойдёт дело, я успею осмотреться и в случае чего даже удрать.

Эсперанса тем временем промывала волосы, досадуя, что за ними не следили в должной степени и они почти потеряли свой блеск. Но маска, которую она нанесёт, вернёт былую красоту. Кроме маски на волосы, она нанесла ещё и маску на лицо. Наверное, тоже чтобы вернуть утраченную красоту.

— И ноготь сломали, Ваша Светлость, — укорила Эсперанса. — Подпилить надо.

Она ворковала надо мной, как над маленьким ребёнком, а у меня было чувство, что я вернулась домой, так было тепло и уютно. Ещё дневник прочитаю — и часть деталек встроится в пазл. Сейчас же хотелось просто отдохнуть.

— Про ужин вы не забыли, Ваша Светлость? — забеспокоилась Эсперанса. — Нам же ещё волосы высушить и уложить надо.

Пришлось вылезать из уютной пены, и горничная опять захлопотала, вытирая от воды и втирая лёгкую полупрозрачную

суспензию в кожу, от чего та засияла. Волосы она сушила полотенцем с чем-то магическим и делала это привычными движениями, но я опять-таки ничего не помнила.

— Сейчас, Ваша Светлость, сбегая за дневником, — спохватилась она.

Принесла она припрятанные дневник и письма буквально через минуту, и при взгляде на них мне захотелось выругаться. Эстефания оказалась весьма предусмотрительной особой и защитила свои секреты магией, плотный кокон которой укутывал её тайну. Она наверняка знала, как к ней подобраться, а я была слишком урезанной версией прежней герцогини.

Но Эсперанса вручала мне свою ношу так торжественно, что я постаралась не показать ей разочарования и разразилась прочувственной речью, которая была прервана стуком в дверь. Не дожидаясь разрешения войти, в комнату заглянула рыжая веснушчатая девушка, которая, испуганно вытаращив глаза, пропищала:

— Пришли Его Величество и придворный маг. Герцогиню просят спуститься немедленно.

Глава 9

Собиралась я в лихорадочном темпе: небрежность в одежде герцогини для Его Величества будет меньшим оскорблением, чем длительное ожидание. Я пыталась придать волосам видимость причёски, пока Эсперанса затягивала на мне корсет. Разделение обязанностей обычно приводит к ускорению выполнения задачи, но не тогда, когда ты делаешь то, чего никогда не дала, да ещё и трясущимися руками.

— У вас было несколько вариантов экстренного создания причёсок, — неожиданно сказала Эсперанса.

— Какие? — недоумённо спросила я.

— С помощью магии же, — выразительно ответила горничная.

— Мне заблокировали часть знаний по магии. Видно, это попало туда.

— Двуетиный, как это? — Эсперанса стояла за спиной, но я почувствовала, что она замерла. — Вас же артефакт оправдал? Должны были снять блок.

— Наверное, для этого к нам и пожаловали Его Величество с придворным магом.

— Ааа, — протянула она и с новым усердием принялась утягивать мою талию. Наверное, чтобы её ширина не помешала снятию блока.

Лёгкое кисейное платье легло поверх широченных нижних юбок, а в волосы, которые я уложила абы как, Эсперанса пристроила одну из роз, стоявших в вазе. Причёска стала выглядеть просто, но элегантно. Я покосилась на баночки с декоративной косметикой и даже взяла блеск для губ.

— Не вздумайте сейчас применять. Губы покусайте, чтобы покраснели, — забеспокоилась горничная. — А то вы совсем бледненькая. Ещё решат, что опасаетесь правосудия. И щеки непременно пощипать нужно, для румянца.

Дождавшись, пока я выполню её указания, она вручила мне флакон с духами. Понюхала его я с подозрением: только удушающе сладкого шлейфа мне не хватало. Но аромат оказался очень нежным, вполне подходящим Эстефании. Довершал образ веер из слоновой

кости. К чему он при встрече с королём, я понятия не имела, но послушно взяла: надо так надо.

Выплывала я из комнаты, сияя, как роза в моих волосах. Если бы от стараний Эсперансы зависело, признать ли меня невиновной, то однозначно бы признали. Потому что я посмотрела на себя в зеркало и пришла к выводу, что я бы себе поверила, даже если бы лично видела, как готовлю и подливаю яд. Правда, рассчитывать на это не стоит: король — не я, он уже один раз приговорил Эстефанию, несмотря на её наивный взгляд и пухлые губы. Вообще, на редкость недоверчивый тип, его красивой физиономией не пробьёшь. Он, поди, и сам себе не верит, когда в зеркало смотрится. Это мне собственная красота в новинку, а он натренировался за столько лет и на своей внешности, и на чужой.

Тётя, которая меня поджидала у дверей в гостиную, мой вид отметила одобрительной улыбкой. Вошли мы вместе и сразу приветствовали гостей реверансами.

— Присаживайтесь, доньи. Уго говорит, что не ставил блок, — бросил отрывисто Теодоро.

И вид у него был такой, словно опять подозревает во всех грехах. Причём в этот раз не только меня, но и графиню Хаго. Бласкес же скривился, словно вонял не он, а мы с тётей. Он даже не привстал при нашем появлении, хотя по этикету должен был не просто встать, но и поклониться.

— Разумеется, не ставил, Ваше Величество. Сиятельные в таких случаях всегда начинают вопить о нарушении своих прав. А в данном случае и смысла не было. Что там могла сделать эта необученная ду... девушка.

Завершением его презрительной речи как раз больше подошла бы «дурочка», как он чуть не сказал. Но не блокировал магию он мне совсем не по тем причинам, о которых сейчас распинался. Он точно рассчитывал, что я что-то устрою в тюрьме. Но что могла устроить нежная девочка, у которой и знаний с гулькин нос? Хотя... Это у меня с гулькин нос, а у моей предшественницы их могло быть куда больше.

— И тем не менее блок стоит, — холодно ответила я, стараясь не морщиться при общении с Бласкесом. Очень уж неприятный он тип.

Сегодня он выглядел чище, и даже волосы казались вымытыми, но вонь никуда не делась и заполняла нашу гостиную. Мне уже

казалось, что в ней тону, пропитываюсь насквозь и никогда от неё не денусь. Впрочем, когда он уходил из моей камеры, вонь пропала вместе с ним. Возможно, она просто иллюзорная? Но дышать я старалась всё равно через раз, чему очень способствовал туго затянутый корсет.

— Стоит-стоит, — подтвердил Теодоро. — Я проверил. Так что сними, чтобы к нам претензий не было. Перед законом все должны быть равны.

— Оно и видно, — пробурчал Бласкес, встал и подошёл ко мне.

Стоящий рядом, он оказался ещё противнее, а уж когда поднял руки, явно собираясь что-то делать, я зажмурилась изо всех сил, а иначе рисковала бы свалиться в обморок и уже не подняться: внизу концентрация тяжёлых газов всегда больше, а бласкесовские газы были наверняка тяжёлыми и явно ядовитыми.

Магию его я почувствовала: она, словно ядовитая змея, скользила по коже, вызывая омерзение и желание отшатнуться. Но я выстояла, не шелохнувшись, и отошёл от меня сам Бласкес, потому что через пару мгновений я услышала его голос уже в отдалении.

— И какие могут быть претензии к нам, Ваше Величество? Блок был поставлен самой герцогиней Эрилейской.

— Но я ничего такого не помню. — Я широко распахнула глаза и убедилась, что придворный маг действительно стоял уже не рядом со мной, а рядом с королём, у которого наверняка был заложен нос: слишком спокойно он реагировал на Бласкеса. — Не было этого.

— Похоже, Её Светлость переобщалась с кавалером Дароком, — осклабился Блскем. — Тот тоже любит повторять: «Если не помню, значит, не было». Только у него пропадание памяти случается всегда после бурных возлияний. Неужели и красавица Эстефания в столь юном возрасте подвержена заразе пьянства?

— Прекратите паясничать, сеньор! — разозлилась я. — Вы прекрасно знаете, что я говорю правду. Что у меня пропали не только знания по магии, но и часть воспоминаний.

И похоже, важная часть, если Эстефания решила её припрятать.

— Фани, успокойся, — очень тихо сказала тётя. — Он намеренно выводит тебя из себя, чтобы скомпрометировать перед королём.

— Откуда мне знать, донья? Ваша голова — это ваша голова, и что там творится, знаете только вы.

По моим ощущениям, там сейчас бегали тараканы, заламывая лапы и бросаясь на стенки с воплями: «Всё пропало! Сейчас все обо всём догадаются!»

— Уго, а это не могло стать причиной того, что артефакт её оправдал? — внезапно заинтересовался Теодоро. — Заменяла одни воспоминания другими, а нужные потом вызовет ключевой фразой, которую наверняка доверила кому-то из близких?

Его слова подарили мне призрачную надежду, что такую фразу может знать Эсперанса, которая посещала свою хозяйку в тюрьме. Очень призрачную, потому что если прежняя Эстефания не собиралась возвращаться, то и ключ от своей памяти она никому не стала бы давать.

— Нет, Ваше Величество, — с отвращением ответил Бласкес. Отвращение было направлено на меня, а не на собеседника. — Если бы артефакт можно было так обмануть, наши ушлые аристократы уже давно поголовно ходили бы в невиновных за самые мерзкие преступления. Я не знаю, почему артефакт её оправдал. Но это не из-за блока.

— А потому что я невиновна, — поспешила я напомнить, уж слишком подозрительно шурились королевские глаза, а ему такое выражение совершенно не шло. И вообще, хмурый король — морщинистый раньше времени король. А порча королевской внешности — преступление перед короной.

— Это вы кому другому расскажите, Ваша Светлость, — ухмыльнулся Бласкес. — Мы с Его Величеством точно знаем, что именно вы подлили отраву.

— Тогда вы с Его Величеством должны точно знать, откуда я её взяла и как смогла пронести во дворец. Хорошо охраняемый дворец. Вами охраняемый, между прочим, сеньор.

Более прямо я сказать не могла, следующая фраза с намёком о причастности придворного мага застряла у меня во рту, не вырвавшись даже невнятным мычанием. Но Бласкес уже смотрел на меня так, словно прикидывал, как будет убивать. Быстро, чтобы ничего больше не успела сказать, или медленно, чтобы получить удовольствие от самого процесса. Почему-то казалось, что ему нравится издеваться над жертвами.

— А хорошие вопросы задаёт наша герцогиня, Уго, — заметил король. — В самом деле, как она могла пронести яд во дворец?

Успех нужно было срочно развить. Или хотя бы закрепить.

— И главное, какой мне вас вообще смысл травить, Ваше Величество? Это ни на шаг не приблизило бы освобождение тётки.

— Значит, у вас была другая причина, — с ненавистью сказал Бласкес.

— Ваше Величество, мне кажется, мы отошли от темы разговора, — осторожно вмешалась тётка. — Блок у моей племянницы появился после пребывания в королевской тюрьме. Значит, и снятие его обязаны обеспечить вы, Ваше Величество.

— Обязан? — Он гадко поднял правую бровь. — Даже в случае, если ваша племянница поставила его сама?

— Ваше Величество, если она поставила его сама, то наверняка из-за угроз вашего придворного мага.

— Моих угроз, донья? Да я вообще к вашей племяннице не подходил! — зарычал Бласкес.

— Подходили, — вспомнила я. — Последний раз — в ночь перед казнью. Проверяли что-то в камере.

Возможно, приходил и раньше, но это осталось в закрытой части памяти.

— И да, издевался и угрожал.

— Уго? — повернулся к нему Теодоро.

Тот явно хотел сказать: «Да врёт она всё», но тогда бы соврал уже сам, поэтому предпочёл ответить уклончиво:

— Её Светлости любое моё высказывание кажется хамским. Намеренно я её не оскорблял.

— Тогда не могли бы вы снять блоки в порядке компенсации? — очень мягко спросила тётка.

— Компенсации за что? За неудавшееся отравление? — повернулся к ней король.

— За попытку убийства, — мстительно ответил я вместо тётки, — которую вы пытались выдать за справедливое правосудие. Хорошо, что есть артефакт Истины, который не позволил вашей задумке воплотиться в жизнь и я осталась жива.

Судя по реакции Бласкеса, ему это, напротив, казалось очень плохим, что он не преминул высказать.

— Не всё, что хорошо для вас, хорошо для государства.

Сидел он от меня далеко, поэтому я расхрабрилась

— Вы что-то путаете, сеньор, — усмехнулась я. — Государство — это не вы, государство — это вот он.

И я невежливо указала веером на короля.

— Фани, ты забываешься, — шикнула на меня тётя, пребольно пихнув чем-то в бок.

— И вот он, пожалуй, рад, что вы, Эстефания, остались в живых, — расхохотался Теодоро. — Может, вы и виноваты, но очень забавны. Уго, сними блок.

— Не могу, Ваше Величество, — злорадно ответил тот. — Блок нестандартный, накладывался наверняка по методике Эрилейских, а там могут быть нюансы. Я, конечно, могу попробовать, но не гарантирую, что не выжгу Её Светлости мозги. Так-то там их особо и нет, но если совсем исчезнут, будет ещё хуже.

Определённый резон в его словах был: связаться с этим скользким типом могла только полная дура, но оскорблений от него терпеть я не была намерена. Засияв вне своего желания, я возмутилась:

— Ваше Величество, вам не кажется, что ваш придворный маг заходит слишком далеко в оскорблении не самых последних людей государства?

— Я с ним непременно об этом поговорю, Эстефания, — ответил он и бросил на Бласкеса такой взгляд, что я уверилась: поговорит, и так поговорит, что от придворного мага пух и перья полетят.

— Прошу прощения, Ваша Светлость, за несдержанность, — сразу извинился Бласкес. — Но снять ваш блок я в любом случае не смогу. И не только я. Собственно я вижу только четыре варианта развития событий.

— И какие же? — заинтересовался король.

— Вариант первый, — начал загибать пальцы Бласкес. — Герцогиня выясняет ключевую фразу, которую либо доверила кому-нибудь, либо записала где-нибудь. Вариант второй. Память прорывается сама. Такое бывает редко и только при сильных потрясениях. Вариант третий. Она поступает в университет. Принятие присяги снимает все блоки с магии. Правда, память об остальном всё равно не вернёт. Ну и вариант четвёртый. Герцогиня доживает с

блоками до самой смерти. Других нет, если вы не хотите подвергать донью опасности остаться без мозгов.

Он сидел далеко, но посмотрел на меня так, что я ощутила его совсем рядом, его глаза — прямо напротив моих, и во взгляде плескалось злорадство. Сам-то он наверняка предпочёл бы вскипятить мне мозги и не бояться, что я его выдам, но был уверен, что от рискованного эксперимента мы откажемся, так же как был уверен, что первые три варианта не сработают. Веер в моей руке треснул и осыпался осколками. Я проводила его останки грустным взглядом: мы с ним ещё даже познакомиться как следует не успели, а он уже меня покинул.

— Мне очень жаль, доньи, но мы бессильны вам помочь, — сказал король, причём в голосе его слышалось искреннее огорчение. — Мы вас покидаем, но надеемся, что вы успешно решите эту проблему самостоятельно.

Он встал, явно собираясь уходить. Тётя подскочила, потянув и меня за рукав, словно я могла остаться невоспитанно сидящей на стуле, и ровным голосом сказала:

— Благодарю вас за беспокойство о моей племяннице, Ваше Величество. Время ужина, не соблаговолите ли присоединиться к нам?

Я успела подумать, что в присутствии Бласкеса в меня ни кусочка не полезет, а если полезет, то сразу неэстетично вылезет, и что зря тётя это предложила.

— Решили показать племяннице, как правильно травить королей? — ехидно уточнил Теодоро. — Если уж у неё не получилось, то вы не оплошаете? Нет, спасибо, мы поужинаем во дворце. Ах да, Эстефания, чуть не забыл. Мы тут реквизируем у графа Дарока ваш жемчуг. Не стоит оставлять в чужих руках такое опасное оружие.

И он протянул мне мешочек, по размеру точь-в-точь, как тот, в который я укладывала споротые жемчужинки. Но этот мешочек был бархатным и с королевским гербом.

— Благодарю вас, Ваше Величество за заботу.

Я склонилась в реверансе, а когда разогнулась, короля уже не было. Не было и придворного мага. Тот тоже исчез вместе со своим незабываемым ароматом.

Глава 10

Тётя протянула руку к мешочку, вручённому мне королём.

— Что это?

У меня были подозрения, но они могли не соответствовать действительности, поэтому я сначала расширила горловину мешочка, заглянула внутрь, а уж потом ответила:

— Жемчужины с моего платья. Того, в котором я была на эшафоте. Я их отпоролла и продала ювелиру.

— Ты отдала в чужие руки жемчуг, который долго носила и к которому недавно прикасалась? Эстефания, ты с ума сошла?

— Это просто жемчуг, — чуть удивлённо ответила я. — Который я перевела в деньги, чтобы убежать от замужества. Кстати, вы заметили, что Его Величество не заговаривает больше о свадьбе?

— Это вовсе не значит, что он от неё отказался, — сухо сказала тётя. — Не обольщайся, Эстефания, у него нет и быть не может никаких серьёзных планов в отношении тебя. А поразвлечься с ним — уронить репутацию семьи.

— Я не собиралась с ним развлекаться. Я просто отметила, что он больше не заговаривает о моём замужестве.

Тётя устало потёрла виски.

— Давай вернёмся к жемчугу. Я понимаю, что знаний у тебя сейчас не осталось, поэтому скажу то, что должны знать даже маленькие дети: жемчуг — живой, он впитывает ауру носителя, в отличие от других драгоценных камней. Продавать его можно, но предварительно он должен не меньше месяца пролежать в закрытой шкатулке. Если в следующий раз решишь продавать драгоценности, продавай что угодно, кроме жемчуга.

Диего в моих глазах резко упал: этот наглый дон не только не предупредил об опасности, но ещё и воспользовался моим положением, заполучив жемчуг со следами моей ауры, чтобы... Чтобы что?

— И для чего его можно использовать?

— О, у него много применений. Можно навести поисковое заклинание, проклятие, любовь или ненависть. По ряду заклинаний

это будет не столь эффективно, как с кровью или волосами, но есть и такие, где эффективность будет куда выше. Запомни, Фани, никогда никому не давай ничего своего. Вообще ничего. Да... Нужно что-то делать с твоей неграмотностью.

— Я прекрасно читаю, — возмутилась я.

— Хоть это радует, но я про знания магии. Я даже не знаю, как с этим разобраться.

— Почему Бласкес уверен, что я не пойду в университет?

— Потому что ты не пойдёшь.

— Исчерпывающее объяснение, — фыркнула я. — А можно поконкретней? Я не вижу причины, почему я не могу пойти учиться, если уж осталась совершенно без знаний.

Тётя недовольно нахмурилась потом снизошла до объяснений:

— Во-первых, девушки из Сиятельных семейств никогда не учатся в общественных заведениях. Герцогиня Эрилейская — и вдруг среди плебса?

— Создадим прецедент, станем ближе к народу, — бодро заявила я. — Если это единственный шанс снять блок, то грех от него отказываться.

— Эстефания, это несерьёзно. У тебя нет блока на магии, у тебя блок на памяти. Это разные вещи. Поступление в университет не вернёт тебе знания, но создаст проблемы.

— Какие?

Разговор тётю злил, но я не собиралась останавливаться: мне необходимо было узнать об этом мире как можно больше. И чтобы не выглядеть душой, и чтобы не влипнуть во что-то серьёзное.

— При поступлении в университет маг даёт клятву верности королевской династии, — неохотно ответила тётя. — Она сильно ограничивает возможности.

— Возможности интриговать? — предположила я.

— Разумеется, — тётя рассмеялась красивым журчащим смехом. — Возможности мага такой клятвой не ограничить.

— Но если я не собираюсь интриговать, то...

— То это ничего не изменит. Есть договорённость о твоём браке, пока устная, но клятве она точно противоречит.

Я припомнила карту, которая въелась в мозги так, что никаким блоком не выведешь, и предположила:

— Речь о Варенции, не так ли?

Графиня Хаго в ужасе расширила глаза и зло прошипела:

— Эстефания, кто о таком говорит прямо? Здесь даже у стен есть уши.

— То есть вы делаете всё, чтобы я опять оказалась на эшафоте, — заключила я. — Драка за герцогство будет столь кровопролитной, что её проще предотвратить, тихо меня умертвив. Или громко, это уж как получится.

Если бы я была королём и узнала, что у меня собираются оттяпать приличный кусок территории, то я была бы резко против, так что желание Теодоро видеть меня без головы становилось понятным: так без головы оказывается только одна персона, которая головой, в общем-то, особо и не пользовалась, а так гибнет множество людей. Выбор очевидный, да, когда речь не идёт о тебе. Но мне-то эти интриги вовсе не нужны.

— Мы — Сиятельные, и у нас есть неотъемлемые права, — сухо сказала тётя, — о которых Его Величество Теодоро склонен забывать. Кроме того, Его Величество виновен в смерти твоих родителей и брата. Ты хочешь ему всё простить?

— Я этого не помню. Я не помню никого из них.

Тётя резко выдохнула и решила:

— Нам нужна сторонняя консультация знающего мага. Я займусь этим. К этому разговору вернёмся после.

Она стремительно вылетела из гостиной, только юбки прошелестели. Я же выходила куда медленнее. Мне было о чём подумать. Роль, уготовленная тётей, ничуть не прельщала, вне зависимости от того, к кому в жёны она собиралась меня пристроить. На первый взгляд, университет как раз давал нужную независимость, но это лишь на первый взгляд, поскольку в той же клятве могут быть подводные камни, о которых я даже не догадываюсь. Это не мой мир, и необдуманый поступок может стоить мне куда больше, чем кажется.

Эсперанса встретила меня у дверей в мою комнату.

— Что-то вы грустно выглядите, Ваша Светлость, — проницательно заметила она. — Неужели не сняли?

— Утверждают, что блок я поставила сама.

Она ахнула, но это не помешало ей быстренько зайти за мной и прикрыть двери. Я села на банкетку и уставилась в зеркало на своё отражение. Оно больше не казалось чужим и не вызывало такого восхищения, как поначалу. Насколько я поняла, красоту давала сама принадлежность к Сиятельным: пусть в воспоминаниях зияли дыры и я ни в чём не была уверена, но косвенно это подтверждалось красотой тех высокородных, с кем я сталкивалась. Обычные же люди были... обычными. Кто-то красивый, кто-то не очень, но сияющего великолепия, от которого перехватывало дух, ни у кого не было. Вот и Эсперанса была приятной и надёжной, но сказать о ней «красавица»?..

В зеркале мне было заметно любые изменения её мимики, и вскоре стало понятно, что она что-то хочет сказать, но не решается прервать мои размышления. Я её непременно выслушаю, но сначала выясню то, что мне нужно.

— Эсперанса, Бласкес сказал, что я могла снятие блока закодировать на некую фразу и доверить её близкому человеку. Вспомни, не говорила ли я тебе чего-то, на первый взгляд, не слишком важного, но просила непременно запомнить?

Лицо горничной чуть дёрнулось, но ответила она ровно:

— Что вы, Ваша Светлость, мы не были столь близки, чтобы вы мне доверяли секреты.

Я повернулась и с удивлением на неё посмотрела.

— Разве? Эсперанса, мне казалось, что ты — моё главное доверенное лицо.

— И я вас не предаю, Ваша Светлость — уверенно ответила она. — Но ничего личного вы мне никогда не доверяли.

— Но вдруг я сказала или сделала в тюрьме что-то странное? Что-то такое, что было совершенно на меня не похоже?

Она задумалась, забавно наморщив лоб. Наверное, вспоминала сейчас, о чём мы говорили во время её коротких визитов в тюрьму.

— Разве что в последний день? — с явным сомнением наконец сказала она. — Вы вели себя не так как обычно, но я решила, что из-за того, что вас вскоре...

Она не закончила фразу и осенила меня знаком Двуетного, который должен был спасти и сохранить тело и душу. Как-то он со вторым не особо справился, наверное, знак нерабочий...

— В последний день у меня уже были дыры в памяти, значит, если я и говорила что-то важное, то это было раньше.

Эсперанса огорчённо шмыгнула носом.

— Нет, Ваша Светлость, ничего такого не припомню. Да разве ж вы доверили бы мне Сиятельные секреты? Только ровне.

Я вздохнула. Самый простой путь привёл в тупик.

— Очень жаль, Эсперанса. Но, по-твоему, кому я могла передать секрет? Подругам?

— Ой, нет, они змеи те ещё, — запротестовала она и тут же испуганно бросила: — Ой, простите, Ваша Светлость, просто я слышала разговор ваших подруг в тот день, когда вас казнить должны были. Не подруги она вам, а напротив.

Это я допускала, потому что оставшихся обрывков о дружеском общении хватало, чтобы понять — свои интересы там каждой ближе, чем чужие. Скорее, конкуренция, чем дружба.

— Получается, я никому не могла довериться?

— Почему же? — неожиданно ответила Эсперанса. — А дон де Монтейо?

Её слова отклика в памяти не вызвали.

— Дон де Монтейо? Кто это? Я его не помню.

— Не помните? Как это? — испуганно спросила она. — Барон Эмилио де Монтейо, друг вашего брата. Вы состояли с ним в переписке.

— Понимаешь, Эсперанса, у меня на памяти блок. Здесь помню, здесь — не помню. И барон попал как раз в «не помню», — пояснила я. — У нас был с ним роман?

Эсперанса неожиданно покраснела.

— Откуда мне знать, Ваша Светлость? Вы с ним тайно встречались, но для чего, мне не докладывали.

Ага, не иначе как разрабатывали проекты свержения Теодоро Блистательного — для чего ещё может встречаться девушка с молодым мужчиной? Только для обсуждения коварных политических планов.

— Значит, мне с ним нужно срочно увидеться, — решила я. — Только как это устроить?

— У меня к вам от него письмо, — опять покраснела Эсперанса.

Она вытащила голубой прямоугольник, запечатанный обычной, даже без намёка на магию, сургучной печатью. Сломала я её с

нетерпением и сразу погрузилась в чтение. Погружаться особо было некуда: отправитель половину листа писал, как он меня любит, вторую половину — как он рад, что я избежала казни. Были эти слова красивыми, но пустыми: если бы благородный дон действительно любил девушку, он попытался бы её спасти, а не радовался бы сейчас формальными фразами. И только в самом конце наконец нашлась скромная приписка, что он ждёт меня сегодня на нашем обычном месте. И до назначенного времени оставалось — я бросила взгляд на настольные часы — минут двадцать.

— Обычное место — это где? — спросила я Эсперансу, в уверенности, что она это знает.

— Беседка в саду, — пояснила та сразу. — Вы этого тоже не помните? Дон де Монтейо специально сделал для себя проход в защите ограды. На всякий случай. — Она подошла к окну и махнула рукой вдаль. — Идёте почти до конца главной аллеи, а после куста с жёлтыми розами, перед которым стоит статуя нимфы, поворачиваете направо.

Похоже, Эсперанса была целиком на стороне этого загадочного Эмилио. Я встала и подошла к окну. Куста с жёлтыми розами из него видно не было, но аллея прекрасно просматривалась, не заблужусь. Только стоит ли встречаться непонятно с кем без свидетелей?

— Эсперанса, пойдёшь со мной, — решила я.

— Неудобно, Ваша Светлость, — замялась она.

— Неудобно девушке встречаться с мужчиной наедине. Тёте не понравится. А так — и встреча по делу, и проходит под присмотром.

— По делу? — явно разочарованно протянула Эсперанса.

— Вот если вспомню этого Эмилио, может, будет и по любви, — решила я её подбодрить. — А пока только по делу.

Эсперанса засуетилась, предлагая мне срочно заменить платье, на что я ответила, что если это платье выдержало встречу с королём, то на него точно можно положиться, а значит, менять не стоит, и вообще, времени на переодевание нет, его осталось ровно, чтобы дойти.

— Мы же не хотим привлечь внимание графини Хаго? — спросила я Эсперансу.

— Нет, Ваша Светлость.

— Тогда спокойно выходим и тихо гуляем по аллее до беседки.

Так мы и сделали. Для вящей маскировки я ещё временами останавливалась и с наслаждением нюхала розы. Что-что, а они были прекрасны и видом, и запахом. Есть что-то магическое в южных розах, что-то такое, что невозможно облечь в слова, но стоит просто постоять рядом с ними, наслаждаясь ароматом, как сразу начинает казаться, что жизнь прекрасна, а трудности — мелкие и преодолимые.

Правда, никак нельзя было назвать мелкой трудностью Эмилио, который меня уже ждал в беседке, упруго прохаживаясь, как хищный зверь. С первого взгляда стало понятно, что он тоже относится к Сиятельным: пронзительно-синие глаза наверняка свели с ума не один десяток девушек. Смуглая гладкая кожа, лёгкая небритость, серьга в ухе — он же создан для того, чтобы красть чужие сердца, либо беря на бордаж понравившихся особ, либо просто проплывая мимо и случайно задевая бортом. Короче говоря, любое вызываемое им кораблекрушение шло в его пользу. Сейчас он был поглощён разработкой бордажных планов и не очень-то интересовался тем, что происходит вне беседки.

Эсперанса тихо мечтательно вздохнула, я отвлеклась от разглядывания барона, который в моём сердце не пробудил ровным счётом никаких эмоций, и сделала пару шагов к беседке, после чего меня наконец заметили.

— Эстефания, любовь моя, — хрипловатым голосом завязтого ловеласа приветствовал меня Эмилио. — Я уже не чаял больше тебя увидеть. Твоё спасение было настоящим чудом.

— Согласна, — скромно улыбнулась я. — Но я дорого заплатила за это чудо.

— Что с тебя требовал Теодоро? — обеспокоенно спросил он.

Беспокойство было не наигранным, только направлено было не на мою персону, а на свою. Ох, кажется, у нашего героя-любownika его симпатичное рыльце в пушку.

— Не уверена, что он. Дело в том, дон де Монтейо, что я утратила часть памяти. Например, вас я совершенно не помню.

Подобный вариант развития событий явно не обсуждался двумя голубками раньше, потому что мой собеседник растерялся.

— Не помнишь меня? Но это невозможно!

— Увы, дон. К сожалению, это так. — Я улыбнулась, попытавшись показать, как расстроена этим фактом. — Я не

обсуждала с вами такой возможности? Есть некоторая вероятность, что я доверила вам кодовую фразу, которая вернёт мне память.

— Мне очень жаль, Эстефания, но нет, — он почти искренне вздохнул. — Неужели ты совсем меня не помнишь?

— Совсем.

— У нас есть замечательный шанс начать всё сначала, — воодушевился он. — Прекрасная донья, взгляд ваших колдовских глаз поразил меня в самое сердце, и с тех пор я не могу ни есть, ни пить. Думаю только о вас. Предлагаю сбежать от жестокосердных родственников, выступающих против нашего союза.

Конечно, он был красив, но поскольку всё равно уступал Теодоро, а в моих планах не было романов с кем попало, я решила, что на этом свидание можно закончить.

— Быть может, дон, вы тогда вернёте мои письма? — предложила я, собираясь извлечь из них хоть какую-то информацию. — Если уж начинать всё сначала.

И оказалась совершенно не готовой к тому, что случилось далее. Барон ухватил меня так, что я прочувствовала каждый его палец на своих предплечьях. Железные пальцы впивались так, что через пару часов на нежной коже расплывутся огромнейшие синяки.

— Не думай, Эстефания, что тебе удастся так легко меня отбросить, — прошипел он мне прямо в лицо. — Обязательство было дано, и я от него не откажусь, как бы ты сейчас ни вертелась.

От дамского угодника ничего не осталось, глаза, глядевшие в мои, оставались столь же прекрасными, но теперь это были холодные глаза финансиста, который сделал вложения и собирался вытрясти не только вложенное, но и проценты. Наверное, у этого дона была книжечка, куда он тщательно вписывал всё, что потратил на ухаживание, и рисовал графики возможной прибыли. Красивые графики, с пиками, как у горы Эверест.

— Вы забываетесь, дон, — холодно сказала я. — Я действительно вас не помню. Но если я минуту назад испытывала огорчение из-за этого, то сейчас я этому рада. Я не знаю, что у меня за обязательства перед вами, но мне на них наплевать.

Он изумился настолько, что мне удалось вывернуться и даже дойти до Эсперансы, которая стояла, вытаращив на нас глаза.

— Детка, не наглай. Для тебя это плохо закончится, — донеслось мне вслед.

Но я не обернулась, всем своим видом показывая презрение к наглому хаму. Герцогиня я или где? Надо соответствовать.

Глава 11

О том, что у меня проблемы с некстати проявившимся бароном, я решила рассказать тётё сразу. Всё равно я не знаю, чем он мне может угрожать, а у неё могут быть идеи и чем, и как эту угрозу нивелировать. Надеюсь, Эстефания не была такой дурой, чтобы подарить любимому прядь волос и дело ограничилось только страстными письмами, которые можно выкупить или... выкрасть. Второе даже предпочтительнее и наверняка дешевле.

Но поговорить сразу не удалось, потому что тётя нашлась в столовой, где с нетерпением ожидала меня, чтобы приступить к запоздалому ужину.

— Фани, ты слишком долго собираешься, — нежно укорила она, словно не сама сбежала из гостиной в неизвестном направлении.

— Мне нужен ваш совет, тётя, — сразу сказала я о главном. — Довольно деликатного толка.

— Разговор подождёт до конца ужина, — она предупреждающе посмотрела.

Действительно, я вспомнила, что при прислуге о серьёзных вещах не говорили, а ставить защиту от прослушивания в столовой было не принято. Возможно, потому что неудобно: мы сидели на разных концах длинного стола, защита представляла собой этакий полусферический купол, под который непременно попадал кто-то ненужный.

Но мы даже не успели приступить к трапезе, как в столовую вошёл дворецкий и важно сказал:

— Граф Нагейт с визитом.

Граф Нагейт? Навязанный жених? Этому-то чего нужно? Добровольно я за него замуж не пойду, да и тётя не согласится. Сейчас она лишь тихо вздохнула и скомандовала:

— Пригласите его с нами отужинать и распорядитесь поставить ещё один прибор.

Возможно, она рассчитывала, что граф поймёт несвоевременность прихода и удалится, но граф либо был слишком толстокожим, либо горел желанием жениться, потому что вскоре показался в дверях.

— Счастливы лицезреть вас, доньи.

Он церемонно поклонился. Дряхлым его не назвала бы самая придирчивая девица. Но Сиятельные вообще хорошо сохраняются, по тётке видно. Нагейт сиял здоровьем, пожалуй, молодостью и красотой. Серые глаза были опущены такими ресницами, что им позавидовала бы иная девица. Но не я. Мои ресницы были ничуть не хуже.

— Что привело вас в столь неурочный час, Ваше Сиятельство? — медово пропела тётка. — Садитесь же. Разделите с нами нашу скромную трапезу и рассказывайте.

По меркам этого мира трапеза действительно была скромной, но гостей мы не звали, а две одинокие дамы должны больше заботиться о собственной внешности, чем о том, чтобы обжираться на ночь. Для этих целей жидкий суп подходил как нельзя кстати.

Нагейт ломаться не стал, прошёл и сел ровно посередине стола, куда поставили его прибор. Туда же подскочивший лакей принялся выставлять тарелки с закусками, наскоро собранными на кухне. По сравнению с мутноватым супом они казались желанной добычей. К еде гость пока не прикоснулся. Надеюсь, не потому, что боялся, что его отравят, а потому, что уже успел поесть.

— Хотелось засвидетельствовать своё почтение драгоценной невесте и её не менее драгоценной родственнице.

— В таком случае, Ваше Сиятельство, — не удержалась я, — почему вы не у невесты, а тратите своё драгоценное время на посторонних дам?

В свой вопрос я добавила достаточно беспокойства, чтобы гость не усомнился: я на стороне его невесты.

— Дорогая Эстефания, — он улыбнулся так, что на щеках заиграли ямочки, но лицо от этого не показалось менее мужественным, хотя стало выглядеть мягче, — если вы забыли, Его Величество выразил желание нас поженить.

Тётка кашлянула, привлекая к себе внимание.

— Его Величество был сегодня у нас с визитом и ни словом не обмолвился про свадьбу, — ласково сказала она. — Вы уверены, что ничего не перепутали, дон? Эстефания находится под моей опекой, а не короны.

— Не переживайте, дон, — великодушно разрешила я. — В вашем возрасте проблемы с памятью уже простительны.

Он ответил мне насмешливой улыбкой, ничуть не обманувшись моим намёком на его дряхлость. Впрочем, я бы на его месте тоже себе не поверила. Возможно, он и не смотрится постоянно в зеркала, но даже беглого взгляда раз в неделю достаточно, чтобы понять: мои слова очень далеки от истины.

— Его Величество однозначно выразил желание, донья, видеть вас замужем за мной. Более того, буквально час назад он выражал недоумение, почему я до сих пор не предпринял никаких шагов в отношении выполнения его воли.

Неожиданно я почувствовала себя обманутой. Конечно, Теодоро не говорил, что передумал выдавать меня замуж за кого попало, но он вообще о замужестве не говорил. Мог бы передумать и не присылать своих ставленников, которым придётся отказать.

— Извините, Ваше Сиятельство, но я уже сказала Его Величеству, что никак не могу выйти замуж за человека, чьи жёны валяются с лестниц, как кегли.

— Как что? — удивлённо переспросил он, напрочь игнорируя мой очередной намёк. Да этому типу прямо скажи — всё равно притворится, что ничего не происходит.

— Как детские игрушки, — вывернулась я. — Видите, Ваше Сиятельство, сколь далеко мы с вами разнесены по временной шкале. Вы этого уже не помните, я это ещё не забыла.

Я даже потупилась, как положено скромной девочке из хорошей семьи. Впрочем, для скромной девочки у меня было слишком много нескромных достоинств. И я сейчас не только о приданом: на меня жених смотрел с явно выраженным мужским интересом.

— Ваше Сиятельство, я не даю согласия на брак моей племянницы, — отрезала тётя, не переставая сладко улыбаться.

— Вам бы не стоило упрячиться, Ваше Сиятельство, а то Его Величество решит, что вы участвуете в заговоре против короны.

— Заговоре? — высокомерно переспросила тётя.

— По отделению герцогства Эрилейского от Муриции. — Он отсалютовал нам обоим бокалом вина, которое принесли специально для него. — Это самая настоящая государственная измена.

— Таковы ваши планы, дон? — Я испуганно охнула. — Вы собираетесь втянуть двух одиноких дам в заговор? И где ваша совесть?

— Простите?

— Вы только что сказали, что собираетесь отколоть герцогство от страны, став моим мужем, — пояснила я. — Вы сами сказали: это государственная измена. Мы не хотим быть ни в чём таком замешанными.

— Вы что-то путаете, дорогая Эстефания, я ничего такого не говорил.

— Как это не говорили? Тётя подтвердит, что вы только что именно об этом сказали.

— Именно так, Ваше Сиятельство, — радостно пропела моя дражайшая родственница, явно наслаждаясь замешательством гостя. — Более того, при необходимости подтвержу, что именно вы завели разговор об отделении герцогства.

Они с Нагейтом обменялись улыбками. Точнее, не улыбками, осками. Как две акулы. И пусть родная акула казалась безопасней, не факт, что таковой была. Если бы речь не шла о замужестве, я бы поставила на Нагейта. Он выглядел уверенным в себе и надёжным, и уж точно не стал бы втягивать в меня в политические игры против короля.

Тем временем Нагейт задумчиво подцепил вилочкой какую-то сложную закуску в корзиночке и так аппетитно захрустел, что суп начал казаться ещё противнее. И ведь Эстефания привыкла питаться, как сегодня мы с графиней Хаго, и была убеждена в пользе подобной диеты. Но я не совсем она, поэтому с замиранием сердца провожала каждый кусочек, съедаемый Нагейтом, который больше не стеснялся, отдавая дань принесённым лакомствам. Наверное, на правах будущего родственника.

— Так на когда мы назначаем свадьбу? — невозмутимо поинтересовался он, когда решил, что съел достаточно.

— Никогда, — отрезала тётя, которой аппетит гостя тоже не пришёлся по нраву.

Она встала из-за стола, я последовала её примеру, поэтому пришлось встать и Нагейту, правда, он не преминул в процессе допить вино из бокала.

— А что скажет прекрасная Эстефания? — усмехнулся он.

Тётя сделала знак не отвечать, но один вид почти пустых блюд перед гостем меня разозлил настолько, что меня было уже не остановить.

— Скажет, что приличные женихи приходят хотя бы с букетом и коробочкой конфет, а не для того, чтобы поесть за счёт невесты, — ответила я. — Такое впечатление, дон, что вас дома не кормят.

— Так некому, прекрасная донья, — он выразительно вздохнул.

— Так найдите кого-нибудь. Повара или кухарку. Негоже, дон, голодать. От этого в голову забредают неправильные мысли. — Я сладко улыбнулась и пропела: — Хорошего вам вечера, дон. Надеюсь вас в ближайшее время не увидеть.

Тётя вышла не простившись и коротко бросила дворецкому, чтобы он проводил гостя. Действительно, вдруг заблудится. Мне бы не хотелось постоянно наткаться в коридоре на типа, который пристаёт с вопросом: «Когда наша свадьба?» Это ведь почти «Отдай своё сердце».

Тётя сделала мне знак следовать за ней, и мы чинно прошли в кабинет. Чинно мы выглядели ровно до того момента, когда за нами захлопнулась дверь.

— Фани, что на тебя нашло? — напустилась тётя. — Держи язычок за зубами. Хотя, конечно, обвинить Нагейта в антигосударственных планах было хорошей идеей. Но увы, Теодоро не поверит.

— Главное, чтобы засомневался, — заметила я. — И подумал, что граф, которого била жена, вряд ли сможет влиять на меня.

— А она била? — удивилась тётя.

— Слухи ходили, — туманно ответила я, не уточняя, что сама же их запустила в разговоре с Диего.

— Странно, до меня не доходили...

Она прошла за стол и уселась в кресло совершенно по-хозяйски, хотя и дом был мой, и кабинет — тоже. Но не мне с ней спорить — она опекунша моего тела. Я поторопилась сесть, чтобы не выглядеть, как нерадивая служанка, распекаемая госпожой.

— Ты хотела сообщить что-то важное, — напомнила тётя.

— Не знаю, насколько это важно, но, кажется, меня собрались шантажировать.

— Кто? — подалась она ко мне через стол.

— Тот самый барон, который вам не понравился. Я сказала, что его не помню, и попросила вернуть письма, он заявил, что я так легко

не отделаюсь. И вид у него был человека, у которого есть что-то, меня компрометирующее. Вы, случайно, не знаете что?

— Случайно не знаю. — Она задумчиво смотрела на свои руки, лежащие на столе, ухоженные руки без малейшего намёка на возраст. — Но с неё стало бы отправить что-то личное. Что ты ответила наглецу?

— Что мне наплевать на его угрозы.

— Правильно, Фани. — По губам тёти скользнула одобрительная улыбка. — Смотрю, он тебе не понравился?

— Он красивый, — возразила я. — Но чтобы поддаться на шантаж, этого недостаточно. Предположим, он обнаружит что-то из писем, так мне даже стыдно не будет, потому что я их не писала.

— А ведь точно же. — Тётя прищёлкнула пальцами, вызвав лёгкий струящийся дымок. — Даже если он вздумает говорить о нарушении обещания выйти за него замуж, ты всегда можешь утверждать, что не писала эти письма.

К предложению тёти я отнеслась скептически: если постоянно пользоваться одним и тем же приёмом, то рано или поздно кто-то да догадается, в чём дело.

— Это если у него нет чего-то посерьёзней.

— Да что у него может быть? — расслабленно улыбнулась тётя. — В любом случае он вначале попытается решить дело миром через меня. Возможно, от него удастся недорого окупиться.

Я вспомнила жёсткие пальцы на предплечьях и глаза, горевшие неприкрытой злобой. Что бы тётя ни думала, Эмилио точно не из тех, кто согласится на подачку. Ему нужно было всё. Но можно без меня.

В дверь постучали и, после разрешения войти, к нам заглянула испуганная рыженькая горничная, которая мне сообщала о приходе короля. Сейчас она тоже выглядела испуганной, но сообщила всего лишь о приходе некоего сеньора Охедо.

— Мария, пригласи его пройти сюда, — обрадовалась тётя. — Как он вовремя. Впрочем, Альберто всегда приходит вовремя.

— Мне уйти? — спросила я.

— Разумеется, нет, — удивлённо ответила она. — Я его приглашала как раз по твоему вопросу. Это один из лучших специалистов даже не страны, а всего континента.

Один из лучших специалистов походил на католического монаха, чему очень способствовала окружённая венчиком седых клочковатых волос блестящая лысина, сильно смахивавшая на тонзуру, и бесформенная мантия, давно потерявшая первоначальный цвет. Ему бы ещё подпоясаться верёвкой и надеть на ноги что-то наподобие сандалий с деревянными подошвами — вообще стал бы неотличим. Но пришедший сеньор обувь любил удобную и дорогую, что сильно выбивалось из остального облика.

— Селия, ты всё хорошеешь, — галантно сказал он тётке, едва её заметил. — Двуетиный, вот уж над кем годы не властны: ты становишься только лучше, как выдержанный херес.

— Ах, Альберто, — томно проворковала тётка на манер девицы на выданье, — твоя сладкая лесть противоречит тому, что я вижу в зеркале.

— Не выдумывай, Селия. Что ты там можешь увидеть, кроме молодой и очень красивой доньи?

— Будет тебе, Альберто. Ты меня смущаешь перед лицом племянницы.

Только тут он заметил меня, повернулся, осмотрел, еле заметно двигая пальцами, словно выплетал сетку втайне от строгого учителя, а потом спросил:

— Итак, Селия, ты опять влезла во что-то нехорошее? Что с твоей племянницей?

— Бласкес уверяет, что она сама наложила на себя блок. Но Эстефания ничего подобного не помнит.

Тётка улыбнулась неожиданно заискивающе. Наверное, навестил нас не просто друг её юности, но весьма важная персона.

— Бласкес всегда был слишком самонадеян. Разумеется, это работа не твоей племянницы. Хотя при беглом осмотре кажется именно так. Я бы поставил на близкую родственницу, потому что аура хоть и похожа, но и не идентична.

Тётка нахмурилась, я тоже, потому что мы наверняка подумали об одном и том же: аура изменилась, потому что в теле теперь другая душа. Если только...

— Увы, Альберто, единственная близкая родственница Эстефании — это я, а у меня не было возможности у неё побывать, если ты помнишь.

Она выразительно улыбнулась, намекая на своё заточение в монастыре. Но я на месте уважаемого сеньора к её словам отнеслась бы с изрядным скепсисом, поскольку заключённой тётя не была, а порталы, как я успела заметить, тут в ходу.

— Но, в сущности, это неважно, — продолжила тётя, отвлекая кавалера улыбкой от могущих возникнуть подозрений. — Важно, сможешь ли ты снять этот блок, потому что у Фани нынче из-за него большие проблемы.

Он засопел и уставился на меня, потирая тщательно выбритый подбородок. Пожалуй, впервые в этом мире мужчина смотрел на меня не как женщину, даже не как на человека, а как на некую задачу, ключ к решению которой надо подобрать.

— Блок точно родовой, — наконец ответил он. — Подобраться к нему сложно, но можно, особенно если ты, Селия, дашь мне возможность покопаться в ваших архивных записях.

— Это исключено, — резко бросила тётя и тут же смягчила резкость улыбкой. — Альберто, фамильные секреты не могут быть доверены постороннему лицу, кроме как для предотвращения опасности для жизни кого-то из семьи. Речь об этом пока не идёт.

— Тогда буду думать, — ответил Альберто. — С ходу такой блок не снять, только предположить варианты. Я подумаю, какой оптимальней использовать.

— Фани, дорогая, ты, наверное, устала за сегодня? — проворковала тётя. — У тебя выдался такой тяжёлый день. Можешь пойти и наконец отдохнуть.

В отличие от Нагейта, намёк я поняла сразу и, вежливо попрощавшись, выскочила за дверь. Только уходить не торопилась, решив узнать, о чём будут секретничать без меня. Даже щёлочку оставила, чтобы было удобнее подслушивать. Но дверь захлопнулась, в замке провернулся ключ, а потом словно между мной и кабинетом опустилась плотная завеса, отсекающая любые шумы. О чём бы тётя ни говорила с давним поклонником, она не хотела, чтобы это услышал кто-то, кроме него.

Глава 12

Постояв у кабинета в надежде, что что-то поможет мне оказаться в курсе разговора, вскоре я вынужденно пришла к выводу: высшие силы мною особенно не интересовались и помогать просто так не собирались. Оставили в живых — уже хорошо. В остальном мне следует полагаться исключительно на себя.

Пришлось уйти в свою комнату, где дожидалась Эсперанса.

— Ваша Светлость, что же теперь будет? — спросила она.

— С чем?

— С кем, — спросила она. — С бароном де Монтейо.

— Думаю, он примется меня шантажировать.

— Что вы, Ваша Светлость, он так вас любит, — мечтательно вздохнула Эсперанса.

Иногда мужские глаза творят чудеса. Вот, к примеру, голубые глаза Эмилио напрочь вытеснили из памяти моей горничной, как барон при ней обошёлся с возлюбленной. Но противоречить не хотелось, хотелось, остаться в одиночестве.

— Эсперанса, на сегодня можешь быть свободна.

— На как же, Ваша Светлость, — растерялась она, — вам нужно будет помочь перед сном. Вы сами не сможете распустить корсет.

— Распускай сейчас, — решила я. — Всё равно я сегодня никуда больше не пойду. Поваляюсь в чём-нибудь свободном, почитаю.

— Ваша Светлость, — неодобрительно протянула Эсперанса. — А если вы понадобится графине Хаго?

— Тётушка может прийти ко мне сама. — Я улыбнулась. — Ну же, Эсперанса, неужели тебе не нужен свободный вечер?

— Да разве это вечер, — вздохнула она и переместилась мне за спину. — Ночь уже почти.

Вскоре пыточное приспособление, по недоразумению считающееся частью дамского гардероба, было с меня снято, и горничная, попрощавшись, ушла. И только после её ухода я сообразила, что сначала стоило бы зайти в библиотеку за книгой. Теперь же в полупрозрачном не то пеньюаре, не то распашном халатике, это делать было ни в коем случае нельзя. Неприлично

герцогине в таком перемещаться за пределами своей комнаты. Так что дверь я закрыла, провернув ключ в замке, чтобы никто не мешал, и задумалась, чем заняться.

От прежней Эстефании остался недочитанный слащавый любовный романчик, узнавать окончание которого не было ни малейшего желания. Взгляд сам собой переместился на письма. Если блок на воспоминаниях может сниматься кодовым словом, то и на защитном коконе может стоять что-то подобное. В голове вертелись какие-то обрывки воспоминаний, подтверждающие это предположение, но не складывались в единую картину: видимо, не хватало связующих деталей. Но попробовать стоило. Что могла использовать романтичная девушка в качестве кодового слова для своей защиты? Имя любимого?

Я взяла укутанный заклинаниями пакет и с придыханием, подражая прежней Эстефании, выговорила: «Эмилио». Но увы, защита оказалась глуха к моему предположению. Возможно, даже своего возлюбленного герцогиня именovala полным титулом даже наедине с собой? Ни на что не надеясь, я использовала варианты: «Эмилио де Монтейо» и «Эмилио, барон де Монтейо». И о чудо — на последнем защита мигнула и отключилась. Дневник и письма так и остались в коконе, но теперь он был проницаемым, в чём я убедилась, с осторожностью коснувшись пальцем, который погрузился, не заметив препятствия. По остаточному мерцанию стало понятно, что можно будет опять включить защиту. Наверное. Я проверять не стала: а то вдруг включится и больше не выключится? На месте Эстефании я бы поставила несколько чередующихся кодовых слов. Жаль, но то, что я сейчас на её месте, не делает меня сведущей в её тайнах.

Признаться, руку я засовывала с осторожностью, но хранилище признало меня хозяйкой и позволило без повреждений вытянуть тоненькую книжку-дневник. На него я возлагала больше надежды, чем на письма, потому что письма были только одной стороны, по ним полной картины не выстроишь.

Но дневник оказался совсем неинформативным, я даже заподозрила, что там непременно должен быть скрытый текст, потому что личных записей не было, было лишь сухое перечисление происходившего, и то не ежедневное. Но сколько я не тыкала

пальцами, произнося заветное имя на разный лад, с дневником никаких изменений не случилось.

Я отправила его назад и потянула первую связку писем. Всего пачек было три, перевязанных ленточками разных цветов: розовой, жёлтой и зелёной. Сначала я извлекла розовую. Как я и думала, в этих письмах содержалась сплошная любовная чепуха, причём лежали они не в том порядке, в котором приходили к Эстефании. Я предположила, что он не случаен и менять не стала. Ради интереса выписала первые слова из каждого письма, но получилась форменная ерунда, порядок задумывался явно не для этого. Я нутром чувствовала, что мне чего-то не хватает. Но нутро — вещь такая, которая даже в суде за доказательство не сойдёт, а уж в деле выявления секреток оно вообще оказалось бесполезным.

В пачке с жёлтым бантиком находились письма с конструктивными предложениями от Эмилио, которые сводились к одному: нужно убежать и обвенчаться тайно, а тётя вынужденно примет сложившееся положение дел. Даты там назначались, но судя по тому что Эстефания так и осталась незамужней, бежать она не рискнула.

Зёленую пачку я уже вскрывала с изрядным скепсисом, ничего от неё не ожидая. Там оказались письма, с ответами на вопросы, о которых я даже догадываться не могла. В этих письмах Эмилио играл роль заботливого почти старшего брата и писал исключительно о магии, жаль только, что я совершенно ничего не понимала из его ответов. И не потому что не знала вопросов. Подозреваю, увидь я письма Эстефании, тоже осталась бы в замешательстве. Слишком сложные темы там обсуждались, с приведением формул и расчётом векторов. Эстефания точно не была неучем, но для меня всё это выглядело китайской грамотой, хотя и давало пищу к размышлению: Эмилио и Эстефанию связывали общие интересы, а не только любовь. Но мне ни там, ни там места не было. Единственное, за что я смогла уцепиться, так это за целый абзац в предпоследнем письме, посвящённый тёте. «Мне кажется, ты преувеличиваешь опасность, исходящую от графини Хаго. Если маг владеет какой-то методикой, совершенно необязательно её использовать. Иногда знание — только знание. То, что ты приняла за подготовку, может быть использовано во многих ритуалах».

Всё. Ни какой ритуал, ни какая опасность, ни как защититься в случае, если опасения не напрасны. Мог бы хотя бы написать, как проверить... А то, может, опасности подвергалась бы только истинность чувств между Эмилио и Эстефанией, а я начинаю паниковать. А паниковать я начала, потому что от обычного стука в окно подпрыгнула и чуть не заорала.

В окно? Наверняка Эмилио решил, что при более тесном общении сможет меня убедить в том, что нужно ему. Подходила я с желанием высказать всё, что думаю о наглых донах, неприлично лезущих по ночам в чужие окна. Но стоило отдернуть штору, как приготовленные слова застряли в горле: с обратной стороны окна на меня смотрел Теодоро. Весьма недовольно смотрел: видно, не так легко даже королям держать себя в воздухе. Сначала я хотела задёрнуть шторы и сделать вид, что ничего не видела. Но потом представила, как у короля кончаются его магические силы и утром под моим окном находят королевский труп. Тут уж любой артефакт признает мою вину, и я закончу там, где начинала, а королевский палач наконец сможет опробовать остроту топора.

— Ваше Величество, вы выбрали неподходящий способ и время для нанесения визита, — сказала я, лишь только открыла окно. А ещё я сразу же ухватила короля за руку. Крепко ухватила, чтобы в случае чего не дать ему упасть.

— Какой пыл, Эстефания, — радостно сказал он. — Я так и знал, что вы меня ждали и готовились к моему визиту.

— С чего вы взяли? — пробурчала я в ответ.

— С того, что ваши слова противоречат вашим действиям. Словами вы меня прогоняете, а руками напротив, пытаетесь затянуть.

— Размечтался... лись... Ваше Величество! — возмущённо выпалила я. — Я испугалась, что вы свалитесь.

— И? — он высокомерно поднял бровь.

— И разобьётесь, — закончила я свою мысль.

Он посмотрел на меня, потом вниз, потом опять на меня. Я высунулась, огляделась и быстро отцепилась от королевской персоны. Моя комната была на втором этаже, и пусть этажи были высокими, но падать Теодоро было всего ничего, и даже не на газончик или, упаси боже, гравийную дорожку: в случае нехватки магии он свалился бы в пышные кусты, на которых даже колючек не было. Страх, что визитёр

разобьётся, пришёл из моей прошлой жизни, в которой квартира располагалась на восьмом этаже, а при падении внизу не нашлось бы смягчающих кустов, а разве что смягчающие машины.

Теодоро же глянул на кусты попристальней, после чего решил больше в воздухе не висеть и присел на подоконник. Наверное, подумал, что мои опасения имеют под собой какие-то основания. В отношении кустов он преисполнился самыми чёрными подозрениями и время от времени начинал на них непроизвольно коситься. Я бы сказала, что он неправ, но увы, в моей памяти зияли такие дыры, что в кустах могли находиться опасные ловушки, о которых я даже не подозревала.

— Так что вас привело ко мне, Ваше Величество? — убедившись, что он не собирается разбиваться куда спокойней спросила я.

— Желание поговорить или... получить нечто большее?

— Нечто большее — только в ваших мечтах, — отрезала я, сразу поняв, куда он клонит. — А разговор желательно вести в присутствии моей тёти, потому что мы с вами недавно выяснили, что я лицо недееспособное.

— Пока я от вас не действий жду, а разговора, — несколько лениво ответил он. — Удалось справиться с блоком?

— Не удалось, но выяснилось, что ваш Бласкес ошибся, блок ставила не я, — радостно выпалила я.

— Быть того не может, — удивился он. — Бласкес никогда не ошибается.

— Значит, соврал, — предположила я.

— Зачем ему это?

— Мне кажется, я ему очень не нравлюсь.

Почему-то я сказала это почти шёпотом и наклонившись к королю

— Это нормально, ему вообще женщины не очень нравятся, — заметил Теодоро с какой-то странной улыбкой.

Взгляд его блуждал, никак не встречаясь с моим, зато останавливаясь на тех частях моего тела, которые не были прикрыты пеньюаром или просвечивали через него. Наверняка просвечивали соблазнительно — вон как заблестели глаза. Решил уже, что не напрасно провисел под окном? Рановато решил.

— С блоком мы не разобрались, но графиня Хаго привлекла специалиста. Он думает. Если это всё, что вы хотели узнать, Ваше

Величество...

— Не могу понять, почему вы так разительно изменились, — неожиданно сказал он. — Люблю разгадывать загадки.

— А потом отправлять под топор палача? — ехидно поинтересовалась я. — Разгаданные загадки больше не интересны, да?

— Ваше Величество, — напомнил он. — Вы, Эстефания, постоянно забываете обращение.

— Мне простительно, Ваше Величество, после вашей тюрьмы у меня не память, а один сплошной блок. А вот вам непростительно меня компрометировать. Спокойной ночи, Ваше Величество.

Я взялась за раму.

— Вы меня выгоняете, Эстефания? — удивился он.

— Я напоминаю, что вы мне подбросили жениха, Ваше Величество, от которого не так просто избавиться. Наверное, он решил, что для него единственная возможность обзавестись супругой — ваш прямой приказ.

— Нагейту нужно жениться.

— Пусть поприсматривается к дамам близкого возраста.

— Ему нужны дети, — намекнул король.

— Тем более. У дам близкого ему возраста дети уже наверняка есть, получит готовых, Ваше Величество. Или вы передумали и планируете теперь меня отдать ему в дочери?

— Для дочери вы слишком взрослая.

Он хмыкнул и опять задержал взгляд не там, где надо.

— Разница в возрасте между нами запросто позволяет ему меня удочерить, Ваше Величество. У меня даже ещё любимые куклы в комнате остались.

Он отвлёкся от разглядываний моих прелестей, но обратил монаршее внимание не на упомянутых кукол, а на разбросанные на кровати письма.

— В переписке вы с куклами состоите? — насмешливо поинтересовался он.

— С кем бы я ни состояла в переписке, вас это не касается, Ваше Величество.

— Почему не касается, Эстефания? Вдруг вы шлёте письма врагам Муриции?

— Именно поэтому я их перевязываю красивыми ленточками, — согласилась я. — А ленточки выбираю по цвету вражеской страны.

Он хмыкнул, но полностью потерял интерес к письмам и переключился на меня.

— Знаете, Эстефания, для меня это несколько непривычно, но я чувствую себя виноватым из-за того, что с вами случилось, поэтому, пожалуй, выполню вашу просьбу. Одну. Разумную.

— А вашей вины, Ваше Величество, не хватит на две? — нахально поинтересовалась я. — Потому что мне очень сложно выбрать между отказом от брака и снятием блока.

— Не уверен, что второе в моих силах.

— Но консультацию вы можете устроить? Не с сеньором Охедо. Хотелось бы экспертизу, независимую от вашего Бласкеса и тётушки.

— Не доверяете обоим? — он прищурился.

— Сложно кому-то доверять, если ничего не помнишь, Ваше Величество.

Я вдруг подумала, что с Эстефании стало бы внедрить ложные воспоминания, и тогда вполне может оказаться, что короля она действительно пыталась отравить и делала это без помощи Бласкеса. Придворный маг, конечно, воняет куда забористей любого бомжа, но это не основание считать его преступником. Скорее, жертвой магии...

Мы с королём смотрели друг на друга и молчали. Пауза затягивалась и становилась неприличной. Не знаю, о чём думал он, я просто любовалась красотой, тем более совершенной, что её носитель молчал и даже почти согласился не выдавать меня замуж.

— Я подумаю, что можно сделать, — решил Теодоро и испарился с моего подоконника, как не так давно из кареты.

На всякий случай я проверила кусты внизу, но они даже не были примяты, поэтому я с чистой совестью захлопнула окно и задвинула запоры. Не уверена, что они остановили бы Теодоро, но с ними мне как-то спокойнее.

Письма я собрала, перевязала и отправила опять в кокон. Как я и думала, защита активировалась именем Эмилио. Кокон я убрала в гардеробную, засунув в самый дальний угол. Сейчас пользы от него нет, но кто знает, что будет? Вдруг мне удастся выцепить хотя бы немного чужих воспоминаний из памяти?

С горя я дочитала валяющийся романчик, который закончился красивой любовной сценой, и легла спать, надеясь, что приснится продолжение, но уже со мной в главной роли. Представлять себя героиней любовного романа — действие совершенно безопасное во всех отношениях.

Но приснилось мне совсем другое: больничная палата, в которую моя мама за рукав халата затаскивала почти не сопротивляющегося врача, весьма симпатичного и молодого. До Теодоро он сильно не дотягивал, но по меркам моего прошлого мира был очень даже ничего. А вот я... Я выглядела из рук вон плохо: на исхудавшем теле кости торчали так, что по ним можно было изучать строение скелета.

— Я уверена, что у Кати дёрнулась рука! — возбуждённо говорила мама.

— Такое бывает. — Врач осторожно пытался освободиться, но если уж мама вцепилась, стряхнуть её никак не выйдет. — Это вовсе не значит, что она вышла из комы.

— Проверьте рефлексы, — потребовала мама.

— Хорошо, если вы так настаиваете.

Он склонился над кроватью, но ничего проверять не потребовалось, потому что та, что там лежала, открыла глаза. Не знаю как доктор, но я заметила явственное свечение. Глаза сияли и казались необычайно выразительными на бледном лице. Врач застыл, в них потерявшись.

— Надо же, у тебя всё получилось, — не удержалась я.

Она отвела взгляд от склонившегося врача и безошибочно нашла то место, где присутствовала моя проекция, невидимая больше никому.

— Надо же, ты всё-таки выжила. — Она не разжимала губ, но я слышала каждое слово. — Не уверена, что тебе повезло. Не приходи больше, это не твоя жизнь.

— Но мы могли бы помогать друг другу советами.

— Советы тебе не помогут. Забудь сюда дорогу.

Она приподняла руку и лёгкими движениями пальцев отправила в меня заклинание, которое закрутило и поволокло прочь. Последнее, что я увидела — это восторженно ахнувшая мама, бросившаяся обнимать уже не меня.

Глава 13

Я открыла глаза и уставилась в потолок. То, что это был не сон, я поняла сразу. Как и то, что магия той, с кем я обменялась телами, осталась при ней. Наверное, теперь будет правильным называть её Екатериной? Если уж мы обменялись жизнями, то такую мелочь, как имя, я точно могу отпустить. Было больно смотреть, как мама обнимала не-меня, даже не подозревая об этом. Утешала только та искренняя радость, с которой она это делала. Для моих близких людей *там* всё изменилось к лучшему, ведь я перестала быть ничего не соображающей куклой. *Здесь* же для окружающих меня людей не изменилось ничего, даже для тётки. Её собственные планы были для неё куда важнее проблем племянницы, а такой, ничего не понимающей, я её устраивала даже больше. Конечно, она развивала бурную деятельность, но мне почему-то казалось, что делала она это только для того, чтобы убедиться, что вытащить что-то из памяти невозможно. Я не исключала, что это мне только казалось, но очень уж незащитной я чувствовала себя с такими дырами в памяти.

И возникал вопрос, почему прежняя Эстефания оставила мне только то, с чем можно дойти до эшафота, не вызывая подозрений. Какие страшные семейные тайны она не хотела выдавать? А в том, что они были, я уверилась по поведению теперь уже Екатерины: при встрече она точно испытывала вину передо мной, хотя и отказалась что-то объяснять, быстро разорвав образовавшуюся между нами связь. Интересно, почему мне получилось до неё дотянуться и удастся ли это сделать в следующий раз? Или она полностью закрыла такую возможность?

Размышляла я до тех пор, пока ко мне не заглянула Эсперанса. Осторожно заглянула, чтобы, не дай бог, не разбудить хозяйку.

— Доброе утро, Ваша Светлость, — сказала она, как только уверилась, что я не сплю. — Я всё жду, а вы меня всё не вызываете...

Звонок для прислуги стоял на изящной прикроватной тумбочке — только руку протяни. Маленький артефактный звонок, который Эсперанса слышала бы в любой части особняка. Но я о нём

вспомнила только сейчас. Мелочи, привычки, свойственные прежней Эстефании и несвойственные мне, выдавали меня без пощады.

— Эсперанса, мне просто хотелось полежать в чистой и удобной постели. Подольше полежать, подумать. Всё так запуталось, — жалобно сказала я. — Что там тётя?

— Её Сиятельство уже уехала.

— Уехала? — удивилась я. — Так рано?

— Не очень-то и рано, — позволила себе высказать лёгкое неодобрение Эсперанса. — Время завтрака уже почти прошло.

Завтрак — это серьёзно. Этак пропустишь его и останешься без еды до обеда. Я, конечно, герцогиня, но правила в доме определяет моя опекунша. Так что я подскочила, выказывая готовность к быстрым сборам, и спросила:

— Донья Селия ничего не просила мне передать?

— Нет, Ваша Светлость, — коротко ответила Эсперанса.

— А куда она поехала?

— Не знаю, Ваша Светлость. Но если хотите, могу порасспрашивать кучера, когда она вернётся.

Эсперанса бросила на меня короткий испытующий взгляд. Прежняя Эстефания доверяла ей подобные деликатные поручения? Или нет? В любом случае мне эта информация жизненно необходима.

— Порасспрашивай, буду признательна.

Эсперанса привычно захлопотала, готовя хозяйку к новому дню, пока я размышляла, чем заняться после завтрака. Отъезд графини Хаго меня беспокоил, но её отсутствие давало возможность сунуть нос туда, где бы она не хотела его видеть. Как я ни прикидывала, но единственным из более-менее серьёзных помещений, которое сейчас было доступно, оказывалась библиотека. Магических замков там не было, а те, что были, должны были сняться прикосновением руки. Это, слава богу, в памяти сохранилось. Соваться же в помещения, напичканные магией, для меня сейчас смертельно опасно. Я, конечно, не знаю многое, но инстинкт самосохранения при мне.

Завтрак, положенный герцогине, оказался довольно скудным: пара гренок и чашка шоколада. Вопрос, не съела ли всё рано утром графиня Хаго, почему и удрала, я подавила, вовремя вспомнив, что завтраки всегда были лёгкими и заканчивались быстро. В одиночестве в такой огромной столовой есть было неуютно, но я мужественно справилась.

И не только с завтраком, но и с желанием встать из-за стола и сказать: «Спасибо, всё было очень вкусно». Вкусно действительно было, я даже не подозревала, что обычные гренки могут оказаться настоящим кулинарным шедевром. И всё же неуместный восторг я уняла и направилась в библиотеку.

Иной раз какие-то знания сами собой всплывали в голове, но рассчитывать на это дальше не стоит — вдруг в блоке не окажется нужной дыры в следующий раз? То, что через него что-то просачивалось, я поняла утром, когда размышляла над всеми странностями. Но вот беда — всплывали только мелочи вроде давешнего звонка для прислуги, а что посерьёзней, оставалось всё так же запертым.

Библиотека была огромной, настолько огромной, что требовала присмотра специального служителя, который следил за состоянием книг, чистотой помещения, составлял каталоги и вовремя выписывал те новинки, которые были одобрены графиней Хаго. Ещё в его обязанности входило вести архивы герцогов Эрилейских — разумеется, только ту часть, которая была предназначена для общего пользования. К другим архивам доступ имели только члены семьи и находились они в закрытой части библиотеки, куда не было хода посторонним и не уверена, был ли ход мне.

— Доброе утро, Ваша Светлость, — подскочил при моём появлении архивариус, нескладный длинноногий парень лет двадцати пяти, смуглый и темноглазый. — Чем могу служить?

— Доброе утро, — согласилась я. — Я не знаю, что хочу почитать. Решила пройтись между стеллажами, посмотреть, что попросится само в руки. Не отвлекайтесь от своей работы, Рикардо.

Но он продолжал стоять, наверняка полагая неприличным сидеть в моём присутствии, поэтому я свернула к ближайшим же стеллажам, на которых оказались книги по истории. Почти сразу взгляд упал на толстенный том «Келдийская империя. Возникновение Сиятельных родов». Отклика в памяти название не вызвало, поэтому я с трудом вытаскала книгу и раскрыла. Тащить такую тяжесть куда-то не хотелось — мало ли, вдруг там ничего полезного не окажется? Конечно, для переноса особо тяжёлых предметов всегда можно кого-то найти, но этот кто-то непременно доложит тёте. Я прямо чувствовала,

как внутри зреет паранойя: слишком странный абзац был в письме и слишком странно вела себя Эстефания.

В книге речь шла об очень далёком прошлом. Когда-то весь материк занимала одна-единственная страна, которая к этому времени уже давным-давно развалилась на несколько осколков, покрупнее и помельче, ведущих независимую политику и не планирующие собираться. Муриция была самым крупным из таких осколков.

Это было познавательным, но ещё более познавательной оказалась информация о том, что роды Сиятельных были созданы искусственно. Конечно, в книге шла речь о милости Двуетного, но давайте взглянем правде в глаза: с чего вдруг божеству награждать своей милостью только близких к трону людей? Наверняка среди них были не слишком хорошие, такие, которые нуждались в наказании, а не в награде. И тем не менее все придворные, находившиеся в тот день на Большом Королевском балу, получили Сиятельный дар. У простых людей Сиятельные вызывают благоговение именно потому, что они благословлены богом. И благословение распространяется на земли, которые подчинены Сиятельному. Благословение выражается по-разному, но всегда уходит со сменой владельца, либо меняясь на принадлежащее новому роду, если он принадлежит к Сиятельным, либо исчезая без замены, если новые хозяева — обычные люди. Я не помнила ничего по этому поводу, но, исходя из прочитанного, моё владение землями давало им какой-то бонус. И про него я не помнила ровным счётом ничего. И ещё. У каждого Сиятельного рода был свой фамильяр. Его сущность хранилась в тайне, но само существование не подлежало сомнению. Получается, был фамильяр и у Эрилейских? Но точно не здесь, иначе я бы с ним столкнулась. В герцогском замке? Весьма вероятно...

Помечтать, кем может оказаться фамильяр, не удалось. Ко мне сунулась экономка и радостно затараторила:

— Слава Двуетному, я вас нашла, Ваша Светлость. Нельзя же заставлять Его Величество ждать, а я вас уже обыскалась.

— Если я вас правильно поняла, Алисия, к нам с визитом прибыл Его Величество Теодоро Блистательный?

— И не один. С ним ещё такой важный толстый дон. Но он не представился. Просто прошёл вместе с Его Величеством и уселся в гостиной.

Экономка выказала сдержанное неодобрение таким поведением. Действительно, мог бы хотя бы визитку вручить прислуге. Но в памяти о визитках ничего не нашлось. Не в ходу они тут были, похоже.

Я захлопнула том и поставила его на место, после чего быстро, но величаво отправилась встречать гостей.

В гостиной действительно оказался важный толстый дон. Его излишняя полнота меня удивила, потому что он принадлежал к Сиятельным, а все Сиятельные, кого я встречала до сих пор, имели почти идеальную внешность. Впрочем, надо признать, этому дону полнота шла, и он был красив этакой уютной красотой элитного плюшевого медведя, которого непременно хотелось потискать. Точнее, хотелось бы лет двадцать тому назад, сейчас он казался слишком солидных для таких вольностей. Но располагал к себе однозначно. И это настораживало. Вряд ли Теодоро притащил ко мне добренького, всех любящего дядюшку.

— Добрый день, Ваше Величество, — приветствовал я только одного из гостей. Второй был мне не представлен, да и по правилам этикета здороваться первым должен был он.

Дон привстал с уютного кресла, изображая поклон, Теодоро же небрежно бросил:

— Я привёл вам специалиста, Эстефания. Всё, как вы просили: лучшего из лучших и не связанного ни с Бласкесом, ни с вашей тётей.

— Густаво Луис Кристиан Наваретте, граф Фуэнский, — представился тот.

— Очень приятно познакомиться, — я почти не покривила душой. — А вы как-нибудь можете доказать, Ваше Величество, что этот дон не связан с упомянутыми персонами?

— Садитесь же, Эстефания, — бросил Теодоро. — А то дон Густаво останется стоять, а ему тяжело.

Я торопливо села на ближайший стул и строго заметила;

— Вы не ответили на мой вопрос, Ваше Величество.

— Вы мне не доверяете?

Он легко вошёл в роль жестоко обиженного моими словами, но так же легко из неё и выйдет при необходимости. И если дону Густаво я не доверяла, потому что его не знала, то Теодоро не доверяла, потому что уже успела узнать. Хотя при взгляде на него в голове сама собой

продолжала звучать песенка; «Потому что нельзя быть красивым таким». Не просто нельзя, а неприлично. Даже королю.

— У меня нет для этого оснований. Вы часто действуете мне во вред.

— Например? — он усмехнулся. — Разумеется, если не считать того досадного недоразумения с казнью.

Дон Густаво хохотнул, но в разговор не вмешался. Производил он впечатление весьма жизнелюбивого человека. И я бы непременно предложила ему угощение приди он один, а не в компании короля, который у нас не есть ничего принципиально.

— Например, вы прекрасно знали, где я нахожусь, когда я убежала из гостиницы.

Страшно представить, какие ещё тайны стали им доступны с моим жемчугом, забранным у Диего.

— И? — король лениво приподнял бровь.

— И не сняли меня с дилижанса.

— Нам было интересно, куда вы направляетесь.

Он протянул «нам» так, что казалось непонятным, имеет ли он в виду только себя, Его Величество Теодоро Блистательного, или ещё и с Бласкесом.

— Этот интерес можно было удовлетворить на стадии дилижанса, в который я села. Знаете, какую ужасную ночь я провела? Вы пробовали спать сидя?

— Как только я не пробовал спать, — хохотнул он.

Тут я вспомнила про Людовика за номером Четырнадцать, короля-солнце, кровать которого даже не предполагала иной позы, и спросила:

— Или вы так и спите постоянно, сидя?

— Я? — он непритворно удивился. — Зачем мне так спать?

— Вы король. Должны чем-то отличаться от простых смертных, — пожала я плечами.

— Идиотизмом? — уточнил он.

Захотелось сказать, что прозвище «Блистательный» на интеллект не намекает, но я вовремя вспомнила, что меня один раз уже почти казнили, поэтому смягчила ответ:

— Экстравагантными привычками, недоступными другим, Ваше Величество.

— Чувствуете, дон Густаво, какая любознательность? — обратился к своему спутнику Теодоро.

— Тяга к нестандартным исследованиям налицо, — согласился тот.

Но король уже отвернулся от него ко мне и вкрадчиво спросил:

— Эстефания, хотите узнать лично, как спит король?

Возможно, он посчитал своё предложение заманчивым, но для меня оно таковым не было.

— Мой исследовательский интерес настолько далеко не простирается. Мне было достаточно вашего удивления от вопроса, чтобы понять, что вы спите, как все остальные.

— А вдруг я удивился тому, что вы узнали тайну, доверенную только близким мне людям?

Голос был мягко-заигрывающим, но меня на экскурсию в королевскую спальню никакими пряниками не заманишь. Я приняла самый чопорный вид, на который оказалась способна, и заявила:

— Ваше Величество, при всём уважении, мы отвлеклись от того, ради чего вы тратите своё драгоценное время на столь незначительную персону, как я.

— Дон Густаво? — повернулся к нему король.

— Да, донья не сама ставила, — ответил тот. — Блок был поставлен близким родственником, таким близким, что я бы предположил сестру-близнеца. Знаете, вариант, когда тела отличаются только личностью внутри.

Он изобразил перед собой руками что-то странное, но Теодоро его понял и даже кивнул, в подтверждение этого.

— Сестры-близнеца у меня нет или я об этом не помню, — поторопилась я напомнить.

— Нет никакой сестры, — нетерпеливо бросил король, — иначе бы об этом все знали. У вас из родственников по линии Эрилейских только тётя, которая родственников супруги вашего батюшки на дух не переносит и к дому не подпускает. Да и не сильны они в магии. Загадка...

Он увлечённо засиял глазами, а я подумала, что сложить слова консультанта в правильный ответ не так уж и сложно, если подумать хорошенько, поёжилась от возможных последствий и с надеждой спросила:

— Но снять-то вы сможете, дон Густаво?

— Увы, Ваша Светлость, это не так просто.

— Дон Густаво, донья спросила, сможете ли вы снять, а не насколько это сложно, — нетерпеливо влез король, почему-то уверенный, что как только я получу доступ к своим тайнам, непременно с ним поделюсь и перестану быть загадкой.

— Сейчас нет, — ответил дон Густаво. — Разве что подцепить край блока?

— И что мне это даст?

— Если блок один, то воспоминания постепенно буду просачиваться, встраиваясь в пустые лакуны вашей памяти, — почти поэтично сказал он.

— Что значит «если блок один»? — недовольно уточнил Теодоро, опередив меня буквально на долю мгновения.

— Есть основания подозревать, что блоков несколько. Видите ли, Ваше Величество, человеческие мозги — очень сложная структура, лезть глубоко я опасаюсь, но...

И дальше он заговорил на совершенно непонятном для меня, но понятном для Теодоро языке, потому что король умудрился даже пару вопросов задать, ответом на которые были опять же непонятные мне тирады, а не снисходительная усмешка, какая бывает, когда спрашивают откровенную глупость.

Глава 14

Я откашлялась, потому что мне показалось, что про меня совсем забыли. А ведь я была куда интереснее, чем блок на моей памяти. Блок рано или поздно уберётся, а я останусь, что и должны были вспомнить спорящие мужчины. Они и вспомнили: посмотрели на меня так, словно я была в гостинной лишней. Пришлось улыбнуться сладко-сладко и жалобно пролепетать:

— Дон Густаво, так вы попробуете подцепить мой блок?

Ответить он не успел, так как в гостиную почти бегом влетела тётя, притормозила, склонилась в реверансе.

— Садитесь, донья, — скомандовал Теодоро. — Мы как раз решаем, что делать с памятью вашей племянницы.

— Вы зря тратите ваше драгоценное время, Ваше Величество, на такую мелочь, — пропела тётя, элегантно усаживаясь на стул. — Нас вчера консультировал сеньор Охедо и даже набросал примерный план по избавлению блока.

Дон Густаво потёр правый глаз указательным пальцем, словно тот внезапно зазудел, и сказал:

— Гм, сеньор Охедо, вне всякого сомнения, авторитетный специалист, и я ни в коей мере не подвергаю сомнению его мнение.

— Но вы-то авторитетней. Он обычный преподаватель, а вы — ректор нашего широко известного университета, — заметил Теодоро, — поэтому ваше мнение может отличаться от мнения сеньора Охело. Кстати, хотелось бы его услышать.

Тётя выпрямилась на стуле так, что по ней можно было проводить калибровку линейек.

— Сеньор Охедо сказал, что сама Эстефания блок не снимет, но он может слететь под влиянием всплывающих воспоминаний. Ещё он сказал, что посторонним лезть нежелательно, потому что это может привести к непредсказуемым последствиям.

— Сеньор Охедо — известный перестраховщик, — недовольно проворчал дон Густаво. — Блок можно не снять, а сделать чуть более проницаемым.

По губам тётя зазмеилась нехорошая улыбка.

— И потом она должна будет находиться под вашим присмотром, не так ли, дон? Желательно — в университете?

— Я этого не говорил.

— Но подразумевали, — отбрила тётя, резко, словно ей было нанесено оскорбление. Возможно, так оно и было. — Эстефания сегодня отбывает домой в герцогство. Прямо сейчас.

— Прямо сейчас я никого не отпускал. — Теодоро улыбался, но его глаза были колючими, как куст терновника.

— Прошу меня простить, Ваше Величество, — покаянно сказала тётя. — Но я знаю, что вы не можете уделять нам много времени, вы — персона необычайно занятая. Насколько помню, ваша невеста, теофренийская принцесса, прибывает завтра утром? Подготовка к браку — слишком серьёзное дело, чтобы его игнорировать.

— Донья, неужели вы считаете, что я буду этим заниматься? — чуть неестественно рассмеялся Теодоро. — Мне принесли бумаги, я посмотрел на итоговую сумму и подписал. Всё остальное — не моя забота.

— Невеста — тоже не ваша забота? — елеинно поинтересовалась тётя. — Доверите её сеньору Бласкесу, пока вы будете заниматься с моей племянницей, которой, к слову, есть кому помочь?

Они замерли, гипнотизируя друг друга взглядами столь ярко, что почувствовала неловкость не только я, но и дон Густаво. Воздух между ними потяжелел и заискрился. Причём заискрился в буквальном смысле этого слова.

— Дон Густаво, — обратилась я к не занятому гипнозом дону, — а поясните мне, пожалуйста, почему поступление в университет — такой серьёзный проступок.

— Фани, — прошипела тётя, — мы это с тобой обсуждали. Не отвлекай дона из-за ерунды.

— Почему же из-за ерунды? — Дон Густаво сложил пухлые руки на груди, как будто показывая, что не собирается применять магию. — На самом деле, это очень серьёзный вопрос, почему Сиятельные рода не отправляют своих отпрысков к нам учиться. Если, конечно, они лояльны к нашей монархии.

Тёте намёк не понравился. Её ноздри затрепетали от едва сдерживаемого гнева, и она выдала:

— Дон Густаво, а не вы ли не так давно выступали за то, чтобы девушкам вообще блокировали магию?

Теодоро откинулся на спинку дивана. На лице его появился живейший интерес, подобного которому я не заметила при упоминании о невесте. Надо же, оказывается, монаршая рука не только обещана, но уже почти отдана. И это при том, что девушки в этой стране ничуть не уступают зарубежным. Уж одна точно. Нет, портрета принцессы я не видела, но всё равно была убеждена, что она должна мне уступать внешне. И внутренне.

— Я и сейчас на этом настаиваю, — неожиданно ответил дон Густаво. — Не только девушкам, но и юношам, которые не контролируют дар и не занимаются его развитием, магию следует блокировать во избежание несчастных случаев. Либо ты учишься и берёшь под контроль всё, что тебе дано, либо расстаёшься с ним. И это должно быть закреплено на государственном уровне.

Он повернулся к королю, тот кивнул с некоторой ленцой. То ли подтверждал, что услышал, то ли собирался воплотить идею дона в жизнь.

— У Эстефании всё было в порядке с контролем, пока она не попала в королевскую тюрьму, — обвиняюще сказала тётя.

— Донья, так то, что было, не значит, что будет, — мягко возразил дон Густаво. — не лучше ли...

— Вовсе нет, — высокомерно прервала его тётя. — Мы как-нибудь без вашего участия разберёмся с тем, что нам делать. Девушке из семьи Эрилейских не место в вашем притоне.

— Простите, донья. Как-как вы назвали учебное заведение под патронажем нашей монархии?

— Оно не только под патронажем нашей монархии, — ехидно заметила тётя, — но и под патронажем других Сиятельных донов. Как будто им мало домов специфической направленности, где такой интерес более уместен.

Похоже, выпускницы университета пользовались определённой репутацией. Или таковую создавали кумушки, подобные моей тёте?

— Как вы смеете, донья! — грозно вскричал дон Густаво. Усы у него при этом встопорщились, словно он собирался ими нападать. Выглядел он не грозно, но это не значит, что таковым не был: кого попало не назначили бы на столь ответственную должность.

— Мне кажется, донья, вы пытаетесь меня оскорбить, — скучающим тоном вклинился в их милую беседу Теодоро, остановив жестом не на шутку разозлившегося ректора. — У меня нет в университете других интересов, кроме как финансирования обучения специалистов.

Почему-то при этом он посмотрел на меня. Наверное, таким образом пытался намекнуть, что сейчас его интересы находятся в этой гостиной. Тётя это тоже отметила и недовольно нахмурилась.

— Извините, Ваше Величество. Я близко принимаю к сердцу судьбу своей племянницы. А репутация у вашего университета слишком специфическая для того, чтобы я разрешила Эстефании даже прогуляться на той улице.

— Не выдумывайте, донья, — окончательно вышел из себя дон Густаво. — Что за ерунду вы говорите?

— Скорее всего, донья Селия хочет воспользоваться потерей памяти племянницы и внушить той нужные мысли, — ехидно заметил Теодоро. — Эстефания, поверьте, в нашем университете ничего страшного не происходит и дон Густаво будет рад вас видеть под своим крылом.

— Разумеется, я беспокоюсь об Эстефании, — продолжила гнуть свою линию тётя. — Потому что при блоке наложение знаний ни к чему хорошему не приведёт.

— Вынужден с вами согласиться, донья Селия. — Дон Густаво уважительно наклонил голову. — Но это всё решаемо.

— Я с вами совершенно согласна дон, — расплылась в ядовитой улыбке тётя. — Это всё решаемо. Внутри семьи Эрилейских.

Теперь сверлили взглядами друг друга тётя и ректор университета. А Теодоро смотрел на меня. Я же, в свою очередь, притворялась, что мне необычайно интересно, кто победит в поединке. Победил дон Густаво. Тётя внезапно вспомнила, что она всего лишь слабая женщина, прикрыла глаза и замахала перед лицом веером с таким видом, словно вот-вот упадёт в обморок. Веер двигался медленно, практически медитативно, но тем не менее это действие сподвигло наших гостей на уход. Теодоро, не утруждая себя длинными прощаниями, коротко бросил: «Хорошего вам дня, доньи и дон Густаво» и исчез.

Дон Густаво решив, что без короля день в нашей гостиной точно хорошим не будет, распрощался, но куда более церемонно и витиевато, показывая хорошее воспитание и уважение к хозяевам дома.

После его ухода тётя сразу ожила и набросилась на меня:

— Фани, о чём ты думала, принимая двух мужчин даже без присутствия экономки?

— Мне кажется, то, что их двое, сохранит мою репутацию куда надёжней, чем если бы был кто-то один, — не удержалась я.

— Если бы, — проворчала она. — Если бы один из визитёров не был королём. Запомни: в следующий раз при тебе должна быть хотя бы Алисия. Хотя, конечно, следующий раз будет нескоро. Ты уезжаешь немедленно. Как только мне дадут знать, что в замке всё готово к твоему приезду, а экипаж отправлен к телепорту. Иди собираться.

Она повелительно махнула рукой, но я не сдвинулась с места.

— К чему такая спешка?

— Фани, завтра приезжает невеста Теодоро. Если он и дальше будет уделять тебе столько времени, это непременно до неё дойдёт, потому что ей он времени уделять будет ровно столько, сколько положено по протоколу, — с лёгким пренебрежением по отношению к приезжей принцессе пояснила тётя. — Случится ли что-то у вас с Теодоро или нет, для будущей королевы будет неважно. Ты станешь её первым врагом в Муриции. Первых врагов не забывают и давят до конца. — Тётя даже указательным и большим пальцами потёрла да скрипа, показывая, как меня расплющат. — В придворных интригах ты не сильна. Во всяком случае пока. Так что лучше отсидеться подальше. К тому же в фамильном замке король не сможет висеть у тебя под окнами. Да-да, я знаю, что он к тебе вчера приходил.

— А почему не сможет? — поинтересовалась я, чувствуя ужасное смущение.

— Потому что он умеет телепортироваться только на короткие расстояния, а пользоваться централизованным телепортом не станет. Сейчас мы тебя уберём от него подальше, а потом аккуратно сведём с королевой. — Тётя теперь не скрипела пальцами, а постукивала ими друг о друга, мечтательно щурясь в никуда.

— А с королевой зачем меня сводить? — опешила я. — Она что, предпочитает девочек в постели?

— Что за ужасы ты говоришь? — возмутилась тётя. — Ей нужны будут подруги, на которых можно опереться.

«И которым не жалко дать взаймы ненадолго мужа», — закончила я за тётю. Идея мне не нравилась со всех сторон. Но в одном моя родственница права; Теодоро слишком зачастил в этот дом, а я не знаю, что мне грозит, если он догадается о причине странностей. Поэтому идея переждать вдалеке очень неплоха. К тому же я смогу познакомиться с фамильяром и узнать, что он из себя представляет.

— Как скажете, тётя, — послушно согласилась я. — Тогда я иду собираться?

— Не бери с собой много одежды — там всего хватает.

— Эсперанса едет со мной?

— Разумеется. Она твоя личная горничная. Станный вопрос.

— Я не помню, принято это или нет. Вдруг у меня в каждом доме по личной горничной?

— Тогда это уже не личная горничная, — проворчал тётя.

— Вы едете со мной?

— Нет, у меня остались дела в Труадоне, к сожалению, безотлагательные. Но я постараюсь решить их быстро и присоединюсь к тебе, как только смогу. Не переживай, надоедать тебе там не будут.

Мне показался в её словах какой-то намёк, но пояснять она ничего не стала. Пришлось удовлетвориться ответом и отправиться к себе, где я обрадовала Эсперансу, что мы срочно уезжаем. Она захлопотала, спрашивая меня то про одно, то про другое платье, хочу ли я его с собой взять. Я же решила, что единственное, чего я хочу, — это взять с собой письма и дневник, над которыми поломаю голову в уединении герцогского замка, без постоянного присмотра родственницы. Положила я кокон с письмами в глубину сундука, Эсперанса прикрыла его платьями и бельём, добавила ещё каких-то жизненно важных мелочей и, убедившись, что уложила всё необходимое, убежала собирать свои вещи.

Я осмотрелась, но желания что-то взять с собой отсюда не появилось, ничто не затронуло в моей душе даже самой тоненькой струны. Было бы неплохо прихватить отсюда книгу про Келдийскую империю, которую я начала читать, но в замке наверняка есть своя библиотека, интересная книга найдётся. Но вот деньги... Я взяла и те,

что выручила за жемчуг (не возвращать же их королю?), и те, что нашлись в комнате, отложенные прежней хозяйкой на мелкие нужды.

Тётю в этот день я больше не увидела. За мной зашла экономка, выразившая сожаление о моём скором отъезде и надежду, что в родовом гнезде ко мне вернётся память. Провожала меня тоже она. Убедилась, что единственный чемодан, который я с собой беру, крепко привязан, что внутри кареты нет никаких недочётов, могущих помешать моему удобству, и только после этого оставила нас с Эсперансой в покое.

Колёса кареты мерно загрохотали по мостовой, и я вспомнила про инициативу горничной.

— Кстати, Эсперанса, удалось тебе узнать, куда ездила графиня Хаго?

— Если бы, — она вздохнула. — Кучер сказал, что она его остановила в центре и велела ждать, а сама ушла, и надолго. Под отводом глаз ушла, — подчеркнула Эсперанса. — Не хотела, чтобы даже кучер знал, куда она направляется. А пришла с пакетом. Видно его не было, но кучер почувствовал, когда помогал Её Сиятельству залезать в карету.

— И большой был пакет? — заинтересовалась я, хотя понятия не имела, зачем мне эта информация.

— Вот такой примерно. — Эсперанса с готовностью обрисовала руками объём.

— Похоже на толстую книгу.

— Или плоскую шкатулку. Кучер ещё говорил о неприятном запахе, но мог и приврать, потому что заметил мой интерес и хотел удержать.

«Магия так воняет?» «Его — да». Но гадать, встречалась ли тётя с Бласкесом, или получила пакет от кого-то с близкой придворному магу магией, можно было долго, чтобы в конце прийти к выводу, что кучер действительно мог приврать. За ним это водилось, как я внезапно вспомнила.

— Я его понимаю. Ты красивая.

— Скажете тоже, Ваша Светлость, — смутилась Эсперанса, — красивая. Да я по сравнению с вами...

Она расстроено вздохнула.

— Зря сомневаешься. Красота бывает разная. Уверена, найдётся не один человек, который посчитает тебя привлекательней меня.

Она заулыбалась, не столько польщённая, сколько уверенная, что я ей это говорю, чтобы успокоить. Продолжить разговор мы не успели, потому что приехали.

Телепортационная станция оказалась небольшим двухэтажным зданием. С лепниной вокруг окон и существами, похожими на горгулий, по углам. На этом украшения заканчивались, потому что перед входом не было даже клумбы: вокруг ровными рядами была уложена брусчатка.

Мы с Эсперансой важно прошествовали к входу. Лакей соскочил с запяток и с сундуком моим и небольшим саквояжем Эсперансы пристроился за нами. Я старалась не слишком вертеть головой, но обстановка была настолько помпезной, что подумалось, что и услуга будет неоправданно дорога. Конечно, это нужно было выяснить ещё у тёти, но мне просто в голову не пришло о таком спрашивать.

— Эсперанса, — зашептала я, — а сколько стоит переход? У меня может не хватить денег.

— Не переживайте, Ваша Светлость, — удивлённо ответила она, — у вас же абонемент. Донья Селия на год оплатила. Вы можете хоть каждый день перемещаться, денег с вас не возьмут.

— В Осеаль, Ваша Светлость? — спросил узнавший меня служащий.

— Да, — гордо ответила вместо меня Эсперанса. — Её Светлость возвращается домой.

Глава 15

Бойтесь своих желаний. Они имеют обыкновение сбываться и оказываются совсем не тем, чем казались до этого прекрасного момента. В детстве я мечтала пожить хоть ненадолго в настоящем замке, часами рассматривала фотографии и представляла, как я, такая красивая прогуливаюсь, по крепостной стене, а ветер развеивает ленту, которую я повяжу на копьё рыцарю, выбравшего меня прекрасной дамой.

К счастью, рыцаря с копьём не было, потому что я, со своим везеньем, могла бы вместо ленты нанизаться на остриё сама. Замок же, издавек казавшийся волшебным видением из сказки — белые стены, стрельчатые витражные окна, башенки в каменном кружеве, острые шпили с коваными флюгерами, вблизи поразил толщиной стен, на которых еле заметными змейками искрились голубые потоки магии. А внутри поразил совсем не сказочными особенностями: крошечной личной спальней и сыростью, которая пропитала весь замок сверху донизу так, что хоть отжимай, если вдруг понадобится затопить деревеньку внизу — зальёт доверху.

Деревенька у подножия горы, на которой стоял замок, отсюда казалась игрушечной. Но поскольку мы проезжали через неё, я могла с уверенностью сказать, что таковой не была. Да, домики были чистенькие и аккуратные, а церковь Двуетного утопала в цветах, но жители не расхаживали по улочкам, как это бывает при постановках, а трудились. Моё появление не осталось незамеченным, и те, кто попадался по дороге, склонялись в поклонах и осеняли знаком Двуетного нашу карету. В ответ я улыбалась в окно. Мне тоже улыбались — моему появлению явно были рады. Ещё бы: если Сиятельные благотворно влияют на подвластную территорию, то наверняка благо прямо пропорционально расстоянию до Сиятельного. Или в моём случае — Сиятельной. То есть чем ближе, тем лучше. Узнать бы ещё, что за благо даёт моим землям моя кровь.

Надежды на фамильяра не оправдались. В столичном особняке его не было, не появился и тут. Оставалась слабая надежда, что он где-то гуляет и непременно подойдёт позже. Мысль о том, что фамильяр

может не считать меня законной герцогиней, я откидывала, как нечто невозможное. По крови я герцогиня? Герцогиня. Значит, фамильяр должен меня признавать, а также помогать и объяснять, если он не хочет развеяться вместе со смертью последней представительницы рода.

Когда я осматривалась в крохотной спальне, существенно уступающей в комфорте столичной, рука сама собой прошла по стене, а губы прошептали: «алейра». Я даже не успела ничего понять, как в стене образовалась дыра. Приличная такая дыра, даже непонятно, как она скрывалась в межкомнатном пространстве. Внутри ничего не нашлось, но, судя по всему, Эстефания частенько использовала этот тайник, если тело открывало его на рефлексах. Находка была полезной. Я там спрятаться не смогла бы, а вот укрыть от посторонних глаз кокон с письмами — вполне. Сундук с моими вещами стоял пока неразобраным: доставили его одновременно со мной, но Эсперанса отправилась решать вопросы с моими удобствами. А именно: требовалось как минимум затопить камин в комнате, чтобы ушла промозглая сырость. И ведь лето же, но здесь атмосфера была как в подземном склепе: сыро, прохладно и мрачно. Я начинала чувствовать себя мумией, древней и дряхлой.

Сразу прятать письма в найденный тайник я не стала. Мало ли? Вдруг это не тайник, а мгновенный уничтожитель компромата? Толку от писем пока нет, но это не значит, что его не будет потом. Поэтому я сначала проверила, что случается с помещаемым внутрь предметом, отправив туда носовой платок, которого было бы не жалко лишиться, и проговорив «алейра» уже сознательно. Дыра затянулась, словно её и не было. Я опять прикоснулась и повторила заветное слово. Платок оставался на месте и не был никак повреждён, поэтому я засунула внутрь теперь уже письма с дневником, после чего отправилась изучать замок.

Его я не помнила совершенно, но решила положиться на память тела, только что столь хорошо себя показавшую. Слуг в замке я тоже не помнила. Если по столичному особняку в памяти оставались хотя бы имена, пусть не всех, то тут каждое лицо казалось новым.

Удивлённым не выглядел никто — значит, в моём поведении не было ничего странного. Все встреченные слуги склонялись в поклонах, я в ответ улыбалась так, что скулы начало сводить. Это

здорово отвлекало, поэтому очнулась я в подвальном помещении перед дверью, за которой оказался солидных размеров алхимический кабинет. Даже если бы я увлекалась химией в школе, делать мне там было нечего: странные названия на баночках и пакетиках ни с чем не ассоциировались. Как и названия справочников на полках. Но если я пришла сюда, значит, Эстефания всем этим пользовалась?

Дверь я прикрыла и, обдумывая, как ещё можно использовать обнаружившуюся возможность, стала подниматься. Задумчивость принесла плоды: я оказалась в библиотеке, огромном помещении, в котором точно ни на чём не сэкономили — от солидных стеллажей, выполненных из явно дорогих сортов дерева и украшенных резьбой, до поддержания оптимальных условий внутри помещения. Никакой сырости, никаких посторонних запахов. В прежней жизни я бы решила, что тут стоит дорогой кондиционер, сейчас грешила на артефакт.

— Добрый день, Ваша Светлость, — склонился в поклоне не замеченный мной библиотекарь. — Чего изволите?

— Добрый день, — обрадовалась я предложению. — Я хотела бы просмотреть те же книги, что и в последний раз.

Библиотекарь растворился между полок, а я прошла дальше, оглядываясь в поисках рабочего места. Нашлось оно сразу же: небольшой стол в укромном уголке с удобным креслом, в которое я тут же опустилась, чувствуя, что оно принимает меня, как родную. Моё место: я точно здесь сидела, и не единожды.

Вынырнувший из ниоткуда библиотекарь сгрузил передо мной высоченную стопку книг с зубодробительными названиями. Да, Эстефания точно не была ленивой и ничего не знающей. Жаль, что от неё мне досталось слишком мало.

— Что-то ещё, Ваша Светлость?

— Да. Я хочу освежить в памяти хроники своего рода.

Он кивнул и опять исчез: местная библиотечная магия, не иначе. А я тихо сказала:

— Эй, фамильяр, имей совесть. Если не хочешь, чтобы род Эрилейских прекратился, ты мне должен помочь.

Ответом мне стала тишина. Если фамильяр меня услышал, то совести у него явно не доставало. Понятно, фамильярами меня тоже обделили...

В ожидании библиотекаря я придвинула к себе верхний том, раскрыла и попыталась почитать. На мой взгляд, попытка была аналогична тому, как если бы не знающий даже алфавита, полез бы в философские труды. Нет, алфавит я как раз знала и даже могла прочитать, что написано в книге. Другое дело, что ни во что понятное текст не складывался. Для начала мне нужна была какая-нибудь азбука для юных магов...

Злило, что в голове эти знания точно были. Проблема в том, что их нужно было как-то достать. Идей не было.

Библиотекарь принёс толстенный том, на котором красивыми золотыми буквами было выведено «Хроники герцогства Эрилейского». Судя по всему, эти хроники являлись общедоступными, потому что там была указана дата обретения Сиятельности, она же дата получения фамильяра, но никаких подробностей, даже самых незначительных, не было. Просто факт. И дальше тоже шли просто факты, безо всякой эмоциональной окраски. Надо признать, что герцоги никогда спокойно не жили: пару раз их уже чуть было не извели под корень. Но от единственной веточки начиналась новая поросль, и новые герцоги Эрилейские начинали интриговать, заключать и разрывать союзы и даже воевать. В результате военных действий герцогство прирастало землями, за изменением карт, которые периодически появлялись в «Хрониках» было очень интересно следить. Как и за ростом родословного дерева, которое тоже многократно дублировалось, обрастая новыми ветвями и обзаводясь новыми связями. Последней был как раз брак нынешней графини Хаго. Бездетный брак, на что указывал последний рисунок.

— И что ты там хочешь найти? — разбил библиотечную тишину смутно знакомый голос.

Подняв голову, я обнаружила перед столом полупрозрачную себя. Себя прошлую — Екатерину Мельникову.

— Ответы на вопросы, которые не дала ты.

Ответ я прошептала. А то вдруг библиотекарь решит, что хозяйка тронулась умом и разговаривает сама с собой? Если меня *там* видела только одна персона, то логично предположить, что и *тут* будет так же.

— Можешь не проговаривать вслух то, что хочешь мне сказать, а просто направленно думать.

Направленно думать? Это как? Спросить я не успела, потому что Екатерина усмехнулась и ответила:

— Да-да, именно так.

Было странно видеть своё лицо и чувствовать его не просто не своим — чужим. За прошедшие несколько дней я уже привыкла к другому отражению. Или всё дело в том, что худоба пока никуда не делась и я выглядела не так, как до аварии? Впервые появилась возможность посмотреть на себя со стороны, и я ей пользовалась, критически изучая собственное лицо, возможно, не такое красивое, как нынешнее, но куда более живое.

— Сегодня притянуло меня к тебе. Между нами почему-то сохранилась связь. Возможно, потому что договор нарушен. Мы договаривались на определённые условия: меняемся телами и тебя казнят. Конечно, не моя вина, что с тобой всё пошло не так, но нарушение договора идёт с моей стороны. Поверь, мне жаль, что так получилось.

— Вот уж чего мне совершенно не жаль. По этому пункту я не в претензии. А вот по поводу своей-твоей памяти — очень даже. Ты моей пользуешься в полном объёме. А я к твоей не имею доступа.

Она прикусила губу жестом, совершенно не характерном для меня прошлой. Впрочем, и выглядела она непохоже на меня прежнюю. Для изменения привычек кома — хорошее объяснение. Жаль, у меня такого нет. Увы не довелось мне поваляться хотя бы пару дней без сознания перед казнью.

— Поверь, тебе моя память не нужна, — наконец ответил она. — Всё, что могу посоветовать, — наслаждаться жизнью. Её осталось не так много.

— Меня больше не собираются казнить, — напомнила я.

— Поверь, в твоей нынешней ситуации казнь через отрубание головы — благо. Я бы даже тебе посоветовала опять под неё подставиться, — неожиданно ответила она.

Эти постоянные намёки уже не злили — бесили до зубовного скрежета. Хотелось определённости. Самой плохой, но определённости.

— Ты можешь сказать прямо, что мне грозит?

— Не могу. Клятва. Ты, кстати, под неё тоже попадёшь, если вдруг узнаешь.

— Связано с твоим родом?

— С твоим, Эстефания, с твоим, — неожиданно ответила она. — Я, Екатерина Мельникова, не имею никакого отношения к герцогам Эрилейским. Не представляешь, как меня это радует. И вообще, как меня радует новая жизнь. Я заплатила за неё несколькими годами, но оно того стоило. Не хочу быть неблагодарной. Что я могу для тебя сделать?

— Разблокируй память. Лучше знать, что мне грозит, чем пугаться неизвестности.

— При всём желании не смогу, — ответила она. — Если бы я была физическим телом рядом, возможно, и получилось бы, но именно что возможно. Блок завязан на ауре, понимаешь?

— С трудом, если честно. Там, где ты сейчас, считается, что магии нет. Зачем ты вообще накладывала этот блок?

— А зачем человеку, которому осталось жить несколько часов, неприглядные тайны Эрилейских?

— Затем, что это теперь мои тайны... Катя. Я как слепой котёнок: ничего не понимаю, тыкаюсь куда попало. — Я показала на стопку книг перед собой. — Вот это было понятно тебе, но для меня — китайская грамота. Помоги хоть с этим, если уж ничего объяснить не можешь. Графиня Хаго утверждает, что при наложении разных знаний я пострадаю, если блок слетит.

При упоминании тёти Катя чуть поморщилась и сказала:

— Не стоит выполнять все её указания. Ты можешь повторно проходить те же этапы, тогда при наложении знания просто сольются. Начни знаешь откуда... — Она поманила меня пальцем и поплыла мимо стеллажей, остановившись в дальнем углу, где на полках стояли потрёпанные томики, которыми часто пользовались. — Здесь учебники для самых начальных степеней, написанные... твоими предками. Всё должно быть понятно. Видишь, пронумерованные тома? Их нужно читать в той же последовательности. Там будут ссылки на другие, которые тоже тут.

— А университет? Он что-то даст или тётя права и мне туда даже соваться не стоит?

— Попробуй поступить, — неожиданно ответила она. — Проблему это не решит, но отсрочит.

Эти слова словно закрыли её обязательства передо мной, потому что она внезапно начала удаляться, причём было заметно, что делала она это не по своей воле. Единственное, что она успела крикнуть на прощание:

— Осторожно с подарками...

Голос был уже едва различим, как и сама Катя. Вскоре она исчезла. Окончательно или нет, сказать мог только Двуетинный. А ведь я не выяснила ещё кучу всего. В частности, вопрос, куда пропал фамильяр, так и остался подвешенным. Вряд ли на него ответит Эсперанса, которая как раз вывернула из-за стеллажа.

— Ваша Светлость, пришёл пакет от графа Нагейта.

— Уже? — неприятно удивилась я. — Тётя сказала, что меня тут беспокоить не будут.

— Это разве беспокойство? — удивилась она. — Это подарок.

Глава 16

Признаться, когда впервые вытащила книгу со стеллажа, указанного моей предшественницей, я была полна пессимизма: понимала, что времени мало и что вложить за него весь тот объём, что Эстефания учила с детства, невозможно. Действительность же оказалась куда милосердней: я словно вспоминала, пробегаясь глазами по прочитанному, и к концу первого дня уже уверенно составляла простенькие заклинания, причём не из тех, что мне были оставлены при переходе. Те-то у меня с рук слетали как родные. Правда, должна признать, что оставили один хлам, с которым ничего приличного не сделаешь. Но зато сейчас я семимильными шагами двигалась к тому, чтобы стать великим магом современности.

Хвастаться этим было некому: магов в моём окружении не наблюдалось. Тётя задерживалась в столице до самой королевской свадьбы, о чём прислала сообщение. Задержка меня порадовала, а вот её причина — напротив. Почему-то мне постоянно казалось, что этой свадьбе непременно что-то должно помешать. То, что я больше не встречалась с королём, почему-то сделало его для меня куда привлекательней, чем когда он был рядом, и я никак не могла избавиться от странных и глупых в моём положении мыслей.

Ведь думать надо было совсем о другом. Катя не просто так выражала своё сожаление. Я не только повторяла магию, но и изучала все документы, касающиеся Эрилейских, чтобы понять, откуда нужно ждать удара. Всё-таки некоторые особы могли бы быть и поконкретнее...

Я как раз ставила на полочку очередной томик, посвящённый великим деяниям теперь уже моего предка, как ко мне заглянула Эсперанса, донельзя озабоченная.

— Ваша Светлость, к вам посетитель.

Я так удивилась, что у меня чуть книга из рук не выпала. Тётя утверждала, а Эсперанса подтвердила, что меня беспокоить тут не будут, пока я одна, без старшей родственницы. Максимум — письмами завалят, на часть которых нужно будет дать вежливый ответ. Пока меня заваливал письмами только граф Нагейт, которого я игнорировала и

отправляла присылаемые им подарки. В первом письме, которое я всё-таки из интереса распечатала и прочитала, он сообщил, что Теодоро снял жёсткое требование о браке, но не будет возражать, если граф получит моё согласие лично. Не знаю, кто меня больше разозлил — граф, которому давно дали понять, что он нежеланен в нашем доме, или король, который решил распорядиться моей рукой — но досталось графу. Я написала ему холодный ответ, в котором понадеялась, что наши дороги больше никогда не пересекутся. К письму я приложила нераспакованный подарок, а следующие уже возвращала с нераспечатанными письмами. Мне было совершенно всё равно, что там пишет граф. Хватило изучения первого послания, чтобы понять: ничего интересного или полезного там не будет. Compliments себя я и сама могу перед зеркалом говорить.

— Графа Нагейта мы не принимаем, Эсперанса, — напомнила я. — И вообще никого из мужчин не принимаем, пока тётушка не вернётся.

— Это не граф. Точнее, граф, но не Нагейт, а Дарок, — затараторила она. — У него к вам королевское послание.

Сердце забилося так, что я не сразу вспомнила, что граф Дарок — это Диего, у которого его Величество экспроприировал мой жемчуг. Но когда вспомнила, воздух передо мной заискрился.

— Ваша Светлость, успокойтесь, — испугалась Эсперанса. — Это библиотека. Конечно, самое ценное зачаровано, но гореть всё равно есть чему. Жгите лучше сразу гостя.

— А можно? — я удивилась настолько, что даже почти успокоилась.

— Обычно нет. Но граф Дарок маг, да ещё из армейских. Должен уметь противостоять нападению, — с долей сомнения ответила Эсперанса. — Так-то, Ваше Сиятельство, никого жечь не стоит. Это будет нарушением гостеприимства.

— Я его в гости не приглашала.

Я хищно потёрла руки, предвкушая, как что-то из «вспомненного» использую на наглom визитёре.

— Он не в гости пришёл, а как посыльный, Ваша Светлость, — напомнила Эсперанса. — Нападать на него будет, с любой стороны, плохо.

— А откуда ты его знаешь? — спохватилась я. — Разве он раньше наносил визиты нам с тётушкой?

— Нет, Ваша Светлость, в круг вашего общения он не входил. Но его перевели в университет после грандиозного скандала.

— Какого? — подалась я к ней.

— Неприличного. — Эсперанса зарделась. — Донья Селия меня со свету сживёт, если я вам расскажу.

— Тоже мне секрет Полишинеля, — фыркнула я. — Наверное, соблазнил какую-то неподходящую даму.

— А дон Полишинель — это кто? — задумчиво уточнила Эсперанса, заставив зардеться теперь уже меня. — Я не помню такого семейства.

— Понятия не имею, кто это. И вообще, меня в гостиной ждёт королевский вестник, а мы тут с тобой о каких-то посторонних донях болтаем. Скажи, прилично, если при разговоре будешь присутствовать ты, или нужна экономка?

Эсперанса отвлеклась от непонятного дона и перешла к более насущной проблеме: соблюдению приличий при встрече герцогини с посторонним мужчиной. После долгих раздумий она решила, что не подходит для такой роли.

В гостиную я вошла в сопровождении экономки, Росы Лидии Риос, старшей сестры экономки столичного особняка. Даже если бы я не знала, что они родственницы, сразу бы заподозрила: старшая и младшая словно вышли из-под одного и того же пресса с разницей в несколько лет. Сейчас сеньора Роса заметно робела: наверное, не приходилось ей раньше выполнять роль дуэньи при незамужней юной герцогине.

— Дон Диго, — чинно поклонилась я.

— Полноте, Эстефания, к чему эти церемонии. Разве мы с вами не друзья?

В руках самопровозглашённый друг держал конверт с королевским вензелем, который сразу привлек моё внимание куда больше, чем гость. Но подходить и отнимать письмо, пусть и предназначенное мне? Нет, я лучше немного подожду, и Диго вручит послание сам. Вообще почему-то казалось, что не стоит проявлять заинтересованности в известиях от Теодоро.

— Друзья, дон Диего? Вы воспользовались тем, что я была после казни не в себе.

— После казни все не в себе, — елейно ответил он и осенил себя знаком Двуетидного. — Кто отправляется туда, к нандам, — он манерно указал на небо, — кто туда, к ксуорсам. — Он тыкнул пальцем себе под ноги, словно не единожды топтал местное подобие демонов. — Но вы-то, Эстефания, выглядите вполне живой и целой, значит, речи о казни не идёт.

— Вы прекрасно поняли, о чём я, — разозлилась я. — Что вы собирались делать с моим жемчугом?

— Не допустить, чтобы им кто-то воспользовался, — на голубом глазу ответил этот весьма находчивый тип. — Эстефания, вам не кажется, что разговаривать стоя несколько негостеприимно?

Он широко улыбался и не выглядел виноватым ни на самую чуточку. С другой стороны, сделать он ничего не успел, а если пакость не получилась — то её, считай, и не было.

В чём-то он был прав: у стоящего человека куда больше возможностей для манёвра, поэтому я не стала говорить, что планировала не слишком затягивать приём гостей, а просто села, знаком велев экономке последовать моему примеру. Получилось величаво, и не подумаешь, что я в герцогинях без году неделя. Впрочем, при мне оставалась память тела, иной раз выручавшая куда лучше природной смекалки.

— Почему же вы не предупредили меня об опасности, дон Диего?

— Эстефания, дорогая, — фамильярно протянул он, не переставая улыбаться чуть шире, чем позволяли приличия. Возможно, конечно, что он показывал радость от встречи со мной, но мне почему-то казалось, что так вылезает внутренняя хищная сущность, — не поверю, что в вашем возрасте вы не знаете элементарных вещей. Эрилейские никогда не пренебрегали образованием детей. Поэтому я решил, что либо вы провели нужный ритуал над жемчугом, либо деньги для вас сейчас важнее безопасности. Деньги от меня вы бы не взяли, пришлось помогать вам несколько причудливым способом.

— После пребывания в казематах у меня пропала часть памяти, в том числе касающейся магии. Я просто не знала об опасности.

Диего приподнял хорошо очерченные угольно-чёрные брови.

— Мне-то откуда это было знать, Эстефания? Но я сделал всё, чтобы ваш жемчуг не попал в чужие руки.

Почему-то подумалось, что Эстефания специально выбрала именно это платье. Возможно, на нём было что-то ещё, тогда мне недоступное. Что-то делающее смерть не напрасной. А ведь Эстефания была готова и к смерти в случае, если ничего с обменом не получится... Усилием воли я заставила себя сконцентрироваться на разговоре.

— Передав жемчуг Его Величеству? — ехидно уточнила я.

— Я собирался вернуть вам, но не успел. Сначала вы сбежали, а потом жемчуг у меня отобрали. Лично Его Величество и отобрал. Кстати, меня удивляет, что вы до сих пор не поинтересовались письмом...

— А что там может быть хорошего, дон Диего? — вздохнула я. — Всё, связанное с Его Величеством, приносит мне одни неприятности.

— Поосторожнее со словами, Эстефания, Его Величество не может приносить неприятности.

— Ах да, на плахе меня ждали приятности. Жаль, что не дождались. Или нет. Не жаль, что такое красивое платье не залилось кровью. — Я нахмурилась и спросила: — А его вы, часом, тоже не отобрали?

— Хотел, — ничуть не смутился Диего. — Но хозяйка лавки не отдала. Заявила, что уже перепродала. Соврала, конечно. Но вернёмся к письму. Уверен, что его содержимое вас порадует.

— То есть вы его содержимое знаете? — подозрительно спросила я.

— Разумеется, — он опять засиял улыбкой. — Можно сказать, я одно из доверенных лиц Его Величество Теодоро.

— И в чём же он вам так доверяет?

Я бы этому скалящемуся типу не доверила бы ничего серьёзнее поставки девочек к королевскому ложу. И тут... Страшное подозрение закралось в мою душу: не это ли предложение содержит письмо? Хотя нет, не идиот же Теодоро доверять такое бумаге? Наверняка главное передаст устно через «доверенное лицо». Не зря же оно выглядит, как кот, от пуза нажравшийся сметаны. Оба — и Теодоро, и Диего — упали в моих глазах ниже некуда.

— Прочитаете и узнаете, Эстефания, — ответил Диего, подошёл и протянул письмо.

Захотелось взять и треснуть этим письмом по наглой улыбающейся роже. Но я же герцогиня, должна уметь держать себя в руках. Усилием я потушила заискривший воздух и даже улыбнуться смогла. Вежливо, но так холодно, что Диего словно отбросило на другой конец гостиной, где и приморозило к подвернувшемуся стулу. Улыбка его тоже стала выглядеть примёрзшей.

Письмо я всё-таки открыла и даже прочитала. После чего порадовалась, что свои подозрения оставила при себе, ибо выглядела бы сейчас на редкость глупо. Письмо было составлено на редкость официально, сухими канцелярскими фразами мне предлагалось поступить в университете не на общих основаниях, а без принятия клятвы, которая так нервировала мою тётю. Правда, на таких условиях я могла обучаться только первые два курса. Теодоро выражал уверенность, что за это время дон Наваретте, ректор университета, решит проблемы с моей памятью, причём я буду находиться под постоянным его присмотром. А я решу, хочу ли продолжать обучение дальше и принимать ли клятву. В конце была приписка, что памятуя резкое отрицательное отношение графини Хаго к университетам и возможность блокировки ею моих счетов, в случае моего согласия Теодоро назначит мне именную стипендию на время обучения.

Читала я так, чтобы экономка не видела. Поначалу я не хотела, чтобы та узнала компрометирующие меня сведения, но теперь предосторожность тоже не казалась лишней: не донесёт тёте. То, что после визита Диего к моей родственнице отправится письмо, и не одно, я не сомневалась. Захотелось выставить свидетельницу из гостиной и выяснить подробности, но возможности не было, пришлось говорить так, чтобы присутствующая дуэнья не поняла.

— Очень лестное предложение, дон Диего, — я наконец облекла свои размышления в слова. — Но почему Его Величество именно меня хочет видеть среди фрейлин королевы?

Письмо я сложила и убрала в конверт, после чего мило улыбнулась Диего. Если он и был удивлён моими словами, то показал это лишь ещё сильнее засиявшей улыбкой.

— У Его Величества есть на то причины, Эстефания. Но о них я не могу говорить при посторонних. Быть может, мы поменяемся с

вашей дуэньей местами, я поставлю защиту от прослушивания и поясню то, чего нельзя было доверить бумаге?

— Роса, прошу вас, — я кивнула экономке, показывая, что согласна на предложение Диего. — Думаю, приличия будут соблюдены: мы не останемся с доном наедине.

Она засуетилась, торопясь выполнить мою просьбу, и чуть не сбила стул, который удержал подскочивший Диего. Не успела она отойти, как дон сел рядом и поставил защиту.

— Я так понимаю, вы согласны?

— Предложение заманчивое, — подтвердила я. — Но труднореализуемое. Я лицо зависимое.

— Зависимое? После того как своими глазами наблюдал за тем, как вы спускаетесь из окна на самодельной верёвке, в жизни этому не поверю. — Он расхохотался, наверняка припомнив эпичное зрелище.

— К сожалению, здесь придётся слишком долго спускаться, — не приняла я его шуточного тона. — Кроме того, у меня в комнате не найдётся достаточного количества штор и простыней.

— Веская причина.

Он опять рассмеялся, глядя на меня влюблёнными глазами: представлял, наверное, как я спускаюсь по стене замка прямо ему в руки.

— Заклинания я почти все забыла, — продолжила я, не упоминая, что восстанавливаю их со скоростью, достаточно для того, чтобы через пару недель «вспомнить» всё, что знала Эстефания. — Поэтому тоже не смогу использовать.

— Если принципиальное согласие получено, остальное — мелочи, которые с лёгкостью разрешит Его Величество.

— Телепортирует меня прямо в университет? — усмехнулась я.

— Почему нет? — неожиданно ответил Диего. — Я с ним обсужу этот вопрос и вернусь поближе к началу занятий. — Он развеял защиту и сказал: — Мне жаль, донья, что мы не договорились.

— Некоторые вещи для меня неприемлемы, — холодно сказала я и встала, заставив подскочить не только гостя, но и экономку. — Я вас больше не задерживаю, дон Диего. Письмо тоже заберите.

Я протянула ему конверт, он же взял мою руку и прижался к ней долгим поцелуем. Я сразу вспомнила, что он — один из преподавателей университета, и занятия там показались куда менее

привлекательными, чем в начале нашей беседы. Руку я вырвала и вышла и гостиней, не прощаясь.

Глава 17

После визита Диего у меня появилась уверенность, что тётушку долго ждать не придётся: ровно до того момента, как она прочитает письма, отправленные местными шпионами, и воспользуется телепортом. И не факт, что она сообщит о своём прибытии, а не воспользуется транспортом в городе. Во всяком случае я бы сделала именно так, если бы хотела застать врасплох.

Это значит, что у меня в распоряжении от силы 1-2 дня, потому что показывать графине Хаго, что я что-то умею, казалось не самой лучшей идеей. На случай если ей докладывает библиотекарь, на столе я держала первый том по основам магии с закладкой на десятой странице и красочную книгу «Занимательная алхимия» с описанием простеньких опытов для детей. Самое обидное, что заниматься приходилось только в библиотеке: вынести оттуда что-то было невозможно — просто на пороге я словно утыкалась в невидимую преграду и дальше пройти не могла. Подозреваю, не будь я под тётушкиной опекой, защита замка позволила бы проносить что угодно, но пока даже рецепты зелья, которое я собиралась приготовить, я выписывала на листочки. Правда, сразу после того, как я получала готовое зелье, его рецепт словно вставал на место в голове и в повторении не нуждался. Работа с алхимическими ингредиентами была непривычна мне, но не Эстефании: руки делали всё сами, стоило чуть перестать на них концентрироваться.

Я почти закончила с учебниками из указанного Катей стеллажа, когда внезапно сообразила: она-то точно не ограничивалась этой подборкой, наверняка было что-то ещё, где и обнаружилось нечто, сильно испугавшее мою предшественницу. А значит, это нужно найти и мне, чтобы представлять, с чем бороться. Осознав это, я сразу направилась к библиотекарю:

— Никак не могу вспомнить название одной книги, — я ему мило заулыбалась, надеясь, что это выглядит достаточно дружелюбно. — Уверена, что брала её в последние пару месяцев. Может, больше. Вы мне не поможете?

— Разумеется, Ваше Сиятельство. — Он суетливо задёргал ящик конторки, который то ли разошёлся, то ли просто не хотел открываться, и вытащил оттуда толстый гроссбух, в котором по дням было расписано всё, что брала моя предшественница.

Улыбка увяла сама собой: очень уж много Эстефания изучала в последние месяцы. Более того, большинство названий выглядело слишком сложно для меня, что значит, что опережала она меня по знаниям очень сильно. Хотя...

— Я бы хотела пересмотреть вот эти...

Я указала изящным пальчиком с аккуратным ногтем, покрытым розовым лаком, на «История возникновения университета в Муриции в сравнение с таковыми в близлежащих странах», «Фамильяры. Выбор, привязка, утеря» и «Редкие зелья моденских магов».

Библиотекарь поводит глазами за движением моего пальца, потом с тяжёлым вздохом ответил:

— Мне очень жаль, Ваша Светлость, но Её Сиятельство запретили мне вам выдавать первые две книги.

Внешне я оставалась спокойной, но внутри... внутри я сейчас напоминала собаку в охотничьей стойке. Значит, верным путём иду. Значит, именно в этих книгах было что-то, напугавшее Эстефанию до утраты желания оставаться Сиятельной доньей. Не зря мне казалось подозрительным отсутствие фамильяра. Наверняка он был утерян не просто так.

— А если мы ей не расскажем?

Я жалобно округлила глаза и рот. Но моя гримаса на библиотекаря не впечатления не произвела. Он отрицательно покрутил головой и ответил:

— Мне очень жаль, Ваша Светлость, но нет.

— А вы не забыли, любезнейший, — подпустила я в голос металла, — что через несколько лет вы будете зависеть исключительно от меня, а не от моей тёти?

— Ваша Светлость, — умоляюще сказал он, — я под клятвой, поэтому никак не могу послушаться Её Сиятельства. Неужели вы забыли? Даже если вы меня испепелите прямо здесь и сейчас, ничего не изменится.

Мне стало немного стыдно, но не настолько, чтобы сразу сдаваться.

— Но «Зелья» же под запрет не попадают?

Сама не знаю, почему я решила взять эту книгу. И сначала, когда взгляд на ней задержался, и потом, когда выяснилось, что её мне брать разрешили, поскольку там ничего опасного для тётушки нет. Возможно, потому что у неё было самое понятное название из всего списка?

— Не попадают, Ваша Светлость, подтвердил он. — Сейчас принесу.

Отсутствовал он недолго и принёс... книгой это назвать у меня язык бы не повернулся: тоненький блокнотик с пожелтевшими страницами, исписанными от руки. Одна радость — чернила ничуть не потускнели со временем, всё так же чётко выделяясь на фоне бумаги.

— А вы уверены, что я брала именно это? — с сомнением уточнила я, раскрывая блокнотик.

— Совершенно, Ваша Светлость, — ответил он. — Вы передумали?

Он даже руку протянул, но я захлопнула блокнотик и прижала к груди. Надо посмотреть, пока и это не запретили.

— Не надейтесь, — бросила я и быстро ушла к своему столу.

Просматривала я зелья без особой надежды найти что-то интересное, слишком специфическими они были, даже странно, что Эстефания ими интересовалась. А то, что интересовалась, стало понятно сразу, как только я начала читать, потому что описания и состав зелий стали словно просачиваться из-под блока. И я даже могла сказать, что именно заинтересовало Эстефанию, потому что на описании зелья по маскировке Сиятельного под обычного человека перед глазами появилась картинка, как я его готовлю. В принципе, рецепт был несложный, я должна справиться даже с моими нынешними ущербными навыками, которые тоже словно восстанавливались, но недостаточно быстро. Для того чтобы из Сиятельного превратиться в обычного человека, требовалось всего лишь принимать одну каплю зелья в сутки. Менялась внешность и аура, то есть найти человека, пока он принимает зелье, становилось практически нереально.

И вот тут-то я задумалась. Так ли нужно мне это герцогство? Я не чувствовала себя за него ответственной. Если уж сбежала та, кого готовили на эту роль почти с детства, то почему бы мне не последовать

её примеру? В конце концов, если уж так важно моё появление в герцогстве, можно пару раз в год приезжать для его процветания, с меня не убудет.

Название книг, которые библиотекарь отказался выдавать, я запомнила, и если про фамильяров может не быть в открытом доступе, то про университеты наверняка можно найти в городской библиотеке. Если не конкретно эту, то подобную, а там и узнать, чем отличаются условия. Возможно, в другом государстве нет необходимости давать клятву, которой так страшится моя тётя? А со специальностью, которая тут наверняка востребована, я всегда смогу заработать себе на хлеб. Главное — продержаться как-то до этой возможности.

Размышляя над этим, я отнесла библиотекарю блокнотик и с тяжёлым вздохом сказала:

— Нет, это совсем не то, что мне нужно. Могу я ещё раз взглянуть на список книг, которые брала.

— Разумеется, Ваша Светлость.

Гроссбух опять был водружён перед моими светлыми очами, и я принялась водить глазами по строчкам, пытаюсь запомнить названия. Зачем я это делала, понятия не имею. Вряд ли от запомненного названия в моей голове появятся знания из книги, пусть мне временами казалось, что я очень близка к прорыву блока.

— Ваша Светлость, — тронула меня за локоть Эсперанса.

— Да? — Я захлопнула гроссбух, с сожалением подвинула его к библиотекарю и повернулась к горничной. — Что-то случилось?

— Случилось. — Она завращала глазами, показывая, что не хочет говорить при посторонних.

Я решила, что на сегодня с меня библиотеки хватит: голова уже гудела, ей требовался отдых, во время которого можно заняться зельем. Срочно заняться, потому что удирать надо сейчас, пока графини нет, с её появлением это будет сделать куда сложнее.

— Сегодня я больше тут не появлюсь, — сообщила я библиотекарю, — Если у вас есть необходимость в свободном времени, вы можете использовать всё послеобеденное.

— Благодарю вас Ваша Светлость, — он поклонился. — Но у меня запирающий артефакт, с которым я не имею права расставаться. И если вдруг вы...

— Я же сказала, что сегодня больше не появлюсь, — повторила я и улыбнулась, чтобы мои слова не казались такими противными, какими они слышались мне самой. — Можете распоряжаться своим временем по собственному усмотрению. Или отдать такое распоряжение я тоже не имею права?

— Имеете, Ваша Светлость.

Он опять поклонился. Я кивнула, обозначая прощание, и гордо прошествовала на выход. Эсперанса тихо шла рядом со мной, но было видно, как её распирало желание что-то рассказать. Прорвало горничную, лишь только мы покинули библиотеку.

— Дон де Монтейо очень хочет с вами встретиться, — выпалила она, сильно приглушив голос, чтобы больше ни до кого не донеслось её возмутительное известие.

— И ради этого ты меня беспокоила? Мало ли кто хочет встречаться со мной. Главное — что я не хочу встречаться с ними. О доне де Монтейо я не желаю больше никогда ничего слышать.

Я даже шаг ускорила, показывая, как мне неприятна эта тема, или торопясь в алхимическую лабораторию — одно другому не противоречит. Эсперанса на месте не осталась, рванула за мной.

— Он сказал, что готов вернуть вам письма.

Я застыла на месте. А вот это уже было интересно. Фраза из письма Эмилио в ответ на моё письмо сильно тревожила. За возможность узнать, что это за опасный ритуал, я, пожалуй, согласилась бы встретиться с навязчивым поклонником.

— Где он?

— В деревне, Ваша Светлость, ждёт вас в церкви, — с готовностью сообщила Эсперанса.

Я чуть было не хихикнула, сразу представив, с какими намерениями он может там меня ждать, и лишь потом сообразила, что это действительно было одно из самых безопасных мест для встречи: не пострадает ни моя репутация, ни я сама.

— Под каким предлогом я могу туда съездить? — спросила я, уверенная, что ответ уже готов.

— Отвезти цветы в церковь, — сразу предложила Эсперанса. — Нести цветы Двуетиному не возбраняется никому и никогда. Перед его ликом всегда много цветов, вы же знаете.

Я кивнула, принимая к сведению. Осталось распорядиться нарезать в корзину роз и заложить экипаж. «Не так-то плохо быть герцогиней», — подумала я, обнаружив, с какой скоростью выполнены мои приказы, ибо не прошло и двадцати минут, а мы уже ехали по дороге из замка в деревню, которая оказалась столь коротка, что я даже примерный план разговора не составила.

В церкви никого не было, хотя двери стояли распахнутые настежь. Мы с Эсперансой свободно вошли и возложили цветы к изваянию. И только после этого из тени колонны вышел Эмилио.

— Эстефания, мне очень жаль, что наша последняя встреча завершилась таким некрасивым образом, — зашептал он, попытавшись взять меня за руку.

Я ловко увернулась и холодно бросила:

— Последняя наша встреча произвела на меня столь отталкивающее впечатление, дон де Монтейо, что я ни за что не согласилась бы встретиться с вами сегодня, если бы не известие о том, что вы готовы вернуть мои письма.

— Ты так жестока ко мне, Эстефания.

Он вздохнул столь страдальчески, что я бы непременно поверила в его переживания, если бы не помнила искажённое яростью лицо и намёк на шантаж. Нет, дон сейчас вёл какую-то свою игру. Но я в его игры не играю.

— Дон де Монтейо, если ваше предложение оказалось недостойной шуткой, то я не буду больше тратить своё драгоценное время на никому не нужный разговор.

Я сделала несколько шагов, огибая его по дуге.

— Я верну тебе твои письма, Эстефания, — бросил он. — Но и ты тогда верни мои. Жду тебя сегодня в полночь перед закрытым храмом.

Я аж пришла в замешательство от такой наглости.

— А с чего вы взяли, дон де Монтейо, что я побегу ночью к вам на свидание? Давайте уж решим этот вопрос здесь и сейчас. Я заберу из замка ваши письма, вы принесёте мои, и через полчаса мы расстанемся, довольные друг другом. И больше никогда не увидимся, ко всеобщей радости.

— А клятва, Эстефания? — вкрадчиво спросил он. — Вернуть обоюдную клятву можно только ночью перед храмом Двуетного. Или ты собралась хранить мне верность, несмотря ни на что? Я буду ждать

тебя только сегодня. Не придёшь — посчитаю, что ты сделала выбор в мою пользу. Помни, я люблю тебя, Эстефания.

С этими словами он опять растворился в тени.

— Эсперанса, неужели я давала ему какую-то клятву? — повернулась я к горничной, которая с восторгом пялилась в то место, где исчез Эмилио.

— Конечно, Ваша Светлость, а как иначе? — ответила она и неохотно отвлеклась от разглядывания колонны, у которой точно никого больше не было. — У вас же настоящая любовь... была.

— Но встречаться с ним ночью?..

Письма хотелось вернуть очень, а ещё очень хотелось разобраться с клятвой, которая по неосторожности была дана не мной. Конечно, данная не мной клятва не взывала к моей ответственности, но вдруг в глазах местного божества я связана с этим напыщенным павлином Эмилио?

— Такие клятвы всегда даются ночью у храма Двуединого, — удивлённо ответила Эсперанса. — Неужто вы тоже забыли, Ваша Светлость? Их и дать, и вернуть можно только так.

— Но разве я могу как-то незаметно выбраться из замка ночью?

— Разумеется, — уверенно ответила Эсперанса. — Как и в прошлый раз, через потайной ход, Ваша Светлость.

— А он есть? — я насмешливо посмотрела на горничную. — Я про него совсем ничего не помню.

— Я знаю место, где он начинается, — неожиданно ответила та. — Ход отзывается на кровь Эрилейских и какое-то короткое слово на «А». Возможно, вы вспомните, Ваша Светлость?

— Возможно.

Слово я помнила, поэтому по дороге в замок размышляла, не будет ли глупостью с моей стороны тащиться ночью на встречу со столь подозрительной личностью, как Эмилио. Совершенно не верилось, что он отказался от своих планов и решил добровольно со мной расстаться. Но я прекрасно понимала, что мне может и не представиться другого шанса заполучить свои письма и развязаться с чужой клятвой. Если бы барон де Монтейо казался мне порядочным доном, я не задумываясь пришла бы на эту встречу, но теперь мне следовало сначала взвесить все за и против. Пока «против» набиралось куда больше.

— Радость-то какая, Ваша Светлость, — встретила меня улыбающаяся экономка. — Её Сиятельство сообщила, что прибудет завтра утром. Наконец-то вы сможете наносить визиты и принимать у себя соседей, а то сидите, как затворница целыми днями в библиотеке. А там, глядишь, и бал Её Сиятельство устроит.

— Да, бал — это всегда замечательно, — с деланным оживлением согласилась я.

На чашку весов с «за» опустилась весьма увесистая гирька. Встречусь я или нет ночью с Эмилио, но бежать мне нужно вне зависимости от этого.

Глава 18

Я ещё раз пересмотрела подготовленные вещи. Письма Эмилио, в которых ничего ценного не было, но которые я собиралась обменять на свои. Кошелёк с деньгами, как вырученными от продажи жемчуга, так и найденными в комнате, судя по всему, выданными опекуной герцогине на мелкие расходы. Нельзя сказать, что сумма была совсем мелкой, но её не хватит не только на безбедную жизнь, даже при весьма скромных тратах больше чем на пару месяцев не растяну. Надеюсь, в университетах предусмотрена стипендия. На случай, если таковой нет, я тоже подготовилась: повыбирала из драгоценностей предметы без гербов и без особенностей, которые позволили бы вычислить владельца. Таких вещей оказалось немного, поэтому я добавила кольцо с камнями покрупнее, чтобы в случае чего продавать запчастями: камни — отдельно, золото и платину — отдельно.

В крови горел азарт. Эмилио я опасалась, но умеренно, потому что имеющимися заклинаниями могла от него отбиться. Я постаралась предусмотреть все варианты. К примеру, сварила зелье по противодействию ментальной магии, на случай если ему вдруг придет в голову внушить мне, что я всё ещё в него влюблена. Выпила я его загодя, потому что у этой вкусной тягучей жидкости был неприятный побочный эффект, особенно сильный поначалу: был ускоренный обмен веществ. Навещать каждые кустики по дороге к бывшему предмету обожания как-то неромантично. К полуночи обменялось все, что только можно, а лишнюю жидкость я не пила.

Сваренное зелье по превращению меня в обычного человека я аккуратно завернула в чепец, добавила амортизирующий кокон и опустила в карман, которых в платье Эсперансы, надеваемом мной ради конспирации, было аж два. Во второй карман отправились письма, все три пачки, до самого последнего листочка: желания сохранить что-то на память от Эмилио не находилось, сколь я ни рылась в глубинах души. Драгоценности карманам я не доверила, им пришлось увеличивать размер моей груди. Перстни и серьги приятно покалывали кожу, даря уверенность в завтрашнем дне.

Сильно беспокоила судьба горничной, которую тётушка непременно вывернет наизнанку, чтобы узнать, куда я делась. Конечно, я её попыталась обезопасить по максимуму, отправив вечером в деревню к родственникам, где она якобы будет ночевать. Но тёте при желании не составит трудов расколоть девушку. Конечно, единственное, что Эсперанса сможет ответить, это то, что я встречалась с Эмилио, но в данном случае честность не позволит ей сохранить рабочее место. Боюсь, что уволят её и без выходного пособия, и без рекомендаций. Но у неё речь шла всего лишь о работе, а у меня — о жизни, так что сожаления я подавила, в последний раз окинула взглядом комнату, которая так и не стала моей, и выглянула в коридор.

Дело двигалось к полуночи, поэтому в замке царила тишина: кто-то уже вкушал заслуженный отдых, а кто-то продолжал работать, но делал это так, чтобы до господских покоев не доносилось ни шороха.

Я активировала заклинание, гасящее звуки, и вышла, прикрыв за собой дверь. Идти было недалеко, до ближайшей ниши в стене, в которой стояла старинная уродливая ваза. То есть сама фаза была прекрасной формы, но изображённые на ней головы чудовищ внушали отвращение и безотчётный страх, поэтому, проходя мимо, я всегда ускорялась.

Но сегодня мне не просто пришлось остановиться рядом, а зайти за вазу, приложить руку к стене и прошептать: «Алейра». Кусок стены послушно отъехал в сторону, и я с замиранием сердца шагнула в темноту, вспомнила, что умею подсвечивать себе дорогу и создала ярко горящий шар перед собой. Шар был красив и слушался меня как живой. Посторонний человек ни за что не поверил бы, что несколько дней назад я о такой возможности и не задумывалась, а сегодня создала впервые. Результат меня настолько впечатлил, что я даже забыла закрыть за собой проём. Хорошо, что стена задвинулась сама. Наверное, при постройке потайного хода предки Эрилейских заложили защиту от выдачи тайны забывчивыми потомками.

Движение стены заставило меня очнуться и начать спускаться. Ночь не бесконечна, нам нужно не только обменяться письмами, но и клятву отменить. А если Эмилио от второго откажется, буду считать, что клятва не моя. Правда, на клятве Бласкесу это не сработало, но сработало на артефакте Истины, что обнадеживало, потому что клятва

перед богом наверняка больше привязана к душе, чем клятва перед придворным магом.

Освещающий шар послушно реагировал на каждый мой жест, что вселяло уверенность в благополучный исход: всегда можно поджечь незадачливого ухажёра, если тому что-то взбредёт в голову. Честно говоря, личная подсветка оказалась весьма полезна: ступени длинной винтовой лестницы не отличались ровностью, и я бы уже не раз могла запнуться и полететь вниз, если бы не видела, куда ставлю ногу. Хорошо ещё, что в потайном ходе было совершенно сухо — ни мха, ни плесени, ни мокриц, короче говоря, никакого геройского антуража. Просто длинная лестница, к концу которой у меня заболели ноги. Наконец я уткнулась в стену, погасила подсветку, закрыла глаза, давая им возможность отдохнуть и настроиться на темноту, и только после этого прикоснулась к стене и произнесла заветное слово.

Эсперанса уже меня ждала, выделяясь тёмным силуэтом на фоне луны. Заметила она меня сразу и бросилась навстречу.

— Ваша Светлость, я уже беспокоиться начала, что вы не появитесь.

— Мы же проверили и убедились, что в подземный ход я могу попасть, — напомнила я.

Я не только говорила, но и двигалась вниз по склону от замка к спящей деревеньке. Время действительно было позднее: ни единый огонёк не горел. Подсвечивать нам дорогу я не стала: и луна давала достаточно света, и не хотелось показывать знания. Ни к чему тёте быть в курсе моих почти восстановленных умений.

— Мало ли, Ваша Светлость. Вдруг вы не смогли выйти или донья Селия появилась раньше, чем собиралась?

— Она бы проехала мимо тебя, — напомнила я.

— Это если она не прямиком в замок телепортировалась, — неожиданно возразила Эсперанса.

— А так можно? — удивилась я.

— Конечно, Ваша Светлость, замок же её признаёт.

— А почему тогда мы переправляемся через общественные телепорты?

— Вы не помните, Ваша Светлость? — Она дождалась моего короткого «нет» и лишь потом продолжила: — Герцоги Эрилейские традиционно в порталах не сильны, что-то там с несовместимостью

магии. Я в этом ничего не понимаю, простите. Поэтому Её Сиятельство просит при необходимости об услуге из магов порталщиков, что выходит куда дороже, чем если воспользоваться порталом до Осиаля, а потом каретой до замка. Сколько здесь ехать-то?

Мы не дошли до деревни, как вдруг из кустов вынырнул Эмилио, заставив моё сердце забиться чаще. Не от радости и не от любви — от страха. Очень уж он неоднозначно выглядел: весь в чёрном, как придорожный бандит, одни глаза светятся, как голубые бриллианты. Но приглушённо, так, что на расстоянии наверняка не было заметно ничего, кроме силуэта. Родовая особенность, позволяющая видеть ночью? Или результат использования зелья?

Эсперанса приглушённо охнула, но сделала это столь нарочито, что у меня закралось подозрение: она была в курсе встречи именно тут, а возможно, даже отвлекала меня, чтобы я чего не заметила раньше времени.

— Добрый вечер, Эстефания, — промурлыкал Эмилио. — Я рад, что ты нашла в себе желание встретиться со мной.

— Встретиться с вами? И не мечтайте, дон. Я собираюсь встретиться со своими письмами. Вы их принесли?

Говоря это, я внимательно отслеживала каждое движение противника. Но он нападать не думал, вытащил из внутреннего кармана камзола пачку, перевязанную кокетливой ленточкой, цвета которого я в темноте не различала, но почему-то была уверена, что он розовый.

— Принёс, любовь моя. А ты?

Я демонстративно вытащила все три пачки и помахала. На расстоянии. Приближаться к Эмилио было страшно, хотя явной агрессии он не проявлял. Но неявная из него так и лезла, несмотря на обманчиво-мягкий голос, который переливался всеми бархатными оттенками любви и нежности. Надо признать, красиво переливался, успокаивающе.

— Осталось обменяться и идти к церкви Двоединого. Мне жаль, Эстефания, что наша любовь не стала прекрасной сказкой. Но, может, у меня ещё есть шанс завоевать твою благосклонность?

Луна освещала нашу встречу в достаточной степени, чтобы я видела каждый жест Эмилио, каждую чёрточку его лица, на котором

сейчас изображалась безграничная жертвенность, в которую я почему-то совершенно не верила.

— Дон де Монтейо, я ценю вашу готовность пойти мне навстречу, — ответила я. — Но боюсь, у нашей истории больше нет будущего.

Он вздохнул, смиряясь с моим ответом, сделал два шага ко мне и протянул пачку писем. Взяла я их не без опаски, больше обращая внимание на руки дона, чтобы успеть ответить при нападении.

— Здесь все твои письма, Эстефания, — с надрывом сказал он. — Последняя ниточка, которая нас связывала. Я рву её с болью в сердце.

Возвращённые письма я отправила в карман, недоумевая, почему Эмилио не забирает свои. Неужели хочет оставить на память? Я протягивала ему все три тонких пачки, но Эмилио медлил.

— Дон де Монтейо, я покажу себя крайне неблагодарной особой, если при мне останутся и ваши и мои письма. Забирайте же.

Я ткнула его письма ему прямо в грудь. Он протянул руку, но смотрел не на них, а мне в глаза, гипнотизируя, ловя взгляд, не давая отвернуться. Его губы умоляюще шепнули: «Эстефания». Отвлеклась я на миг, но этого хватило, чтобы из поднятой руки в мою сторону полетела щепотка порошка.

Я даже рукой дёрнуть не успела, отключилась сразу, словно меня накрыло абсолютно чёрным покрывалом, разом гасящим все чувства.

Приходила я в себя медленно, звуки пробивались с трудом, не желая складываться ни во что понятное. Телом я ощущала покачивание поверхности под собой. Мягкой, но короткой, потому что я полулежала, поджав под себя ноги. Похоже, ехали мы куда-то в карете. Холодно не было, меня укрывало что-то лёгкое, но тёплое.

— Дон де Монтейо, а с Её Светлостью точно ничего не будет? — раздался жалобный голос Эсперансы.

Надо же, не бросила меня на гадского барона.

— Точно не будет, — буркнул в ответ мой похититель. — Проспит сутки и придёт в себя уже в моём доме. Главное, успеть до него доехать.

Тело затекло от неудобной позы, особенно сводило руку, которой я продолжала сжимать пачки писем Эмилио. Но я не двигалась, впитывая разговор. Пока они считают, что я в отключке, можно услышать что-то интересное.

— Успеем, как не успеть, — подобострастно сказала Эсперанса.

— Она совсем ничего не помнит?

— Совсем, дон де Монтейо. Иначе разве бы удалось Её Светлость вытащить ночью в деревню? С ней в тюрьме что-то сеньор Бласкес сделал, — проговаривая имя придворного мага, Эсперанса понизила голос так, словно тот мог её услышать. — Поэтому у Её Светлости большие проблемы с памятью.

— Это хорошо.

— Что ж хорошего, дон де Монтейо? — удивилась Эсперанса.

— Хорошо, что она ничего не помнит. Будет проще.

— Я вам помогу, — сразу вызвалась Эсперанса. — Вы такая прекрасная пара.

— И ревновать не будешь?

Звук, донёсшийся до меня, больше всего походил на поцелуй. Долгий страстный поцелуй. Я попыталась незаметно приоткрыть глаза, чтобы убедиться, но неожиданно поняла, что двигаться не могу вовсе. Ощущения были жутковатыми, почти как тогда, когда я лежала бревном в том мире. Я запаниковала, но вспомнила, что у меня есть знания, которые позволили бы мне выйти из настоящей комы, а сейчас во мне работает зелье, чистящее всё лишнее, что в меня попало. Так что совсем скоро я опять смогу двигаться.

— Кто я такая, чтобы ревновать? — глухо сказала моя горничная. — Я всегда знала своё место. Вы — Сиятельные, я никто.

— Ты никто, — согласился Эмилио, потом, судя по звуку, открыл окошко между собой и кучером и крикнул в него: — Стой!

— Что вы собираетесь делать? — забеспокоилась Эсперанса. — Неужто высадите меня вот так посреди дороги? Я не выйду. — Она всхлипнула. — Вы же обещали, что я всегда буду вам полезна. Я ваша и душой, и телом до самой смерти.

— Хочешь умереть прямо сейчас? — холодно спросил Эмилио.

— Дон де Монтейо, не убивайте! — взвизгнула она и затараторила, выплёвывая слова со скоростью пулемётной очереди: — Я же всегда вам помогала. Я же лучше всех знаю Её Светлость. Все её привычки как свои пять пальцев. Никто лучше меня не посмотрит за её вещами. Где вы лучше меня найдёте горничную для жены? Я вам всегда верной буду.

Наконец мне удалось раскрыть глаза на самую малость, достаточную, чтобы увидеть, как Эмилио держит Эсперансу за

подбородок довольно собственническим жестом, а она смотрит на него взглядом побитой, но преданной собаки.

— Так хочешь быть со мной, что не боишься мести графини Хаго? — Он усмехнулся и всунул ей в руки увесистый мешочек, явно с деньгами, и распахнул дверцу кареты. — Убирайся. В карете тебе не место. Сядешь рядом с кучером.

Глава 19

Было страшно находиться в крошечном помещении рядом с человеком, чьи цели мне были непонятны. Лучше бы он и дальше болтал с Эсперансой. Рассказал бы ей, какой он гениальный, с примерами из жизни и доказательствами в виде планов. Я бы хоть знала, к чему готовиться. Но нет, сидел, молчал и глядел на меня столь тяжело, что будь я хоть чуточку менее материальной, уже давно распалась бы под давлением его взгляда.

— Заставила ты меня побегать, — наконец сказал Эмилио. — Хорошо хоть твоя горничная больше верна мне, чем тебе. Прислугу нужно выбирать правильно, так ведь, Фани?

Я была с ним настолько согласна, что чуть не кивнула, помешало лишь то, что шея пока не слушалась. Но подвижки уже были, поэтому я призвала себя быть внимательной и не расслабляться. Тем временем Эмилио продолжал свой спич, поскольку ему от меня никакой реакции не требовалось. Этот дон был вполне самодостаточен.

— Я обещал твоему брату о тебе позаботиться. Лучше всего я это сделаю, будучи твоим мужем. Уверен, будь твой брат жив, он бы со мной согласился.

Только в голосе уверенность не прозвучала. Видно, сомневался Эмилио, что его деятельность одобрил бы мой брат. Подозреваю, что Максимилиано посчитал бы этого кавалера неподходящим спутником жизни для своей Сиятельной сестры, как это уже сделала моя тётя. Судя по всему, Эрилейские были весьма амбициозны. Дружба дружбой, а брак должен быть с правильным партнёром и никак иначе.

— Хорошо, что ты спишь: не наделаешь глупостей. — Он наклонился и провёл пальцем по моей щеке. — Даже не верится, что всё оказалось так просто. Такая умненькая девочка, а попала в столь примитивную ловушку. Интриги Теодоро оказались мне на руку, хотя он явно на это не рассчитывал.

Он рассмеялся неожиданно красивым торжествующим смехом, а я подумала, что Теодоро знать не знает какого-то там провинциального барона с его мышинной вознёй вокруг наследства Эрилейских. В том, что именно вокруг наследства, а не меня, я не сомневалась: да, я этому

дону нравлюсь и сама, но ещё больше ему нравится то, что со мной связано. Захотелось двинуть ему по физиономии, и внезапно я почувствовала, что руки начали меня слушаться, совсем чуть-чуть, но начали.

— Спи, моя любовь, и пусть тебе снятся хорошие сны, — опять наклонился ко мне Эмилио. — А когда ты проснёшься, у тебя начнётся новая жизнь. Она тебе понравится.

Последняя фраза прозвучала угрожающе, поэтому желание дождаться новой прекрасной жизни не возникло. Меня и старая устраивала, и пока получается, что все изменения — только к худшему. Бежать надо при первой же остановке. Даже если перебирать ногами еле-еле, можно отойти на достаточное расстояние, чтобы после зелья меня никто не связал с каретой. Зелье? Я осторожно двинула рукой к карману. Движение было медленным и почти незаметным в полутёмной карете, но Эмилио внезапно насторожился. Я замерла. Но как выяснилось, насторожился Эмилио не из-за меня. Он сдвинул створку в окошке к кучеру и зло спросил:

— Почему замедлился?

В ответ прозвучало что-то неразборчивое.

— Плевать. Сейчас самое важное — время. Лошадей сменим на ближайшей станции. Гони!

Карета явно ускорила, потому что покачивание стало интенсивнее и грохот от колёс усилился. На этом фоне мне удалось дотянуться до кармана. Содержимое было на месте. Самое забавное, что второй рукой я судорожно продолжала сжимать письма, уже не уверенная в том, что они — настоящие. Быть может, письма Эмилио с нужной фразой были добавлены к моему дневнику для правдоподобности? Не зря же защитный кокон открывался по его имени, в то время как тайники Эрилейских срабатывали совсем на другое слово. Впрочем, оставлять их я всё равно не буду.

Рука двигалась всё легче, по телу пробегали толпами мурашки, но не те, что бывают от близости нравящегося субъекта, а те, что приходят после вынужденной неподвижности, когда каждое движение сопровождается неприятными ощущениями. Заодно начала включаться голова, которая подсказала, что побег будет не столь лёгок, как мне представлялось поначалу: вернут меня, как только заметят, что в карете никого нет. А это значит... что в карете кто-то должен быть,

хотя бы фантом. Теоретически я умела делать фантомы, практически Эстефания их делала. Так же, как и отвод глаз. Но теория с практикой не всегда дружат: а я отнюдь не всё «вспомненное» проверяла, мне казалось важнее «вспомнить» как можно больше. И я успела почти всё.

Как говорил один мой знакомый, ещё из прошлой жизни, деньги надо вкладывать не в акции и недвижимость, а в себя, в своё образование. Акции могут обесцениться, недвижимость развалиться, а знания и умения навсегда останутся с тобой и помогут выплыть в самой тяжёлой ситуации. Можно перестать быть герцогиней, но запомненные магические практики останутся при мне. Если, конечно, я вдруг не останусь без магии. Ни о чём таком я не читала, но этот вариант тоже не стоило отбрасывать.

Карета опять начала замедляться. Но в этот раз Эмилио не занервничал, отодвинул штору, выглянул в окно и удовлетворённо хмыкнул. Вскоре мы вообще остановились, и мой похититель выпрыгнул из кареты, демонстрируя неплохую физическую подготовку. Я привстала, обнаружила, что конечности хоть плохо, но слушаются, засунула пачку писем в карман и стала выплетать заклинание фантома, копируя собственную внешность. Пальцы двигались тяжело, поэтому действие шло необычайно медленно, в любую минуту грозя сорваться. Было очень много отвлекающих факторов: лошади недовольно ржали, Эмилио что-то кому-то выговаривал, а вскоре к его командному голосу присоединился льстивый голос Эсперансы.

Фантом получился плотный, но немного прозрачный. Я понадеялась, что в темноте кареты это будет не особо заметно, набросила на него укрывавший меня плед и осторожно открыла дверцу, противоположную той, рядом с которой сейчас разговаривал Эмилио с подельницей. Ничего не скрипнуло ни когда я открывала дверцу, ни когда закрывала. Тот, кто следил за имуществом Эмилио, делал это на совесть: не забывал смазывать петли, чтобы те не беспокоили хозяина.

Двигаться приходилось осторожно не только потому, что мой побег могли обнаружить, но и потому, что ноги подгибались от слабости, так и норовя меня уронить. Внизу было довольно грязно и вязко, так что при падении я рисковала не подняться. Узнавать, в чём

вязнут ноги, желания не было, поэтому я приходилось контролировать каждый шаг, чтобы не упасть.

Выплетать заклинание отвода я оказалась не в состоянии — на ногах бы удержаться, поэтому я понадеялась на темноту и тихо вдоль стеночки стала двигаться от кареты, которая стояла рядом с конюшней. Чем больше я делала шагов, тем они мне легче давались: кровь словно начинала в усиленном режиме выводить ту гадость, которую на меня высыпал Эмилио.

Свернув за угол, я достала бутылочку с зельем и капнула из неё на ладонь. Капелька засияла, как маленькая жемчужина, а на языке разошлась сладостью мёда и пряным гвоздично-коричным ароматом. Не самый плохой вариант. Не знаю, изменило ли зелье внешность, но на кружащуюся голову и подгибающиеся ноги оно точно не подействовало.

Срочно требовалось укрытие. Я стояла рядом с приоткрытой дверью в сарай, туда и зашла, медленно, как дряхлая старушка, забралась по лестнице под крышу и зарылась в ворох сена. Успокоилась я не раньше, чем услышала звуки отъезжающей кареты. Надеюсь, пару часов фантом выдержит, а там и сам Эмилио уснёт, а когда проснётся, не сразу поймёт, где меня потерял. В любом случае сил на дальнейшее движение не было. Я закрыла глаза и провалилась в сон.

Проснувшись я рано и сразу покинула гостеприимное убежище, пока меня не обнаружили. Я боялась не того, что затребуют плату за ночлег, а того, что сдадут на руки Эмилио меня или информацию обо мне.

Находилась я на окраине небольшого города, из которого наверняка можно уехать в столицу. Место, где я ночевала, было чем-то вроде перевалочной станции, где можно было отдохнуть, перекусить и сменить лошадей. Здесь наверняка можно было напроситься к кому-то в попутчики, но это значило оставлять след, поэтому я вытащила из кармана чепец, водрузила его на голову, прошла очищающим заклинанием по одежде и направилась в центр городка.

От вчерашней слабости не осталось и следа, и я с интересом вертела головой по сторонам, разглядывая домики. Герцогине такое поведение не пристало, ну так я сейчас и была не она. Домики были миленькие, маленькие и аккуратные. С цветами на подоконниках и в

крошечных палисадниках. Ближе к центру масштабы увеличивались, но дома продолжали радовать глаз.

Ближе к центру мне попала лавка подержанных вещей, и я решила сменить приметное платье от Эсперансы на что-то, что моя бывшая горничная не опознает.

На удивление в столь раннее время лавка оказалась открытой. Это показалось хорошим предзнаменованием, и я без колебаний открыла дверь. Колокольчик звякнул, хозяйка лавки приподняла голову, окинула меня взглядом и снова уткнулась в книгу, которую читала. То, что я её как покупатель не заинтересовала, было замечательно: значит, Сиятельную во мне не опознать. Поэтому дальше я действовала смелее, но со скромностью, присущей моему нынешнему виду.

— Сеньора — кашлянула я, — мне бы платье.

Она молча ткнула рукой в сторону вешалок с одеждой. Понятно, помогать в выборе мне никто не будет. Пришлось прикидывать на глазок, что может подойти. Выбрала я два платья: одно совсем серенькое, а другое относительно нарядное, с россыпью мелких цветочков по ткани. К ним добавила накидку, далеко не новую, но на вид тёплую, и ботиночки, потёртые, но ещё крепкие. Ботинки и накидку я примерила прямо в лавке и положила на прилавок, обозначая, что готова купить. А с платьями прошла в закуток, отгороженный шторкой. Было там и зеркало, в котором я наконец смогла разглядеть своё новое лицо.

Признаться, подошла я к нему с опасением, поскольку в описании зелья было сказано, что делает оно употребившего некрасивым. Но о себе нынешней я бы так не сказала. Наверное, Эстефания и для Сиятельных была исключительно хороша, поэтому полностью угробить внешность зелью не удалось. Да, сейчас обо мне можно было всего лишь сказать «хорошенькая», но это куда лучше, чем «уродина», и много-много лучше, чем «Вон идёт герцогиня Эрилейская, держи её!». Эстефанию во мне сейчас не признала бы и родная тётя. Во всяком случае я очень на это надеялась.

Серенькое платье сидело как надо: явно с чужого плеча, скрадывало фигуру, делая её неприметной и невыразительной. Второе же, если поработать со шнуровкой, можно было вообще почти идеально подогнать по фигуре.

— Если я возьму всё, сколько вы с меня запросите?

Сеньора скучающим голосом озвучила. Следующие минут пятнадцать скучать ей не пришлось, потому что торговалась она азартно, явно любя это дело и борясь за каждую мелкую монетку. У меня их лишних тоже не было, поэтому я не уступала. К компромиссу мы пришли нескоро, но к взаимному удовольствию. Я переделалась в серое платье тут же, а остальные покупки положила в платье Эсперансы и связала его узлом. Теперь я уже была не нищей побирушкой, а девушкой с имуществом. Можно сказать, почти с приданым.

— Сеньора, вы не подскажете, на чём отсюда можно уехать в Труадон?

— Хозяйка выставила? — проницательно предположила она. — У нас почему-то часто проезжающие увольняют прислугу. Место такое, что ли... Дилижансы ходят через день, но... У тебя денег-то немного?

Она прищурилась и внимательно меня разглядывала.

— Немного, — согласилась я, недоумевая, к чему вопрос. Если к тому, что ей нужна была помощница, то придётся придумывать, почему мне нужно срочно в столицу.

— Сосед сегодня в Труадон собирался. Хочешь, спрошу, не возьмёт ли попутчицу?

— Буду очень признательна, — обрадовалась я.

К соседу мы пошли вдвоём, потому что хозяйка выставить меня на улицу не захотела и оставлять в лавке — тоже. Я её понимала: для той, кем я сейчас выглядела, каждая мелочь в её лавке — бесценна, а вопрос, почему меня уволили с предполагаемого места службы, так и висел в воздухе.

Успели мы вовремя, сосед как раз закладывал двуколку. Согласился он, не успели мы спросить.

— Всё живая душа рядом, — заявил он и подмигнул.

Я улыбнулась в ответ и поблагодарила и его, и хозяйку лавки. Её — особенно. Если Эмилио будет меня искать, то на станции дилижансов и в платье Эсперансы.

Выехали мы почти сразу, я только напиток успела и купить в дорогу булочку. Сейчас есть не хотелось: то ли последствия порошка Эмилио, то ли адреналин, бушующий в крови, притуплял чувство голода. И выехали вовремя, потому что буквально через пять минут мимо пронёсся всадник с таким злобным выражением лица, что наша

лошадь шарахнулась и чуть не опрокинула двуколку в кювет. Сеньор, который любезно согласился меня подвезти, выправил движение лошади с большим трудом, оглянулся на почти скрывшегося из вида всадника и проворчал:

— Ох уж эти Сиятельные, носятся, никого не замечая. Можно подумать, на пожар торопится.

Я скромно промолчала, хотя могла пояснить, что конкретно этот Сиятельный торопится не на пожар, а найти одну пропажу, пока её не нашёл никто другой. И если он меня не найдёт, то проблем у него будет ничуть не меньше, чем если бы его дом сгорел. Потому что тётя непременно выяснит и кто меня украл, и почему. И тогда я дону де Монтейо не позавидую. Впрочем, сочувствия к нему я не испытывала: все свои проблемы он заработал сам, прекрасно понимая, на что идёт. При игре ва-банк выигрыш бывает куда реже проигрыша.

Глава 20

Уверенность сеньора, что в столицу мы доберёмся сегодня, стала понятна, как только мы подальше отъехали от города и лошадка ускорила, перебирая ногами так быстро, что я уверилась в её неестественном происхождении. В памяти ничего не находилось, но спрашивать у спутника я не рисковала: до учебника по трансформациям я не добралась, так что очень может быть, что изменённые животные тут норма.

Долго размышлять по этому поводу не получилось. Оказалось, что Эмилио, сам того не подозревая, здорово мне подгадил: когда мы чуть не вылетели с дороги, я стукнулась о борт тем боком, где в кармане лежал пузырьёк, и тот не выдержал удара. Поняла я это не сразу, только когда сеньор, правящий лошадьё и распеваящий залихватские песни, неожиданно стал принюхиваться, смешно поводя носом из стороны в сторону, и спросил:

— Духи такие, что ль?

И только тут я сообразила, что уже давно чувствовала знакомый коричный запах, просто значения не придавала. Я охнула, схватилась за бок и, да, обнаружила, что зелье протекло. На платье проявилось небольшое грязно-зелёное пятно, но это была меньшая из моих проблем: уже сегодня ночью я засияю во всю свою природную красоту, а значит, буду доступна для поиска. Не уверена, что, если зелье отжать с одежды, оно сохранит свойства. Да и дозировку теперь правильно не определить. Нет, воистину хочешь, чтобы бог над тобой посмеялся, — расскажи ему о своих планах.

— Нет, не духи алхимическое зелье, — чуть не рыдая, ответила я.

— Болячка какая-то? — настороженно спросил сеньор, отодвигаясь от меня, насколько позволяли борта двуколки, и смотря со всё возрастающим страхом. — Заразная, поди?

Лошадку он начал потихоньку притормаживать. Я спохватилась, что этак он меня выставит на дорогу, и тогда я точно в столицу сегодня не попаду. В столицу, где есть алхимики... Точно, алхимики, у которых есть нужные реактивы и оборудование. А жизнь начинает казаться не такой безнадежной.

— Я не себе, бабушке, — попыталась я успокоить благородного сеньора, не переставая всхлипывать. Себя успокоить оказалось не в пример сложнее. — Специальное, для стариков, знаете? — Сеньор не знал, но на всякий случай неуверенно кивнул. — У неё суставы распухшие, ходить не может, а зелье должно было помочь. Я столько на него копила... Оно дорогущее жуть, и вот...

Я не удержалась и опять всхлинула. Мне даже притворяться не пришлось, потому что утеря зелья была для меня катастрофой, и если я не придумаю, как её нейтрализовать, побег закончится, едва начавшись. Тётя меня тут же найдёт и вернёт. И будет присматривать куда серьёзнее, чем раньше. Нет, конечно, у меня есть на кого свалить вину: похищение в этом плане оказалось прекрасным алиби, и я даже смогу объяснить, почему рвалась в столицу, а не в замок — боялась столкнуться с Эмилио. Так что подозрения от себя я отведу, но второй возможности удрать у меня может не появиться.

— Ну-ну, сеньорита. — Сеньор успокаивающе похлопал меня по руке, но тут же отдернул свою руку, словно обжёгся. — Не убивайтесь. Подумайте лучше, что не так давно мы могли перевернуться и свернуть шеи. Тут впору возводить хвалу Двуетидному, что обошлось всего лишь одним флакончиком. Он же тогда разбился?

— Да, сеньор. Похоже, тогда. Чтоб этому Сиятельному не проехать другой дорогой?

Я вздохнула. Хотелось крыть злополучного Эмилио всеми ругательствами, которые я знала. Да только моей вины никто не отменял. Что мне стоило засунуть флакон в глубину одежного тюка, если уж коконом не прикрыла? Но нет, после странного порошка Эмилио голова работала с трудом и удерживала одновременно всего лишь несколько важных вещей, причём зелье она почему-то посчитала делом неважным. Возможно, потому что я в любой момент могла бы его приготовить заново? Но только если всё, что нужно, будет у меня на руках.

Окончательно сеньор от подозрений не избавился и изредка бросал на меня настороженные взгляды. Похоже, прикидывал, не собираюсь ли я, оставшись без зелья, вручить душу Двуетидному прямо у него в двуколке. Соседку, поди, он про себя костерил на все лады: подсунула такую подозрительную попутчицу. Жаль, что петь он продолжил, так как репертуар поменялся, и от весёлых песенок сеньор

перешёл к лирическим, на которых все недостатки его исполнения стали заметны особенно сильно. Потому что раньше он брал задором, но задор из его песен ушёл, а фальшивить сеньор не перестал. Одна радость: пейзажи по сторонам проносились быстро, словно мы мчались на скоростном экспрессе. Я постоянно опасалась, что мы в кого-нибудь врежемся. Но у моего попутчика опыт был. Лавировал между экипажами он знатно, на уровне не любителя, профессионала, оставляя за собой испуганно ржущих лошадей и от души ругающихся возчиков.

По мере того как мы приближались к Труадону, скорость снижалась, а когда вдалеке показались строения, лошадка перешла на обычную рысь. При всём при этом она не выглядела запыхавшейся, двигалась легко и красиво, а спина лоснилась не от пота, а от хорошего хозяйского ухода.

И я бы её непременно похвалила, если бы не боялась показаться странной. Сеньор и без того меня запомнит по разбившемуся зелью. А если я окажусь профаном в вопросах, в которых разбираются даже дети, будет ещё подозрительней. Правильно говорят: молчание — золото.

В город мы наконец въехали, и сеньор сказал:

— Я на Центральный рынок, сеньорита. Вас где высадить?

— Буду признательна, если там и высадите.

Я обворожительно улыбнулась, надеясь хоть так скрыть полное незнание и реалий жизни, и города, по которому мы ехали. И как я не догадалась изучить карту? А ещё лучше перерисовать... С другой стороны, рынок — вполне подходящее место и чтобы затеряться, и чтобы найти нужные алхимические реактивы, а возможно ещё и чтобы найти подходящее жильё.

Избавился от меня сеньор с явным облегчением. Возможно, потому, что запах от зелья так до конца и не развеялся, а был он чересчур навязчивым. Мне самой казалось, что я пропиталась этой приторной кондитерской корицей до конца жизни.

Любезный сеньор высадил меня перед рынком, выслушал мои витиеватые благодарности, с явным облегчением простился и отправился искать место, куда пристроить транспортное средство. Лошадь хоть и не машина, но тоже где попало не бросишь.

А я отправилась изучать рынок. Идея эта оказалась не слишком хорошей, потому что рынок был продуктовый, а это было совсем не тем, в чём я сейчас нуждалась. Я даже булочку, взятую в дорогу, так и не надкусила. Более того, от запахов продуктов меня начинало мутить. Особенно когда они смешивались с запахом зелья, пусть и почти выветрившегося.

Поэтому я как зашла на рынок, так и вышла, запланировав решать задачи по степени их важности.

— Эй, парень, — ухватила я за плечо щупленького парнишку, изрядно ему польстив обращением, ибо на парня он будут походить нескоро, а пока пол этого мелкого недоразумения определялся только наличием штанов, — где тут ближайшая лавка алхимика?

— Да они все по улице к университету.

Он дёрнулся под моей рукой, намереваясь бежать дальше по своим пацанским делам, но монетка, которую я выудила из кармана и повертела у него перед носом, быстро настроила его на деловой лад. Ладонку он протянул, но я в неё опускать монетку не спешила.

— Мне нужен не слишком заносчивый. И такой, кто втридорога не дерёт за свои услуги.

— Лусеро, — уверенно ответил он.

И цапнул-таки монетку, которая тут же испарилась волшебным образом. Смотрю, здесь все маги, только одни с магией, другие — без.

— Проведёшь — получишь ещё одну, — тоном змия-искусителя предложила я.

— Да чего тут идти? — проворчал он, справедливо опасаясь, что за короткую дорогу ему не заплатят.

— Сколько ни идти — монета твоя.

Он хмыкнул и дёрнул меня за юбку, указывая направление. Лавка алхимика Лусеро оказалась совсем рядом, через дом. Монетку я, как и обещала, выдала. Наверное, это были самые лёгкие деньги в жизни мальчишки, который, получив награду, тут же исчез, даже не поблагодарив.

Судя по внешнему виду лавки, дела у алхимика шли не очень: слишком давно требовала обновления вывеска, на которой уже с трудом можно было различить «Исабель Лусеро. Дипломированный алхимик. Обычные и редкие зелья. Алхимические ингредиенты и посуда».

Колокольчик мелодично звякнул, сообщая о моём приходе, и на меня уставились живые чёрные глаза сухощавой дамы лет шестидесяти, подтянутой и аккуратной, несмотря на выбранную профессию, которая зачастую приводила к быстрой порче одежды. Но скорее всего, для работы с реактивами она использовала не ту одежду, что для работы в лавке.

— Чем могу быть полезна, сеньорита? — спросила она красивым грудным голосом, который уже сам по себе вызывал жгучее желание чем-то помочь этой обходительной сеньоре.

Вообще, я бы сказала, что дама к себе располагала, поэтому удивительно, если дела у неё действительно идут плохо. Возможно, сказывалось удаление от основных потребителей? Или то, что алхимик — женщина? Общество здесь было уже не средневековое, но до понимания равноправия полов, похоже, было ещё далеко.

Лавка была аккуратной. Небольшой прилавок, шкафчики со стеклянными дверцами. Чистые полки не ломались от обилия зелий, но и не разваливались от старости. Пожалуй, есть надежда, что тут найдётся всё необходимое.

— Сеньора, мне нужно... — я оттарабанила список ингредиентов, который помнила назубок. — У вас они есть?

По мере того как я перечисляла, на её лице проявлялось удивление, но когда она ответила, в голосе её не отслеживалось ни тени эмоций.

— Да, сеньорита, есть всё.

— Отлично, — обрадовалась я. — Сколько это будет стоить с арендой вашего оборудования на полчаса?

— Что, простите? — теперь удивление было не только на лице, но и в голосе.

— Мне нужно срочно приготовить зелья, а оборудования у меня нет. — Тут я вспомнила, что переливать готовый продукт будет некуда, поэтому добавила: — Ах да, мне нужен ещё бутылёк с притёртой крышкой. Так сколько это будет стоить?

— Донья, мне не нужны неприятности, — неожиданно ответила она.

Настала моя очередь удивляться.

— Какие неприятности, сеньора? И почему «донья»?

— Потому что магии разрешено учить только в семьях Сиятельных или университете, — ответила она мне с видом гувернантки, объясняющей несмышлёнышу очевидные истины. — Будь вы студенткой университета, могли бы приготовить там — лаборатории доступны для всех обучающихся. Значит, магии вас учили дома, откуда сбежали, поэтому не можете использовать своё оборудование.

— Разве я похожа на Сиятельную? — сделала я последнюю попытку, уже понимая, что опять вляпалась из-за незнаний реальностей этого мира.

— Думаете, я не знаю, что и в семьях Сиятельных иной раз рождаются обычные люди или Сиятельные становятся обычными в результате неудачного эксперимента? — усмехнулась она. — Как правило, их судьба незавидна и их существование тщательно скрывают, но они есть. Возвращайтесь домой, донья, не создавайте проблем ни мне, ни себе. Он этого не стоит.

— Кто он? — удивилась я.

— Тот, ради кого вы сбежали из дома.

— Я сбежала из дома ради себя, — ответила я, прекрасно понимая, что притворяться бессмысленно. — И возвращаться не собираюсь, потому что мной планируют расплатиться в политических играх, предположительно, с моим летальным исходом. Зелье мне нужно для изменения внешности.

— Собираетесь всю жизнь скрываться?

— Сколько понадобится, — ответила я. — Пока я собираюсь поступить в университет и получить профессию, с которой я смогла бы зарабатывать на жизнь. К сожалению, бутылёк с зельем разбился, а без него меня найдут очень быстро. Я бы никогда к вам не пришла, не будь этот вопрос для меня вопросом жизни и смерти. Сеньора, разрешите мне воспользоваться вашим оборудованием. Обещаю, что этого никто никогда не узнает. Или... вы тоже донья?

Она чуть изменилась в лице. Похоже, я попала в точку. Я бросила тюк с одеждой на пол и сложила руки перед грудью в умоляющем жесте.

— Тогда вы просто обязаны мне помочь, как сестре по несчастью, донья Исабель.

— Двуетидный, откуда ты только взялась на мою голову? — проворчала она.

Вопрос был риторическим, хотя мой ответ, что из герцогства Эрилейского, ей точно бы не понравился. Поэтому я молчала, но физиономию скорчила самую жалостливую, взяв за образец приснопамятного кота из Шрека.

— Насколько терпит изготовление? — наконец спросила она.

— Максимум до вечера, донья Исабель.

— Да забудь ты про эту донью, пока ещё кто не услышал, — проворчала она. — Я не могу тебя пустить в свою лабораторию одну, потому что, если кто заметит, что меня там нет, у меня будут проблемы. Лавку я тоже закрыть не могу: мои клиенты привыкли, что она работает строго по часам. Поэтому пушу я тебя к своему оборудованию только вечером. — Она подняла глаза к небу. — Двуетидный, и во что я сейчас ввязываюсь?

— Помощь ближнему Двуетидному угодна, — напомнила я. — Сеньора Исабель, я могу пока оставить у вас вещи? Мне ещё комнату снять надо до вечера.

Она скривилась, но совсем не из-за того, о чём я сразу подумала: дело было не в моих вещах.

— Да куда ты одна пойдёшь? Ты же непременно во что-нибудь вляпаешься, такая неприспособленная. — Она указала на лестницу за собой. — Поднимешься на второй этаж. Комната справа. Сидишь в ней до вечера тише мышки. Всё поняла?

— Так точно сеньора. — Я разулыбалась во все свои ровные, пусть теперь и не Сиятельные зубки. — Огромное вам спасибо.

— Иди уж, — опять проворчала она. — Не мешай торговле.

Дважды просить меня не пришлось, я подхватила тюк с одеждой и прошла на второй этаж. В комнате давно никто не жил, веял в ней некий дух, который бывает только в таких помещениях, куда заходят редко и только по делу. Но была она чистенькая, и в ней стояла кровать, при одном взгляде на которую я поняла, что спать хочу так, что сил нет никаких удержаться.

Глава 21

Проснувшись, я не сразу поняла, где нахожусь, потому что меня словно обволакивало чувство дома, странное, позабытое ощущение безопасности. Было оно ещё из той жизни, но зато моё, не местноприобретённое. Конечно же, ни о какой безопасности сейчас речь не шла. Дом был чужим, хозяйка — совершенно неизвестной мне личностью. Возможно, она просто усыпила мою бдительность и давно сообщила кому нужно о забредшей к ней беглянке.

Я забеспокоилась, но в доме было тихо, хотя уже начинало темнеть. Если кто-то хотел меня захватить, у них было достаточно времени, чтобы это сделать, а вот у меня почти времени нет: нужно принимать следующую дозу. Я подскочила, щелчком пальцев привела в порядок изрядно помявшееся платье, добавила заклинание, освежающее лицо, и лишь потом осознала, что сделала это автоматически. А ведь, если я правильно поняла сеньору Лусеро, это может меня выдать даже вернее внешности. Казалось бы, тело уже достаточно давно стало моим, чтобы забыть привычки бывшей владелицы и обзавестись новыми. Так нет же: стоит отвлечься и оно уже своевольничает.

С мыслями, что отвлекаться нельзя я и спускалась, в уверенности, что лавка уже закрыта. Но сеньора Лусеро сидела за прилавком, а витринные окна не были прикрыты.

Моё появление для сеньоры неожиданностью не стало, потому что лестница скрипела так, что куда там соловьиному полу: ни один лазутчик не проберётся незамеченным, если, конечно, он двигается не по потолку. Но я уверена, что в этом случай его ждут неожиданности. Дом был непростым, как и его хозяйка, первое впечатление обманывало не хуже карманника, притворяющегося честным трудягой.

— Ну и горазда ты спать.

— Ночь выдалась очень тяжёлой. И мне не хочется, чтобы трудности оказались напрасными.

Она кивнула, обозначив, что поняла мой намёк, встала из-за прилавка, потянулась, разминаясь после длительного сидения. При

этом на пол спланировали газетные листки. Я нагнулась, не столько чтобы поднять, сколько сунуть нос в новости.

— Интересуешься, нет ли чего про твой побег? — спросила сеньора Лусеро. — Есть. Тётя тебя активно ищет. Но пока нашли только горничную.

— В самом деле?

Судьба Эсперансы беспокоила меня в последнюю очередь. В первую: неужели так легко можно меня вычислить, несмотря на изменение внешности? Или сеньора меня с кем-то путает? В конце концов, девицы постоянно сбегают от излишней опеки родственников. Правда, чаще всего с кавалерами, но и в моём случае без такового не обошлось. Пусть не по своему желанию, но Эмилио помог в побеге.

— Она мертва. Это сделала ты?

Спрашивала сеньора спокойно, не показывая напряжение ни словом, ни взглядом, но проскальзывало нечто, выдававшее её готовность к любому моему ответу. И что-то мне подсказывало, что, если я начну врать, меня тут же безжалостно сдадут органам правопорядка. А от них до тёти — один шаг, после которого я не смогу себя защитить от неизвестной опасности.

— Когда я видела свою горничную в последний раз, она клялась в верности моему похитителю и была при этом очень даже живой, — ответила я. — Сеньора, а вы уверены, что речь идёт именно о моей горничной?

Эсперансу неожиданно стало жалко. По воспоминаниям, она была прекрасной горничной, и не её вина, что привлекательность Эмилио снесла ей крышу. Наверняка не на пустом месте снесла: не нашёл подхода к хозяйке, воздействовал на горничную. Уж слишком она зависимой выглядела от этого дона. Но зависимость лечится, а смерть — нет, поэтому я понадеялась, что сеньора Лусеро ошибается. Но тут я как раз увидела свой портрет в газете, выполненный с большой точностью, и все сомнения отпали. Заметка была короткой и малоинформативной. Ещё бы, информацию тётя собиралась получить с других: за неё она предлагала очень большие деньги.

— А разве не о вашей, донья?

Недоумевающее выражение подходило моему нынешнему лицу ничуть не меньше, чем прежнему. Или прежним?

— Разве девушка на портрете похожа на меня, донья?

— А разве не вы, донья, говорили, что зелье вам нужно для изменения внешности? В действительности вы можете выглядеть, как угодно, так почему не так? — она кивнула на газету, которую я держала в руках. — И врѣте вы много. Сначала о том, что убежали. Потом говорите про похитителя.

Переход на «вы» показался мне очень нехорошим признаком. Но время шло, а зелье не делалось. Без зелья, если я даже полностью обелю себя в глазах этой недоверчивой сеньоры, мне это не поможет спастись от тѣти.

— Донья, давайте, я сделаю зелье и потом всё вам расскажу, — предложила я. — Тогда вы поймѣте, что я не вру. Увы, время подпирает. Я не могу позволить, чтобы меня нашли. Вспомните, вы пообещали, что зелье я смогу сделать вечером.

Она закусила губу и некоторое время пристально на меня смотрела, словно пытаясь проникнуть в голову, потом неохотно выдавила:

— Хорошо. И прекрати называть меня доньей.

Она наконец пошла закрывать лавку. На окна опустились жалюзи, а потом и они, и дверь внезапно обросли сеточкой защитных заклинаний. То ли это было обычной практикой, то ли сеньора таким образом намекала, что без неё я отсюда не выйду. Но страха не было: если бы сеньора Лусеро хотела меня сдать, она бы это уже сделала.

В комнате с оборудованием жалюзи тоже были опущены. Оглядывалась я с интересом: это место не было похоже на лабораторию, скорее на уютную кухню. Так и казалось, что из дубового шкафчика сейчас на свет появится баночка с вареньем и мы приступим к чаепитию. При мысли об этом желудок неожиданно вспомнил, что прошли уже сутки с тех пор, как ему что-то доставалось, но увy, из шкафчиков стали появляться не варенье с печеньем, а те ингредиенты, которые я называла.

Вскоре я уже стояла над спиртовкой, на которую была водружена мензурка с закипающей жидкостью, и держала наготове нужные добавки. Сеньора Лусеро сидела в отдалении, делая вид, что ей вовсе не интересно, чем я занимаюсь. Боялась ненароком выучить и подвести меня под нарушение закона?

Наконец все нужные слова были сказаны, все нужные ингредиенты — высыпаны, оставалось только остудить. Я повернулась

к сеньоре.

— Итак, донья, я обещала вам всё рассказать. Некоторое время тому назад я узнала, что мне грозит серьёзная опасность. Какая именно, я рассказать не могу, простите. Но уже тогда я задумала побег. — И даже осуществила, если принять во внимание прежнюю Эстефанию. — К побегу я была готова, когда меня обманом выманил из замка дон, которого моя тётя считала неподходящей для меня партией, но который был уверен в обратном. Было ли у меня с ним что-то на самом деле, я не знаю, потому что часть моей памяти в настоящее время под блоком. Моим неведением он и воспользовался, завербовав в сообщницы мою горничную. Ему удалось меня усыпить, но поскольку перед встречей я приняла зелье, ускоряющее метаболизм, очнулась я раньше, чем он рассчитывал, и смогла убежать. Возвращаться домой у меня желания нет. Во всяком случае, пока не разберусь, что происходит.

Она достала из кармана артефакт, посмотрела на него и удивлённо сказала:

— Надо же, действительно не соврала. Во что же ты вляпалась, Эстефания?

Обращалась она опять на «ты», что порадовало.

— Если бы я это понимала, моя жизнь была бы куда проще. Пока я хочу держаться подальше от власть имущих. Меня ведь почти казнили.

— Не будь ты Сиятельной, с таким обвинением тебя бы просто повесили по-тихому. Право на громкую смерть на эшафоте — только у Сиятельных. Ты действительно хочешь лишиться всех прав, дарованных тебе при рождении? — усмехнулась сеньора.

— Потерю права на эшафот я уж как-нибудь переживу, — огрызнулась я. — Я не собираюсь совершать ничего противоправного.

— Разве? А поступление в академию под личиной обычного человека — это ли не обман?

— Я собираюсь вести жизнь обычного человека.

Я проверила зелье. Температура его уже опустилась достаточно, чтобы понять: и цвет, и консистенция — правильные. Я отмерила ровно каплю, с удовлетворением отметив, что вкус тоже соответствовал, остальное перелила в подготовленную бутылочку. Более того, и запах теперь не казался отвратительным, даже захотелось

съесть булочку с корицей. Горячая булочка с корицей, политая сахарной глазурью, прекрасно подошла бы к чашке кофе.

— И надолго ли тебя хватит? — усмехнулась сеньора Лусеро. — Как только поймёшь, чего лишилась, шустро побежишь назад под крылышко доньи Хаго.

— Если на одной чаше весов — жизнь, пусть и обычного человека, а на другой — смерть под соусом привилегий, то ну их к ксуорсам, эти привилегии.

— Смелое заявление. Но ты не представляешь, на что собираешься себя обречь. — Она опять прикусила губу и уставилась в пол. Она молчала недолго: — Когда-то очень давно, я была тоже Сиятельной, а мы с твоей тётёй были подругами, но всё изменилось в один день. После... после него, она стала совсем другой, а я потеряла всё. Моя семья постаралась обо мне забыть, откупившись небольшой суммой. И знаешь, если бы у меня была возможность вернуть Сиятельность хоть на один день, а потом умереть — я бы ею воспользовалась.

«Я знаю немало людей, который отдали бы всю свою жизнь за один день в теле Сиятельного. Я предлагаю тебе мечту». И вот сейчас я вживую вижу человека, для которого это действительно мечта. Несбыточная, и тем самым делающая сеньору несчастной.

— А что у вас случилось? — осторожно спросила я.

— Я не могу этого рассказать, — ответила она и осенила себя знаком Двуетиного. — Да и могла бы, не стала бы. Ни к чему это, ворошить грязные тайны прошлого.

В этом я была с ней не согласна, потому что грязные тайны, связанные с тётёй, представляли для меня особый интерес. «Если маг владеет какой-то методикой, совершенно необязательно её использовать. Иногда знание — только знание. То, что ты приняла за подготовку, может быть использовано во многих ритуалах». Понять бы ещё, было ли это настоящим письмом Эмилио, или обманкой, написанной, чтобы убедить меня в том, чего никогда не было. Теперь, когда у меня при себе, предположительно, мои письма, можно проверить.

— Это был какой-то ритуал?

— Я же сказала, даже могла бы — не стала бы рассказывать, — с раздражением ответила она. — Тебе нужно сейчас не обо мне

переживать, а о себе.

— Вы меня выдадите тётё? — сразу спросила я главное.

— Не знаю. — Она покрутила головой. — Возможно, если бы не смерть твоей горничной, я была бы уверена, что ты всё выдумываешь. Что она могла знать такого, что её лишили жизни?

— Могла выдать похитителя, — предположила я. — Мне показалось, что дон де Монтейо хотел расправиться с ней сразу, но она убедила его в своей полезности, как моей горничной. Когда я сбежала, она стала для него не просто бесполезной, а опасной.

— Возможно, — согласилась сеньора. — Но Селию я бы тоже не исключила.

Похоже, иллюзий по поводу бывшей подруги она не испытывала, хотя и пачкать её имя не хотела.

— Так что вы решили со мной делать?

— Пока ничего. Поживёшь у меня, — она прищурилась с видом «отказ не принимается». — Посмотришь, насколько жизнь Сиятельной отличается от жизни простой горожанки. Возможно, это убедит тебя вернуться лучше тысячи пустых слов.

В принципе, этот вариант меня бы устроил, не виси над головой Дамокловым мечом возможность возвращения в семью. Уверена, если бы не общая неприглядная тайна тётё и сеньоры Лусеро, я бы уже сидела в герцогском особняке. Возможно, если сеньору материально заинтересовать, она станет куда снисходительней?

— У меня есть чем платить за проживание.

— Оставь свои гроши себе, — махнула она рукой. — Не разорюсь, если будешь у меня столоваться.

— Я могу вам помогать.

— Помогать?

— Например, тут. — Я обвела рукой помещение с алхимическим оборудованием, сразу вспомнила, что этим могу подставить сеньору Лусеро. — Или ходить на рынок за продуктами. Могу прямо завтра с утра пойти.

Она насмешливо прищурилась.

— Прямо завтра не получится. Ты совсем не интересуешься новостями?

В библиотеке замка не было подшивок газет, а ведь их наверняка выписывали. Получается, тётя дала указание их от меня прятать.

— Меня от них ограждали.

— Прямо завтра всю первую половину дня никто не должен работать. Рынки в том числе.

Объяснять она не торопилась, пришлось спросить самой:

— Почему? Завтра какой-то праздник?

— Можно сказать, что так. Завтра Его Величество Теодоро Второй со своей невестой едут получать благословение в Главный Храм Двуетного.

— Благословение?

Нет, я знала, что свадьба — дело решённое, но всё равно было весьма неприятно о ней услышать. Если я смогу успешно скрываться, то больше никогда не увижу Теодоро так близко, как в наши последние встречи. Возможно, это и к лучшему: как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Вон из моего сердца, Теодоро, вон! Думаю, если буду это повторять ежедневно, раз по десять утром и вечером, должно сработать.

— Первое из трёх, — пояснила сеньора Лусеро. — Это положенная процедура для любой королевской свадьбы. Удивительно, что ты не знаешь.

— Если бы меня на неё пригласили, я бы непременно всё выяснила, — огрызнулась я. — Я предупреждала, что у меня блок на памяти, могу не знать очевидных вещей.

Она насмешливо хмыкнула.

— Есть хочешь?

— Ужасно.

— Тогда разделите со мной ужин, донья.

Скорее всего, это была ритуальная фраза, ответа на которую я не знала, поэтому просто сказала:

— С превеликим, удовольствием, донья.

— Да не называй ты меня доньей! — взорвалась она. — Я давным-давно потеряла право на это обращение. Зови меня Исабель. Для посторонних ты временно будешь моей племянницей из провинции.

— Хорошо, тётя Исабель, — покладисто согласилась я.

Сейчас за ужин я была готова вообще на всё, точнее, почти на всё. Ничего такого, что унижало честь и достоинство как моё, так и герцогов Эрилейских, я бы делать не согласилась. Впрочем, тётей

сеньора Лусеро оказалась нетребовательной. Накормила меня ужином и отправила опять в ту же комнату, предварительно выдав ночную сорочку и полотенце, чтобы я могла привести себя в порядок после бурного дня.

Оказавшись одна, я наконец достала прихваченные письма как свои, так и дона де Монтейо. Если их разложить по датам, можно узнать, что же беспокоило Эстефанию. Но увы, как я и боялась, те письма, которые были якобы от меня, содержали лишь пустые страницы. Целая пачка конвертов, в которых заложены пустые листы. Вряд ли Эстефания использовала проявляющиеся чернила, а значит, мне пытались подсунуть обманку. Но это могло означать как то, что герцогиня никогда не писала дону де Монтейо, так и то, что её письма на всякий случай он решил приберечь в безопасном месте. Потому что шантажировать надо, имея козыри на руках, а что, если бы я пришла с охраной не только в лице Эсперансы и отобрала бы у него бережно лелеемые доводы в пользу нашего брака?

Я сложила все письма вместе и отправилась изучать местные удобства. Они оказались пусть и не такими шикарными, как в особняке Эрилейских, но для меня вполне современные и понятные. Я даже ванну наполнила без указаний хозяйки дома. Возможно, она рассчитывала, что я приму только душ, но я решила успокоить нервы единственным доступным способом. И нервы успокоились до такой степени, что я чуть не уснула в ванне. Странное дело, я проспала почти весь день, но сейчас меня опять неудержимо клонило в сон. Плохо, если это последствие приёма моего средства, а не порошка Эмилио.

Но из ванны я выбралась и нырнула под одеяло, лёгкое, но тёплое. Пусть все трудности останутся в этом дне, а на этот дом падёт благословение Двуетного. Оно ему куда нужнее, чем королевской чете...

Глава 22

Утром я проснулась бодрой и отдохнувшей. Довольно рано проснулась, поэтому некоторое время просто лежала и пялилась в потолок, размышляя, с чего сеньора Лусеро оказалась столь добра ко мне. Эйфория вчерашнего дня ушла, а с ней вера в то, что сеньора помогает всем по доброте душевной. Доброты душевной в Сиятельных не замечала, а сеньора была плоть от плоти Сиятельных, пусть и утратила некоторые внешние признаки, а с ними и положение.

Пока её мотивы мне были неизвестны, но это не значит, что их нет. Даже вариант с обогащением не стоило отклонять: возможно, она рассчитывала, что сумма за информацию вырастет. Откуда мне знать, сколько обычно платят за пропавших герцогинь? Возможно, тётя решила обойтись небольшими деньгами для начала. Ещё не стоило отбрасывать вариант мести бывшей подруге тем или другим способом.

Впрочем, сеньора могла и пожалеть мелкую дурочку, тыкнуть её носом в отличия жизни между простыми людьми и Сиятельными. Чтобы та сама поняла, что свалила дурака, сбежав от герцогства и отринув Сиятельность. Но сеньора не учла, что для меня воспоминания Эстефании были чужими, куда важнее были мои собственные, которые уже начинали казаться временами чем-то нереальным. А временами казалось, что я сплю и всё происходящее — всего лишь увлекательное авантюрное сновидение.

Как бы то ни было, мне захотелось отблагодарить сеньору Лусеро за помощь. На рынок сходить не получится, но я же смогу организовать завтрак. С этими мыслями я отправилась искать кухню. Конечно, хозяйка мне не разрешала ею пользоваться, но и не запрещала. Попробуй запрети что-нибудь герцогине — это только король имеет право делать. При мысли о Теодоро в груди появилось неприятное тянущее чувство, которое срочно требовалось чем-то заесть.

Кухня нашлась на первом этаже, но выглядела подозрительно необитаемой, если так можно сказать о кухне. Не было там милых хозяйскому глазу мелочей: прихваток, вышитых полотенец, всяких придамбасов для готовки. На плите стояла одинокая турка, которая

здесь, несомненно, называлась по-другому, но как — не вспомнилось. Не сталкивалась Эстефания раньше с этой штуковиной. Кофе ей приносили в кофейнике, а как его готовят, она не видела. Помнила только, что распространение кофе пошло по материку как раз с Муриции. Там была турка, а тут стала мурка... Мур-мур, кофе. А что, мне нравится... Боюсь, правда, что местные жители не оценят креативности моего словообразования и оставят старое название.

На столе нашлась полная сахарница. Шкафчики были полупустыми, а ёмкости, что в них стояли, — пустыми полностью, за исключением мешочка с кофейными зёрнами и банки с солью. Последняя была заполнена доверху, и не мудрено: по ней сразу становилось понятно, почему соль называют каменной — представляла она из себя тяжеленный конгломерат, отковырять от которого хоть крошку без помощи магии казалось невыполнимой задачей.

Но отковыривать и смысла не было: из одних соли с сахаром завтрак не сделаешь. Кофе — хорошая штука, но им не наешься. Но ведь кормили же меня вчера, это мне не приснилось. Вот на этих самых тарелках с растительным орнаментом и кормили. Загадка, однако...

— Проголодалась? — раздалось насмешливое с порога.

Сеньора Лусеро была при параде, даром что только что встала — по ней и не скажешь. Наверное, использует заклинания-заготовки для укладки волос, иначе провозилась бы она со своей сложной причёской до полудня. Но выглядит элегантно, этого не отнять.

— Доброе утро, тётя Исабель. Хотела порадовать вас завтраком, да вот незадача — делать его не из чего.

— Завтраком? Только не говори, что ты его собралась собственноручно готовить, — недоверчиво прищурилась сеньора. — С каких это пор Сиятельных учат таким вещам?

— Так это Сиятельных. А нам, бедным племянницам из провинции, положено уметь готовить.

Она насмешливо улыбнулась.

— Знаешь, дорогая, меня не тянет пробовать твои кухонные эксперименты. Мне приносят еду из ближайшего трактира. Надеюсь, что и дальше ничего не изменится.

— Но я не хочу питаться едой из трактира, это получится дороже, чем если бы я готовила сама.

— Меня не затруднит платить за двоих. Не так много ты съешь, чтобы об этом переживать. А вот как к тебе обращаться, чтобы не выдать, вот это — действительно важный вопрос.

— Да так и обращайтесь — Эстефания. К чему усложнять? Эстефания Лусеро, племянница вашего мужа.

— Я не была замужем, — недовольно ответила она.

— Почему? — удивилась я. — Вы такая красивая женщина, и вдруг не были замужем?

— Чтобы ты понимала. — Разговор ей был явно неприятен, но тем не менее она его избегать не стала. — Сиятельными я была не интересна, а обычные люди... они слишком обычные для тех, кто общался с Сиятельными.

— Вот уж глупости, — не удержалась я. — Что за снобизм на пустом месте? Сиятельные и обычные люди почти ничем не отличаются. Даже магия встречается у обычных людей.

И судя по тому, что для консультации не всегда приглашают Сиятельных, в силе магии обычные люди ничем не уступают. Единственное существенное отличие Сиятельных — некая особенность, делающая их в глазах окружающих невыразимо притягательными.

— Но они никогда не бывают такими красивыми, — мечтательно вздохнула сеньора.

— Вся эта красота — обычный флёр, который слетает, если Сиятельного что-то выводит из себя, и тогда они становятся не красивыми, а страшными. Так что я не вижу причин тому, что вы так и остались одна.

— Что бы ты понимала! — взорвалась сеньора Лусеро. — Моя семья никогда бы мне не простила, свяжись я с кем-то не своего круга.

— Простите, донья, а так они постоянно с вами общаются и вам помогают? Что-то я не могу взять в толк, ради чего вы испортили свою жизнь.

Сеньора Лусеро открыла было рот, чтобы ответить мне чем-то столь же едким, но почти тут же закрыла. Видно, отвечать было нечего.

— А ведь наверняка за вами ухаживали, и не один сеньор. Толпами бегали.

— Не преувеличивай, — почти польщённо сказала она. — Конечно, ухаживали, не без этого. Но разве я могла с кем-то из них связать свою жизнь?

— А почему нет? Если человек хороший?

— Эстефания, тебе не кажется, что разговор у нас ушёл в ненужную сторону? Куда-то совсем не туда?

— Разговоры часто заходят куда-то не туда. Мне всё-таки кажется, что племянницей я могу быть только вашего мужа. На вас я не похожа, а соседи могут не знать, что вы не были замужем.

— Они считают меня вдовой, — согласилась сеньора. — Дом я купила совсем недавно, когда удалось накопить достаточно денег.

— Ну вот, значит, я — Эстефания Лусеро. Мне нравится.

— Нравится ей, — проворчала сеньора Лусеро, тем самым намекая, что ей такой вариант совсем не по сердцу.

Но больше она ничего не успела проворчать, потому что в дверь постучали. Это оказался посыльный из трактира. Моя «тётя» приняла у него несколько горшочков и выдала пустые которые стояли в прихожей, а затем расплатилась. Еду она заказывала на двоих.

— По обеду... — важно начала она.

— На обед сегодня тоже рыбный пирог, сеньора. В честь благословения пары Его Величества только еда, угодная Двуетиному.

— Ещё и приготовленная с вечера...

— А как же иначе? — удивился посыльный. — Мы чтим все заветы.

Не зря меня насторожило слово «тоже» в ответе посыльного, потому что на завтрак оказался рыбный пирог, обещанный нам и на обед. Могли бы сразу принести и на завтрак, и на обед, и на ужин. Вряд ли сам Теодоро так соблюдает заветы, как его подданные, которым не посчастливилось родиться Сиятельными.

Впрочем, пирог был неплох, что меня примирило с необходимостью есть его целый день. А уж кофе, приготовленный сеньорой Лусеро, вообще оказался божественным. Я наслаждалась каждым глотком, но моё блаженное состояние было безжалостно прервано вопросом.

— Что собираешься делать?

Пришлось открывать глаза и возвращаться в реальность.

— Я хотела пойти в библиотеку. Но сегодня она не работает. Так что посмотрю, как Его Величество будет посещать Храм.

— Что в этом интересного? — удивилась сеньора.

— Я девушка, приехавшая из провинции, мне всё интересно. Чай, короли не каждый день женятся.

Она рассмеялась.

— Даже сеньориты из провинции, если они из приличной семьи, не будут толкаться в толпе. Если тебе так интересно взглянуть на королевскую невесту, то противоположная сторона дома как раз выходит на улицу, по которой поедет кортеж.

В её голосе слышалось лёгкое пренебрежение, но к чему оно относилось было непонятно. Возможно, к моему интересу, а возможно, к самому факту королевской свадьбы. В любом случае, я посчитала неразумным портить с ней отношения, не имея возможности изменить внешность.

— Разумеется, интересно, тётя. Где бы я у нас в провинции могла бы увидеть королевский почти свадебный кортеж?

Она неопределённо хмыкнула и поманила меня за собой. На противоположную сторону выходили только окна гостиной. И думаю, сеньора бы озолотилась, продавая места за нашими окнами, потому что в остальных торчали целыми компаниями, а уж народа на улице было, как будто они никогда принцесс не видели. Конечно, я могла себя утешать, что людям, в сущности, всё равно, на что смотреть, и что на моей казни наверняка было народа не меньше. Но утешалось слабо. В голову постоянно лезли мысли, что на месте этой принцессы должна быть я. В качестве компенсации за всё, что вынесла по вине королевского дома.

Ждать пришлось довольно долго. Сеньора Лусеро устроилась с книгой в кресле, показывая, что ей вовсе неинтересны вопли за окном. Я же опасалась, что как только отойду от окна, кортеж сразу проедет мимо. Почему-то казалось важным увидеть Теодоро. Очень важным.

Я стояла за занавеской, чтобы не позорить названную тётю, но от этого ждала не меньше, чем те, кто почти выпадали из окон, держа в руках охапки роз.

— Королей положено забрасывать цветами?

— На всех мероприятиях, касающихся свадеб, — неохотно пояснила сеньора Лусеро. — На всякий случай хочу предупредить: я против разорения моих горшков.

Я посмотрела на чахлую герань, которая не слишком украшала окно, и подумала, что её точно не буду бросать: посчитают за оскорбление, даже если брошу без горшка. А уж если с ним — покушением. Нет, спасибо, знаем, проходили. Обойдётся Теодоро без цветов с моей стороны. В конце концов, это девушкам дарят цветы мужчины, а не наоборот.

Шум усилился, и сеньора Лусеро неожиданно оказалась за моей спиной.

— Подъезжают, — сказала она.

Но это я уже и сама заметила. Кортёж был ещё далеко, но уже был виден его авангард. Впереди на белых конях с плюмажами ехали бравые офицеры из Сиятельных. То есть я решила, что офицеры, потому что на всех была одинаковая форма, с еле заметно отличающимися знаками, а в обычные солдаты Сиятельные не пойдут. Не солидно. Лошади шли медленно, практически гордо вышагивали, словно понимая, какую важную роль на них возложили.

— Сколько пафоса, — невольно вырвалось у меня.

— Королевская свадьба, что ты хочешь?

Коляска, в которой ехала венценосная пара, было ещё далеко, но платье невесты Теодоро, светло-голубое, с жёсткими кружевными воротником и манжетами, уже можно было разглядеть, чем я и занялась, придя к выводу, что моё, в котором я чуть не рассталась с головой, выглядело куда лучше. Можно сказать, в нём я больше походила на принцессу, чем невеста Теодоро. Лишь после этого я перевела взгляд на её лицо и удивлённо выдохнула:

— Она же не Сиятельная.

— А ты не знала? — в свою очередь удивилась сеньора Лусеро. — Про это столько говорили. Слишком много противников этого брака было, но сторонники победили.

— Почему?

Я не отрывала взгляда от пары и начинала понимать, почему сеньора Лусеро говорила с такой тоской о несбывшихся надеждах: рядом с Теодоро симпатичная девушка казалась бледной молью рядом с тропической бабочкой. Такой союз выглядел противоестественным.

— После смерти короля Теофрении страны будут объединены. Это выгодно и нам, и им.

— Нам-то понятно, а им почему?

— Как почему? А влияние Сиятельного монарха на подвластную землю?

— Там Сиятельных аристократов не хватает?

Я внимательно выслушивала ответы сеньоры Лусеро, а сама не отрывала взгляда от Теодоро. Он приветственно улыбался подданным в одну сторону, невеста не менее приветственно — в другую. Между ними словно стояла стена, незримая, но оттого не менее прочная. Они не выглядели счастливой парой. Да что там — они вообще парой не выглядели.

— Не хватает. В Теофрении их выбили, — подтвердила сеньора Лусеро. — С тех пор они постоянно страдают то от неурожаев, то от наводнений. Месть Двуетиного.

— Скорее, других Сиятельных, чтобы прецедента не было, — возразила я.

— Нет, милая, именно Двуетиного. Кровь Сиятельных тесно связана с их землёй, это даже маленькие дети знают.

Я чувствовала её взгляд на своём виске, тяжёлый взгляд человека, подозревающего обман.

— Я говорила, что после пребывания в королевской тюрьме у меня в голове обнаружился блок, я не помню иной раз простейших понятий.

— Но как можно забыть базовые вещи?

— Я могу только радоваться, что не разучилась есть и дышать, а то с Бласкеса бы случилось лишить меня и этого. Хотя специалисты утверждают, что это не он.

— Селия, — бросила сеньора Лусеро. — Точно она, больше некому. И специалистов наверняка своих прикормленных приглашала?

И столько было убеждённости в её голосе, что я чуть сама не поверила в эту версию, хотя точно знала, кто это сделал и зачем.

— Один — да, был от неё. А второго привёл Его Величество Теодоро.

Словно услышав своё имя, король повернулся и недоумённо начал водить глазами по стороне своей невесты, напрочь её игнорируя. Это выглядело даже неприлично. Но народ с этой стороны словно

обезумел: в коляску летели охапки цветов, которые чуть не вынесли теофренийскую принцессу на мостовую. Улыбку её, которая и раньше казалась протокольной, сейчас стала совершенно вымученной. Принцесса что-то сказала Теодоро, тот напоследок мазнул по стене нашего дома взглядом и неохотно отвернулся. Невесте он так ничего и не ответил.

Глава 23

Кортеж проехал, оставив за собой месиво из раздавленных цветов. Почему-то стало жалко не только их, но вообще всех: и себя, что так бездарно трачу выданную новую жизнь, и Теодоро, который жертвует собой ради объединения стран, и принцессу сопредельного государства. Принцессу было особенно жалко, при других вводных она могла бы рассчитывать на счастье в браке: красивая, хорошо воспитанная, умеющая держать себя на публике — но в паре с Сиятельным она терялась, становилась чем-то незначительным, не заслуживающим не только монаршего внимания, но и народного.

— А как же дети? — неожиданно даже для себя спросила я.

— Ты про Теодоро? — уточнила сеньора Лусеро. — С высокой вероятностью у них могут родиться Сиятельные. В любом случае наследовать будут только они. Это записано в брачном договоре, если ты вдруг не знала. Наши доны затребовали это обязательным пунктом. Им невыносима даже мысль, что они могут оказаться во власти обычного человека.

— Меня мало интересовал чужой брачный договор. Беспокоиться пришлось, чтобы свой собственный не появился. Точнее, он появился, с графом Нагейтом, но король в конце концов передумал.

Решил не делать всех вокруг несчастными, раз уж самому не повезло. Впрочем, в королевских браках везение — понятие относительное. Не повезло с супругой, зато повезло с землями. Глядишь, потомок Теодоро объединится ещё с кем-нибудь, а там и до империи недалеко. Империи, в которой я почти никаких прав иметь не буду. Мысль резко перестала нравиться.

— Граф Нагейт — не такая плохая кандидатура, — заметила Сеньора Лусеро. — Молодой, богатый, красивый.

— Это он-то молодой? — скептически спросила я. — Он уже успел одну жену угробить.

— Это случайность.

— Не хочу стать закономерностью, — отрезала я. — Тётя Исабель, вот вы прекрасно обходитесь без мужа: красивая, независимая.

— Но одна, — она вздохнула и в голосе была такая неизбывная тоска, что мне её тоже стало очень жалко, но я всё же ответила:

— Это был ваш выбор, сеньора.

— Мой выбор? Ты шутишь? Кто бы дал мне его сделать? — проворчала она. — Хочешь пойти по моему пути?

— Почему бы нет? Это интереснее, чем падать с лестниц со смертельным исходом.

Она рассмеялась.

— Кажется, мне не удастся убедить тебя вернуться.

— Разговорами меня не убедить, только силой, — ответила я. — Надеюсь, в ваших планах этого нет?

— В моих планах нет подарка Селии. — По её губам скользнула неприятная усмешка. — Может, ты пока не знаешь, но из бывших подруг часто получают злейшие враги. Не могу сказать, что я Селии враг, но и добра ей не желаю.

Что же такого случилось в тот далёкий день, что сеньора Лусеро так и не смогла это отпустить? Понятно, что на прямой вопрос она не ответит, но можно попытаться выяснить не совсем в лоб.

— Вы сказали, что она очень изменилась. В чём это проявилось?

— Её перестало интересовать всё, не касающееся семьи Эрилейских. — И резко обрубая все дальнейшие вопросы, она спросила: — Что собираешь делать дальше?

— Для начала схожу в библиотеку. Есть же в Труадоне публичная библиотека?

— Есть.

— Так вот, схожу туда и изучу информацию про различия магических учебных заведений.

— Теперь верю, что ничего не помнишь. Ибо стоило ли убегать, чтобы тут же идти прямо в руки страже?

— Почему страже? — опешила я.

— Потому что в публичных библиотеках не может быть литературы по магии. Ты сама себя выдала бы.

— Но это не по магии... Просто культурные различия. — Она насмешливо щурилась, с трудом сдерживая смех, и я добавила: — Различия в клятвах. Возможно, в Теофрении не такие жёсткие правила приёма, как тут.

— Ты про клятву для Сиятельных?

— Именно для Сиятельных? — я удивилась. — Я думала, для всех магов.

— Нет, только для Сиятельных. Для обычных магов клятва куда проще. А в Теофрении этих различий вообще нет, потому что там нет Сиятельных.

— То есть клятва типовая во всех странах?

— Более-менее, со своими особенностями в каждой стране. Непринципиальными. Поэтому выбирать место учёбы, ориентируясь на клятву, глупо.

— Я бы хотела находиться подальше отсюда.

— Очевидный ход. Селия наверняка уже заготовила ловушки на всех границах. Одинокая девушка без документов, выезжающая, чтобы учиться магии в чужой стране — чего проще?

— Я могу задекларировать другую причину.

— Задекларировать можешь, — снисходительно согласилась она. — А документы где возьмёшь?

С документами была конкретная подстава. Подозреваю, что у Сиятельных их не спрашивали, а вот обычных людей ущемляли, как только можно.

— Вы мне поможете сделать.

— Я? — она рассмеялась. — Не наглай. Я законопослушный алхимик. Подлогами не занимаюсь.

— Какой подлог? Племянницу обокрали, умыкнув в том числе и документы. Вы просто поможете их восстановить.

Я состроила умоляющую физиономию, которая, впрочем, не произвела на сеньору Лусеро никакого впечатления.

— Если ты собираешься поступать в Труадоне, то просто назовёшь имя, — лениво протянула она. — Никаких подтверждающих документов от тебя не потребуют. Клятва привязывается к человеку, а не к документу. А вот попытайся ты уехать, нужна справка из муниципалитета. И здесь я тебе не помощник.

— Но поступать в университет Труадона? Это достаточно предсказуемо.

— Не больше, чем бежать за границу.

Сеньору Лусеро разговор явно забавлял. Она не воспринимала всерьёз ни меня, ни моё желание расстаться с Сиятельностью, ни моё стремление учиться. Для неё мой побег был блажью, которая рано или

поздно закончится. Рано было не в её интересах, поскольку ей хотелось, чтобы бывшая подруга подольше побегала в поисках племянницы. Но и зла мне она тоже не желала.

— То есть я просто прихожу в университет и записываюсь? Любой желающий так может сделать?

— Любой, у кого достаточный уровень магии для обучения. Там проверят, можешь не переживать.

— Понятно, — я вздохнула. — А какие книги я могу брать в библиотеке, не вызывая подозрения?

— Романы, как и положено девице в твоём возрасте.

— А если я захочу взять труд по истории?

— То это сразу узнает твоя тётя. Труды по истории приравниваются к трудам по магии и не хранятся в публичных библиотеках. Только в Сиятельных домах или университете.

Значит, в библиотеку путь заказан. Интересно, что же там такого случилось, что история под семью замками и выдаётся только после клятвы?

— А школьные учебники?

— Двуетидный, ты собираешься учить историю по школьным учебникам? — Она расхохоталась, став при этом необычайно живой. — Эстефания, школьные учебники переписываются при каждой смене власти.

— Проблема в том, что я не знаю даже школьного минимума. Возможно, у вас что-то есть?

Я была терпелива. Мне нужна информация, и я её получу в том или ином виде.

— У меня — нет. Я в это не лезу и тебе не советую. Но от прежних владельцев дома могло что-то остаться. На чердаке есть книги и подшивки газет. Хочешь ознакомиться?

— Конечно, — обрадовалась я.

— Лестница на чердак налево по коридору.

Сеньора Лусеро потеряла интерес к разговору и опять устроилась в кресле с книгой. Я думала, она отправится готовить зелья на продажу, но, похоже, запрет на работу касался и её. Или она хотела полюбоваться на пару после благословения? Вот уж чего не хотела я. В конце концов, при желании это можно будет сделать без присмотра через слуховое окошко чердака.

Но увы, выяснилось, что слуховое окошко выходило только на торговые ряды, поэтому Теодоро мне сегодня больше было не суждено увидеть. Я решила, что это к лучшему, и с энтузиазмом закопалась в ошмётки книг и газет, которые до меня старательно изучали мыши. Так старательно, что наверняка могли ответить на все вопросы школьной программы. Впрочем, понять, что именно они изгрызли, не представлялось возможным, настолько мелкая труха осталась от книг. Может, это были учебники, может, романы, которые мне так старательно рекомендует сеньора Лусеро, а может, вообще книги по магии. Хотя последнее вряд ли: книги по магии магией же и защищаются.

А вот подшивки газет мыши не тронули. Возможно, потому что те лежали высоко и совершенно не пахли съестным. Даже сейчас от газетных листков ощутимо несло краской. Или это была специальная пропитка? К примеру, от мышей. Но почему тогда ею не пропитывали книги?

Я задумчиво листала газетные страницы, приходя к выводу, что Сиятельные существовали отдельно, а обычные люди — отдельно, потому что новостей, касающихся Сиятельных, было исчезающе мало. Даже заметок о браках, рождениях и смертях не было, поэтому, скорее всего, у Сиятельных имелась своя пресса.

Но читать газетные заметки оказалось довольно интересно, особенно те, что касались городских происшествий: этакий срез обычной жизни, в которую мне вскоре предстоит погрузиться. К сожалению, подшивок было немного, и через пару часов я вынужденно спускалась с чердака. Нашла ли я что-то интересное? Однозначно, да, хотя и не то, что хотела.

— Ты вовремя, — приветствовала меня сеньора Лусеро. — Я как раз собиралась звать тебя обедать.

— Посыльный из трактира уже приходил? Я не слышала.

Тут я поняла, что не слышала, и как Теодоро с невестой возвращались. А ведь это наверняка проявлялось куда более шумно, чем приход посыльного. Последнего радостными воплями никто не приветствовал — сеньора Лусеро для этого слишком хорошо воспитана. Или недостаточно голодна.

— Как раз только что, — улыбнулась она. — Так что ничего не успело остыть.

— Разве что если разогрев не считается работой, — заметила я. —
Иначе нам опять давиться холодным пирогом.

— Будет нормальный обед. Благословения не случилось, — со
странным прищуром сказала сеньора Лусеро.

— Что?

— В Храме Двуетного на пару не снизошло благословение, —
повторила она.

— Да быть того не может, — изумилась я. — Не поверю, чтобы
маги на этот случай ничего не припасли. Если бог забывает про паству,
маги должны стоять на страже интересов короны.

— Не богохульствуй, — она дёрнулась ко мне, с намерением
стукнуть по губам, но её рука застыла буквально в паре сантиметров
от меня. — С вопросами веры шутить нельзя.

— Я думала, что маги не пускают вопрос благословения короля на
самотёк, — ответила я, удивлённая её горячностью. — Двуетный
может быть чем-то занят, а отсутствие благословения на королевской
помолвке — дурной знак.

— Вот именно, дурной знак. Подделывать благословение — себе
дороже, плохо заканчивается как для правителя и его страны, так и для
имитаторов, — пояснила она. — Нет, дураков нет так подставляться,
даже не из Сиятельных не найдутся.

— И что теперь?

— Свадьбы не будет.

— Но она же нужна Муриции и Теофрении?

— Значит, Теофрения ещё не искупила вину перед Двуетным.
Возможно, если на их земле опять появятся свои Сиятельные...

Которые могут быть только потомками Сиятельных из соседних
стран...

— Как-то со стороны Двуетного это не совсем благородно.

Сорвавшийся брак Теодоро меня не расстроил. Только принцессу
было немного жалко. Но, возможно, для неё это будет к лучшему:
найдёт себе другого Сиятельного, брак с которым благословит
Двуетный? Или не Сиятельного... Короче говоря, я была полностью
за то, чтобы предоставить принцессе право выбора. Лишь бы в
ассортименте не было Теодоро.

— Боги и не обязаны быть благородными. — Сеньора Лусеро
осенила себя знаком Двуетного, я последовала её примеру, уж очень

пристально она на меня смотрела. — Не дано нам понять божественные замыслы. Двухединный милостив, но мы, смертные, этого не всегда понимаем.

— И что теперь будет делать Теодоро? — спросила я. — Он на этот брак возлагал определённые надежды. И не только он — вся страна.

— Будет ждать знака, — ответила сеньора Лусеро. — Как ты сказала, королевские свадьбы не пускают на самотёк, особенно при таких неприятностях с помолвками.

— То есть это уже не первая?

— Вторая. — Она опять прищурилась словно раздумывая, говорить мне или нет. — Смотрю, все важные новости прошли мимо вас.

— Просто у тётки интересы были направлены не в сторону Муриции.

— Вот как? Самой не получилось, так племянницу пристроить?

— Вы о чём, сеньора?

— Называй уж меня тёткой, чтобы не путаться, — бросила сеньора Лусеро. — Я о том, что твоя тётка чуть было не вышла замуж за наследного принца Варенции. До помолвки дело не дошло, но переговоры были. Мы тогда с ней ещё дружили, поэтому я в курсе. Даже какие-то обследования Селия проходила.

— Обследования?

— Наследные принцы не женятся на ком попало. Помимо хорошего происхождения, невеста должна быть здорова, способна к деторождению и невинна.

— У графини Хаго не было детей, — припомнила я.

А ещё я припомнила, что на родовом древе Эрилейских это была не первая тупиковая веточка. Время от времени дамы из этого семейства не имели наследников, правда, и не всегда при этом они были замужем.

— Возможно, дело не в Селии, а в графе Хаго, потому что переговоры продолжались и после обследований.

— Почему тогда помолвки не случилось?

— Дружбе настал конец, а с ней — моей информированности о жизни Селии, — отрезала сеньора Лусеро, которой разговор чем дальше, тем меньше нравился. — Мы собирались обедать, не так ли?

А потом... Я нашла учебник по этикету, знание которого у тебя
хромает.

Глава 24

На рынок я всё-таки выбралась, пускай и не на следующий день, а через несколько, когда сеньора Лусеро убедилась в моей разумности. Правда, она сопротивлялась не только моему желанию прогуливаться по рынку, но и моему желанию готовить, но я ей предложила сначала попробовать, а потом решать. Она поджала губы и недовольно кивнула, а я поняла, что для неё кулинария в исполнении Сиятельной — верх неприличия. Слишком сильно в ней укоренилось благоговение перед той частью общества, места в которой её лишили.

Ещё я поняла, что она меня рано или поздно выдаст, если будет знать где я, потому что к такому решению приведёт вдолблённая с раннего детства уверенность в Сиятельном превосходстве и в том, что его нельзя подвергать опасности. А сейчас я подвергала.

Но если она не будет знать, где я, то непременно промолчит о том, что я останавливалась в её доме. Потому что одно дело — с видом превосходства сообщить бывшей близкой подруге, что племянница находилась всё это время в безопасности и под присмотром, а сеньора Лусеро всего лишь хотела убедиться, что на Эрилейских работают лучшие из лучших специалистов. И совсем другое дело — сообщить «милой Селии», что дала передышку девушке, которая рванула дальше.

Вопрос «Куда дальше?» зудел в голове постоянно. Потому что поступать в местный университет — однозначно идея провальная, но и выбраться за границу без документов представлялось проблематичным. Выезжать придётся официально. Варианты с переходом границ где попало я не рассматривала, они были слишком опасными со всех сторон: одинокой девушке уже не Сиятельной наружности связываться с криминальными личностями не стоило. Да и где их взять, этих криминальных личностей? Сеньора Лусеро наверняка знала, потому что визитёры к ней приходили и по ночам, а законопослушные личности по ночам спят. Так что она наверняка торговала с незаконнослушными и чем-то запрещённым. Но то, что она знала местный криминал, не наделяло знанием меня. Поэтому я выучила расписание дилижансов, станция которых была совсем

недалеко от лавки сеньоры Лусеро, но пока не рисковала ехать до границы с Варенцией или Теофренией, где могла застрять намертво, не зная, как пересечь. Конечно, ещё существовали морские маршруты в другие страны, но не думаю, что там проверок нет. Вариант телепорта я отбросила напрочь, поскольку не могла предсказать, как поведёт себя моя личина после перемещения.

Размышляя на эту тему, я двигалась вдоль прилавков с овощами, присматривая подходящие на гарнир к кролику, тушка которого уже лежала в плетёной корзинке, как вдруг заметила знакомую физиономию: мальчишки, который меня направил к сеньоре Лусеро. В душе появилась надежда, что эта встреча не просто так и что мальчишки — создания такие, кто знает всё. Надежда укрепилась ещё тем, что я обнаружила, что он ловко срезал кошелёк нарядной барышни, с которой рядом тёрся, делая вид, что увлечён видом выложенных на прилавок румяных яблок, после чего ввинтился в толпу, явно смываясь с места преступления, пока преступления никто не заметил.

Настигла я его в ближайшем переулке, где он потрошил добычу.

— Тебе не говорили, что воровать — плохо? — вкрадчиво спросила я.

Пацан дёрнулся, но я уже крепко ухватила его за плечо.

— Теофрениек можно, — убеждённо ответил он. — Они Двуетиному неуютны. Значит, те, кто их обворовывает, совершают богоутодное дело.

— А стража тоже так считает?

— Что сразу стража-то? — заныл он было, но тут же успокоился. — Вообще, да. Поругают малость и отпустят. Потому что теофренийка же, не наша.

— У неё что, на спине написано, что она теофренийка? — насмешливо спросила я. — У девушки платье точь-в-точь как у меня.

Тут я себе однозначно польстила, потому что у обворованной особы, возраст которой со спины определить можно было только приблизительно, платье отличалось куда лучшим качеством ткани и пошива.

— У неё в кошельке только подорожная, — разочарованно шмыгнул носом пацан. — Ни одной монетки. Вот.

Он протянул мне кошелёк, чтобы я убедилась, что тот пуст. Бумагу он держал в другой руке и явно собирался её выбросить.

— Погоди-ка, дай взглянуть на подорожную, — скомандовала я.

Подорожной оказался вариант паспорта с приметамы, которые были столь размытыми, что нашлись бы даже у меня: глаза — голубые, волосы — светлые, родинка слева над губой. Положим, родинку я могла и свести...

Мальчишка под рукой опять дёрнулся в надежде, что я потеряла бдительность.

— Погоди, дело есть, — сурово сказала я. — Сложно восстановить такой документ?

— Да чего сложного-то? — буркнул мальчишка. — Он же не магичный. Придёт к своим в консульство со свидетелями, которые её личность подтвердят, и получит новую бумагу. Штраф заплотит, и усё. Но штраф большой. А нечего вместо денег в кошельке бумажки никому не нужные таскать.

В его голосе прорезалось злорадство. Надо же, какие плохие чувства вызвала у него бедная девушка. Интересно, здесь всегда не любили теофренийцев или это случилось после фиаско в храме, когда принцесса и Теодоро не получили благословения? А по поводу отсутствия магии на бумаге он неправ: печать фонит, и очень сильно. Но только печать, остальная часть документа в этом плане чистая.

— А внести изменения в эту бумагу можно?

— Это что?

— Вписать другое имя можно?

— А чего нельзя то? Дядько Гнус и не такое может.

Прозвище было поганым, но возможно, назвали сеньора так, потому что он был чересчур дотошным, а не потому что был гадом.

— Отведи-ка меня к этому дядьке.

— С чего бы? — спохватился он. — Он посторонних не любит.

— А с того мил друг, что либо ты ведёшь меня к дядьке Гнусу, либо я тебя — к страже.

Пацан опять дёрнулся, но уже обречённо: понял, что хватка у меня крепкая. А ведь я даже ничего из магических навыков не использовала. Не привыкла, однако.

— Лучше к страже, — неожиданно решил он.

— Чего к страже? — удивилась я. — Я заплачу твоему Гнусу за внесение изменений, не даром же ему работать.

— Ага, — шмыгнул он носом, но сомневаться продолжил. — А потом он мне заплатит. Последнюю, так сказать, плату.

— Слушай, мне нужны фальшивые документы. Позарез, — проникновенно сказала я. — Вопрос жизни и смерти. То есть ещё пара дней — и уже точно смерти. Я не собираюсь сдавать ни тебя, ни Гнуса. Ты приведёшь ему клиентку, он тебе ещё и процент со сделки будет должен.

Вряд ли мальчишка проникся моим жалким положением, потому что прошёлся по мне оценивающим взглядом и спросил:

— А чем платить-то будешь? Ты на богачку не похожа.

— У меня есть чем, — уверила я. — Хватит твоему дядьке.

— Если обманешь, падёт на тебя проклятие Двуетиного, — мрачно сообщил он.

Я вздохнула, вытащила мелкую монетку и вручила ему, после чего он неохотно двинулся из переулка, зыряка на меня как загнанный зверёк.

Я шла за ним, ни на миг не расслабляясь, и размышляла, не могу ли я что-то из своего арсенала использовать для подделки. Надпись удалить могла, это да, но дальше всё упиралось в то, что я не способна создать достоверную подделку. Совесть, подгрызающую меня сразу по двум направлениям: кража чужого документа и подталкивание пацана на путь воровства — я успокаивала тем, что если мне сбежать не удастся, то ей скоро грызть будет некого. Что же касается девушки, то любой урок, даже такой неприятный, полезен. А пацана воровать отправляла не я.

Отошли мы от рынка довольно далеко, дома стали меньше, но не перестали быть аккуратными, и я даже удивилась, когда мы свернули к одному, перед которым буйствовал цветом куст, названия которого я не знала. Совсем этот домик не походил на жилище преступного элемента. И тем не менее мы пришли по адресу. Мальчишка стукнул в дверь и сразу её распахнул, не дожидаясь ответа.

— Дядька, я тебе клиентку привёл! — радостно заорал пацан с порога.

Гнус, невысокий, плотный мужик со взглядом исподлобья, посмотрел на нас безо всякой радости.

— Малёк, какую клиентку? — процедил он. — Я ничего не продаю.

— Мне нужны ваши услуги как художника, — воодушевлённо сообщила я. Воодушевлённо, потому что он выглядел в точности как искомая криминальная личность.

— Какого ещё художника?

— По замене надписи на бумаге. Вы написали, забыли что и получили вот это.

Я показала кольцо с изумрудом. Стоило оно наверняка дороже, чем услуги дядьки Гнуса, потому что глаза его сразу загорелись жаждой обладания, но вслух он сказал:

— Ворованное, поди?

— Моё личное, — отрезала я. — Имею право продать, обменять, подарить. Могу поклясться чем угодно и где угодно.

Слова были не пустыми, и Гнус это понял.

— Погодь, — неожиданно прищурился он. — Ты племянница Лусеро, так?

«А вы один из её ночных посетителей?» — хотелось спросить, но я вместо этого благоразумно намекнула:

— Тёте о наших делах знать не надо. Тайна входит в оплату.

— Малёк, вали. Не для твоих ушей разговор, — буркнул Гнус. — Ты никого не приводил, и вообще сеньориту не видел.

Я неохотно убрала руку с плеча проводника, и тот рванул на улицу, прикрыв за собой дверь плотно-плотно. Но за дверью не остался: я услышала, как прогрохотали его шаги по крыльцу.

— Не боишься, что я тебя того, а цацки заберу? — неожиданно спросил Гнус. — У тебя ж наверняка не одно колечко.

— Зато у вас одна жизнь, — намекнула я, создавая в руке небольшой, но яркий огонёк. — Так что давайте, вы выполните мою просьбу и мы расстанемся в уверенности, что никогда друг друга не видели.

Сделала я опять наверняка что-то не то, потому что в глазах фальшиводокументчика появились сначала понимание, а потом страх. Но с эмоциями он справился быстро.

— Чего надо-то? — недовольно спросил он.

Я выложила перед ним подорожную.

— Вписать другое имя и мои приметы. Текст могу убрать.

Он покрутил головой.

— У меня есть чистые бланки. Впишу всё, что нужно.

— А меня с ним на границе не задержат?

— Обижаете, сеньорита магесса. Всё в лучшем виде сделаю.

Он вынес из соседней комнаты несколько разных бланков с печатями, на первый взгляд, ничем не отличающиеся от того, что у меня в руках. Но только на первый взгляд.

— На ваших фальшивая печать, — заметила я.

— Да кто их там рассматривает?

— Я вот сразу увидела.

— Сеньорита, вы маг. А где вы магов на границе видели? Только при облавах.

Поскольку я подозревала, что тётя Селия на эту самую облаву точно расщедрилась, рисковать не захотела.

— Нет уж, давайте вернёмся к моему предложению. Я убираю текст, вы вписываете нужное мне.

— Теофренийский документ — не самый лучший выбор, — неожиданно заметил он. — Не любят теофренийцев. К ним Двуетинный не милостив.

— Ничего, мне лишь бы из Муриции выехать, там разберусь, на что заменить.

Если милость Двуетиноного приходит с Сиятельными, то значит, я принесу эту самую милость с собой в Теофрению. Потому что окончательно решила ехать именно туда. Обидно стало за них почему-то. И не только за принцессу, но и вообще за всех.

Я осторожными мазками убрала слова с того места, куда нужно было вписать новые данные.

— Всё стирай. Я не подберу в точности такой же цвет чернил, — проворчал Гнус. — А значит, заметно будет.

Посматривал он на моё колечко жадно. Видно, боялся, что уйду вместе с ним, поэтому, когда я получила вожделенный документ, на котором значилось новое имя, Катарина Кинтеро, и мои приметы, а ему протянула кольцо, он неожиданно предложил:

— Хошь, ещё один забабашаю? На нашем бланке. В подарок.

— А хочу, — согласилась я.

Два документа всяко лучше, чем один, даже если оба фальшивые. Тем более что при беглом просмотре они оба казались настоящими и

даже выписанными разными людьми: если почерк Гнуса на первом бланке в точности повторял особенности написания теофренийцев — с ненужными завитушками и наклоном влево, то на втором запись была сделана аккуратными почти машинописными буквами.

— Да вы талантище! — восхитилась я.

От похвалы он не смягчился, скривил физиономию и буркнул:

— Лучше, чтобы о моём таланте никто не узнал.

— Никто не узнает о моём визите — никто не узнает о вашем таланте. И ещё... Не хотите ещё одно кольцо, но уже не за работу, а купить?

Я выложила колечко с небольшим сапфиром, самой простой формы, но камень был чистый, не из дешёвых. Гнус прищурился.

— Ювелир больше даст.

— Ювелира могут разговорить, а на вас не выйдут.

А ещё я понимала, что деньги мне нужны позарез: вещи придётся бросить у сеньоры Лусеро, но путница без вещей, отправляющаяся далеко, вызывает подозрение, а значит, на дилижанс я должна садиться с чемоданом. Бегать и искать ювелира, который бы сохранил тайну сделки, времени не было.

— Ну смотри, чтоб потом обид не было, — предупредил Гнус, высыпая монеты на стол. — Для меня твои цацки — мёртвый груз, им отлежаться надо.

— Обид не будет, — уверила я, забирая деньги.

Удовлетворённые друг другом, мы расстались. Я поначалу пожалела, что отпустили мальчишку, но дорогу к рынку нашла, где и набила корзину продуктами доверху. Удирать я собралась сегодня после обеда, но сначала нужно было усыпить бдительность той, кто считала себя моей благодетельницей. На мои вопросы она отвечала всё неохотней, и я поневоле опасалась, что она если не отправила ещё известие донье Хаго, то сделает это в ближайшее время.

Глава 25

Кролик получился на славу, потому что в последний момент я всё-таки вспомнила про сметану и не ушла с рынка, пока её не купила. Сеньора Лусеро нехотя признала, что готовить я умею, пусть это и не соответствует высокому знанию Сиятельной. Подозрительность из её глаз не уходила, а только усиливалась.

— Сеньора, я хочу прогуляться до университета, — сладко сказала я. — Пока записываться не буду, просто посмотрю, где он находится, как выглядит, да и город мне пока незнаком. Не составите ли мне компанию? Труадон вы знаете хорошо.

— С чего ты взяла? — недовольно спросила она.

— Вы столько лет живёте в Труадоне, — удивилась я. — Должны были изучить его от и до.

— Сиятельные просто так не гуляют, — отрезала она.

Я позволила себе усомниться, потому что Диего, маркиз де Гренина, который бросил мне розу, вполне себе гулял по улицам, ни на кого не оглядываясь. И гулял просто так. Или по делу?..

— Но мы же с вами теперь не Сиятельные? — улыбнулась я. — Можем погулять просто так.

Сказала это я зря, потому что сеньора оскорблённо покраснела и процедила, что она личность занятая, на ней магазин и производство, поэтому гулять по городу просто так у неё нет ни времени, ни желания.

— Очень жаль, сеньора, — притворно вздохнула я. — Придётся мне идти одной.

Но говорила я уже в спину сеньоры Лусеро, потому что она прошла в лавку. Я поднялась в отведённую мне комнату и написала записку с благодарностями и просьбой, чтобы меня не искали. А то анонимность соблюсти не удастся: если сеньора Лусеро сообщит о моём исчезновении в стражу, то и внешность опишет. А если эта информация дойдёт до моей тёти, то она найдёт меня в любой стране по приметам.

Вещи я бросала без сожаления: не так их было много, да и не успела я ни к чему привязаться. По всем вещам, к которым я

прикасалась, я прошла заклинаниями, уничтожающими следы моей ауры. Смазывающее ауру заклинание я отправила и на комнату в целом, когда вышла в коридор. Всё, следы пребывания были уничтожены, можно двигаться дальше.

Когда я спустилась, обнаружила, что сеньора Лусеро что-то пишет. При моём появлении исписанный наполовину лист она спрятала под прилавок и смутилась, но я сделала вид что ничего не заметила и сердечно попрощалась. В конце концов, она была доброй и несчастной личностью. Доброй — по складу характера, а несчастной — потому что слишком близко принимала все условности, что и мешало ей жить. «Хочешь узнать, как стать несчастным на пустом месте? Спроси сеньору Лусеро» — настоящий слоган получился.

До отхода дилижанса оставалось совсем мало времени, поэтому я зашла в ближайшую подворотню, нанесла на себя и свою одежду иллюзию и отправилась за покупками. Выглядеть в этот раз я решила не как уволенная прислуга, а как дочь обеспеченных родителей, по необходимости путешествующая без сопровождения. Даже вместо чепца прикупила себе шляпку-капор с широкими полями, хорошо скрывающими лицо, и высокой тульёй, маскирующей волосы: чтобы соседи по путешествию не удивились, что севшая в Труадоне темноглазая брюнетка на границе внезапно оказалась голубоглазой блондинкой. Ибо я решила не рисковать и не использовать ничего магического в дороге. Даже защитный кокон с бутылочек с зельем сняла и переложила их в самую середину саквояжа, тщательно укутав одеждой. Теперь они повредятся только при направленном взрыве.

Дилижанс оказался не чета тому, на котором я удирала из Труадона к тётке: и выглядел представительней, и сиденья внутри были куда удобнее. Правда, и стоила поездка в этом великолепии на порядок дороже поездки во Фрумону. Был вариант существенно дешевле, но имел два больших минуса: отправление завтра утром и время в пути в три раза больше. А с этого дилижанса утром я уже буду сходить в Фанде, возможно, выпавшейся, потому что пассажиров оказалось мало и на мягкое сиденье можно было прилечь.

Внутри было сумрачно, так что я порадовалась, что не поддавалась порыву и не купила книгу с лотка у станции дилижансов, хотя продавец очень уговаривал, утверждая, что ехать скучно, а у него — самые последние поступления, которые я наверняка не читала. Читать

я не читала даже предпоследние, но подозревала, что в этих романах жизнь так же далека от действительности, как и в моём прошлом мире. Возможно, продавай этот сеньор газеты, я бы взяла парочку, но газет у него не было.

Впрочем, почти сразу после отъезда выяснилось, что газеты мне с успехом заменили попутчики.

— Какой ужас, сеньора Фидальо, — бухтела дородная дама, чьё боа, тощенькое и из незнакомого меха выглядело довольно забавно. Почему-то мне сразу представилось, как дама пытается спуститься по нему из окна, потому что на верёвку оно походило куда больше, чем на украшение. — Как отвратительно к нам стали относиться в Муриции после досадной неприятности с благословением.

Её спутница, худенькая и маленькая, на фоне подруги выглядевшая сущим воробушком, только и успевала, что поддакивать. На соседку она поглядывала со смесью благоговения и страха. Но ту молчаливая собеседница устраивала более чем.

— А ведь мы и без того — страдающая сторона. Наш добрый король Луис даже пошёл на нарушение права наследования трона сыном, лишь бы у нас появилась возможность жить по-человечески.

— Да-да, сеньора Кордоба, вы совершенно правы, — пискнула сеньора Фидальо. — Король Луис всегда больше заботился о своих подданных, чем о своей семье.

— И теперь нам говорят, что мы все прокляты и чтобы мы убирались к себе и не тащили проклятие в благословенную Мурицию. Да где же она благословенная, если их король точно так же не получил благословение, как и наша принцесса? Вот что я вам скажу, сеньора Фидальо, Её Высочество Марсела слишком хороша, чтобы быть королевой в какой-то жалкой Муриции. Теофрения — несомненно, страна с куда более древней историей. И у нас нет этого жалкой пародии на божественность, которой так гордятся в Муриции. У нас нет Сиятельных, слава Двуетиному.

— Но мы же как раз и хотели этим браком добиться, чтобы у нас появились свои Сиятельные, — напомнила сеньора Фидальо. — Двуетиный наказывает нас за то, что мы их выгнали со своих земель.

Насколько мне помнится, большая часть теофренийских Сиятельных была не изгнана, а убита, так что формально земли они не покинули. Правда, стране это на пользу не пошло.

— Двуетдиный нас наказывает за то, что мы эту пакость изгнали не отовсюду, — воинственно бросила сеньора Кордоба. — Есть же теория, что Сиятельные на самом деле вытягивают магию и делятся всего лишь частью? И нестабильность на наших землях как раз из-за того, что все окрестные страны вытягивают нашу магию. Поэтому недалновидное решение Его Величества Луиса для нашей страны было опасно, что и показал Двуетдиный.

Она осенила себя знаком и победно посмотрела на собеседницу, которая была так потрясена мудростью этих слов, что не находила слов, чтобы это выразить. Зато их нашёл один из наших попутчиков, неодобрительно посматривавший на разбушевавшуюся даму.

— Осмелюсь напомнить, что в Теофрении есть свои маги, чего не было бы, будь ваша теория верна, сеньора, — холодно заметил он. — Кроме того, разговоры на такую тему довольно опасны. Мы не выехали с территории Муриции, следовательно, всех нас могут задержать за оскорбление монаршей особы и подстрекательство к бунту.

— Конечно, — сеньора Кордоба высоко вздёрнула голову, — Сиятельные боятся, что правда выплывет наружу, но я... я ничего и никого не боюсь.

Она притопнула ногой в изящной туфельке, и сеньора Фидальо посмотрела на неё с искренним восхищением.

— Я рад за вас, — сухо сказал сеньор. — Но не могли бы вы оставить рассуждения на такие опасные темы хотя бы до того момента, когда мы пересечём границу? А ещё лучше — до собственного дома. Потому что королю Теофрении вряд ли понравится, что его поступки называют опасными и недалновидными. У вас есть лишние деньги, чтобы платить штраф, сеньора? Или лишнее время, чтобы сидеть в тюрьме? Пожертвуйте всё это на благотворительность.

— Вот о чём я и говорю, — обратилась сеньора Кордоба к подруге. — Современные мужчины выродились, превратились в скопище трусов, боящихся открыть рот, чтобы сказать правду. Боящихся сказать, что Теодоро Мурицийский проклят Двуетдиным, поэтому бог и не стал благословлять его брак с нашей принцессой. Уберёт бедную девочку, явил милость.

— Если вам так хочется услышать правду, — манерно протянула ещё одна сеньора, одетая и покрашенная так, что я ни за что не отнесла бы её к благородному сословию, — то от вашего противного голоса у всех уже звенит в ушах. Я не для того вываливала такие деньжищи за билет на этот дилижанс, чтобы всю дорогу выслушивать вашу чушь. Его Величество Теодоро — один из самых одарённых Двуетным на этом задрипанном континенте. Его Блистательным прозвали не просто так, уж поверьте мне. Так что заткнитесь, милочка, пока не облысели.

— Магия в дилижансах запрещена, — высокомерно заявила сеньора Кордоба, — особенно в таких, что используют магически изменённых животных.

— Ха, я прекрасно обойдусь без магии, — сеньора выразительно посмотрела на свои ногти, покрашенные ярко-алым лаком. — И волосы выпадут и шрамами обзаведётесь. Уверяю вас, милочка.

— Вот что бывает, когда пускают всякую актёрскую шваль в приличные места, — проворчала сеньора Кордоба, но так тихо проворчала, что подруга её услышала, а агрессивная сеньора — нет. Да и я услышала лишь потому, что мой обострённый Сиятельный слух остался при мне, несмотря на изменение внешности. — Разве такое было возможно при отце нынешнего короля?

После этого наконец воцарилась вождеденная тишина, хотя меня так и подмывало спросить у вульгарной особы, откуда она знает такие подробности про Теодоро. Неужели он с ней встречался? Тогда у него отвратительный вкус: сеньора была не первой молодости и аляповато одетая. Одни ногти чего стоили: длинные, самого ядовитого оттенка, казалось, они начинали светиться тем сильнее, чем темнее было в салоне дилижанса. С такими ногтями только упыриц играть. Не первой свежести.

За окном мелькали быстро сменяющиеся друг друга картинки. Дилижанс разогнался и явно не собирался останавливаться до самой границы. Если бы не вычурность оформления, то его можно было бы сравнить с вагоном электрички, причём не каким-то старорежимным, а самым что ни на есть современным: даже туалетный закуток был в конце салона, куда смущённо шмыгали сеньоры. Мужчины оказались более терпеливыми или более склонными ко сну. Правда, было их всего двое, но они оба уже спали или делал вид, что спят, укрывшись пледами, которые выдал всем нам один из кучеров дилижанса. Плед

был мягким, тёплым и очень уютным — я бы не отказалась заиметь такой в собственное пользование.

Моё мнение разделяли не все. Так, сеньора Кордоба, которую я же про себя уже называла не иначе как «ворчащей коробкой» заявила подруге, что в следующий раз озаботится собственным пледом. А то мало ли кто им пользовался. При этих словах она выразительно посмотрела на актрису, которая умиротворённо похрапывала, откинув голову на спинку сиденья.

Насколько я поняла из разрозненных реплик, сеньоры Кордоба и Фидальо были не подругами, точнее, подругами, но по несчастью: у обеих мужья решили открыть филиал своего дела в Муриции, но в обоих случаях подготовительные работы свернулись, а близких отправили домой. В чём-то сеньора Кордоба была права: благословение Двуетный мог не отмерить не только из-за невесты, но и из-за жениха. Последнее утверждение для Теодоро было очень опасно, наверное, поэтому сразу запустили слухи о неуютности теофренийки. Конечно, ей уезжать, ему — оставаться, но за принцессу стало очень обидно.

Под неумолчное бормотание сеньоры Кордоба я всё-таки уснула и проснулась, когда уже проверяли документы на границе, со сна я даже не сразу поняла, что от меня требуется, но потом дрожащими руками вытаскала подорожную и протянула сеньору пограничнику, или как он тут называется. Тот светил фонариком явно артефактного вида и двойного назначения: не только давал свет, но и проверял на подлинность печать, которая запереливалась всеми цветами радуги, стоило на неё упасть свету из артефакта. Фальшивка проверку выдержала, и мне её вернули с поклоном и словами сожаления, что такая красивая сеньорита покидает Мурицию. На словах: «Я был бы счастлив, если бы сеньорита сообщила, где я её смогу найти в Теофрениии» я насторожилась, не понял ли сеньор, кто я. И пусть он был молод и довольно симпатичен, поэтому улыбку я ему вернула, но говорить ничего не стала. И подумала, что зря сняла шляпку, которая мешала спать, но зато прекрасно скрывала лицо.

— Всем известно, что в Теофрениии — самые красивые девушки, — сеньора Кордоба сказала это столь гордо, словно была моей близкой родственницей. — Никакой Сиятельности нам не нужно, чтобы свести мужчину с ума.

— Вы уже свели всех с ума за эту поездку, сеньора, — неприлично широко зевнула актриса. — И мужчин, и женщин. Вам для этого ни красоты, ни мозгов не понадобилось. Такое впечатление, что, когда Двухединый наделял всех дарами, вам ничего не досталось.

Сеньора Кордоба притворилась, что она ничего не слышит и что там, где расположилась актриса, никого нет. Лицо у неё гневно заалело, но тем всё и ограничилось, поскольку в драке победила бы та, у кого больше опыт — это сеньора Кордоба прекрасно понимала и не хотела делать из себя посмешище. Проверяющий понял, что ничего от меня не добьётся, выразительно вздохнул и с явным сожалением отошёл к следующему пассажиру. Несколько раз он оборачивался, словно надеялся, что я передумаю и сообщу свой адрес. Но я притворилась, что опять сплю.

С теофренийской стороны повторилось то же самое. Правда, только в отношении проверки документов. Сеньоры в этот раз глухо молчали, а мой адрес никому не понадобился, потому что пограничник был в возрасте, сонный и не слишком внимательный. И артефакта у него не было, проверка шла при свете обычного фонаря, так что для неё сошёл бы любой из имеющихся у меня документов.

После проверки дверца захлопнулась, и дилижанс начал быстро набирать скорость. Я прилегла на сиденье, укрылась пледом и опять уснула. Не потому что совсем не волновалась, а потому что мерное покачивание усыпляло лучше любого снотворного. А поволноваться я успею и завтра.

Глава 26

В Фанд мы приехали рано утром, когда город ещё спал, а на сонные улицы только начинал высаживаться десант солнечных лучиков. Но десант был уже уверенный: подсвечивающий вывески, играющий с оконными стёклами и радующий выползшую на улицу тощую кошку. При взгляде на кошку почему-то вспомнилось, что загадка с фамильяром Эрилейских так и не разрешилась. Но это было не первостепенной задачей: для меня особой разницы не было, развоплотился ли он, или просто отказывался помогать.

— Смотрю, сеньорита, вас никто не встречает? — внезапно решила проявить участие сеньора Кордоба. — Это непредусмотрительно. Столь юная особа не должна путешествовать одна.

— Мне пришлось слишком неожиданно уехать, — пояснила я. — Мама никому не успела сообщить. Впрочем, у нас в столице родственников нет.

Легенда, наспех придуманная при побеге, проверку выдержала.

— Да уж, — мрачно согласилась сеньора Кордоба, — всем нам пришлось неожиданно уехать. Но кто знал, кто знал... Я могу посадить вас на нужный дилижанс, сеньорита. Нельзя допустить, чтобы вы оставались со своими проблемами один на один.

— Я вам очень благодарна сеньора. Но меня не нужно куда отправлять. Я планирую дойти до университета.

— Университета? — неодобрительно переспросила она.

Почти все пассажиры дилижанса уже разошлись. Остались сеньора Кордоба, сеньора Фидальо и актриса, так оставшаяся для меня безымянной и сейчас шарящая под сиденьем в поисках какой-то утерянной мелочи.

— Хочу проверить, есть ли у меня магия и, если есть, — поступить.

Мне показалось, что сеньора поперхнулась моим ответом: она вытаращилась на меня с таким ужасом, словно я совершила святотатство. Как только дар речи к ней вернулся, она с отвращением выдавила:

— А казалась такой приличной девушкой.

— Скажите на милость, что неприличного в изучении магии? — удивилась я.

— Не женское это дело, — заявила сеньора Кордоба с железобетонной уверенностью. — В этом университете ничему хорошему не научат, уж поверьте взрослой пожившей женщине. К чему вам погружаться в этот вертеп разврата?

От открывающейся перспективы я растерялась. О таких различиях университетов мне не сообщили.

— А ваша матушка? Она наверняка не знает, что вы задумали, — продолжала обрабатывать меня сеньора. — Вы разобьёте ей сердце.

— Извините, сеньора, но я не вижу ничего плохого в том, чтобы научиться чему-то полезному. Чему-то такому, с помощью чего можно было бы зарабатывать на жизнь.

— Двуетиный, — ахнула она, — неужто вы на самом деле собрались работать магом? Скажите мне, что я неправильно поняла.

— Извините сеньора, но я не вижу ничего неприличного в том, чтобы зарабатывать на жизнь своим трудом, — прохладно ответила я, внезапно вспомнив, что я — герцогиня. — Возможно, это всего лишь моя прихоть, но я совершенно не вижу причин принимать всё столь близко к сердцу, как это делаете вы.

— Милочка, да кто ж тебя замуж возьмёт после всего этого? — пренебрежительно бросила сеньора Кордоба. — Моя обязанность — раскрыть тебе глаза, пока ты глупостей не наделала.

— Кто дал вам право обращаться ко мне на «ты»? — процедила я, собирая всю стервозность, которая успела во мне накопиться. — Я вам не «милочка», сеньора. Милочкой можете свою горничную называть.

Голосом я внезапно громыхнула, и сеньора попятилась, испуганно на меня глядя.

— Простите, сеньорита, я лезу не в своё дело, — проблеяла она, косясь на небо, на котором не было ни единого облачка. Не дай бог, я что-то активировала по незнанию.

— Да вы всё время лезете не в своё дело, — бросила актриса, наконец покинувшая дилижанс. — Как вас только муж терпит?

Но бесстрашная сеньора Кордоба ничего не ответила, она уже удалялась от нас быстрым шагом, прижав к груди саквояж и забыв про меня, свою дорожную приятельницу и невоспитанную актрису.

— Что это с ней? — удивилась я.

— У вас голос был, как у разгневанной Сиятельной, — пояснила сеньора Фидальо. — У вас в роду их, совершенно случайно, не было?

— Совершенно случайно — нет, — рассмеялась я, хотя смешно мне ни капельки не было. Конечно, врать нехорошо, но успокаивала я себя тем, что ничуть не погрешила против истины: в моём роду случайных Сиятельных не было, только тщательно отобранные, чтобы не портили Сиятельный генофонд. — Понятия не имею, почему так получилось.

— Да потому что разозлились вы, сеньорита, — пояснила актриса. — И правильно разозлились. Сеньора такую чушь несла про наш университет, что я бы тоже разозлилась, собирайся туда. Не обращайтесь внимания на ту ерунду, что она говорила. Нынче только совсем отсталые сеньоры уверены, что девушкам образование не нужно. Принцесса Марсела и то ходит на отдельные лекции, а наш добрый король ничуть не возражает. А голосом я так тоже могу, — внезапно загремела она, посмотрела на наши ошарашенные лица и расхохоталась. — Это же проще простого, дамы. Вот если бы сеньорита засияла, я бы тоже удивилась. А так...

Она махнула рукой то ли на нас, то ли на прощание и тоже ушла, волоча тяжёленький чемодан по мостовой. Остановилась, увидев извозчика, и махнула рукой теперь уже точно ему. Тот радостно подъехал и даже помог ей втащить чемодан.

Остались у дилижанса только мы с сеньорой Фидальо, которая почему-то уходить не торопилась.

— Сеньора, а вы не знаете, как пройти к университету? — спросила я. — Или вы, как и сеньора Кордоба, противница женского образования?

— Скажете тоже, сеньорита, как я могу выступать против этого, если сама окончила наш университет? — ответила она. — И работаю над зельями наравне с мужем? — Она ловко вытащила из кармашка квадратик картона, оказавшийся ничем иным, как визитной карточкой.

Фидальо

Редкие зелья

*Традиционные и индивидуальные
рецепты*

— Пока вы будете учиться, вам понадобится очень много чего, а у нас вы всегда можете купить нужное с хорошей скидкой, — воодушевлённо рекламировалась она. — Я напишу здесь заметку для приказчика, вам нужно будет только не забыть её показать, чтобы получить скидку, понимаете?

— О, благодарю вас, — растерянно ответила я. — Это так неожиданно.

— Должны же вы получить компенсацию за поездку в столь ужасной компании, — уверенно сказала сеньора. — Обычно на этом дилижансе едут спокойные приятные люди, но сеньора Кордоба умудрилась оскорбить всех. Даже тех, кого там быть не могло: правителей как нашей страны, так и Муриции. — Она неодобрительно покачала головой и неожиданно сказала: — А университет вам найти будет проще простого. Идёте вот по этой дороге до первого перекрёстка, а на нём поворачиваете налево. Здание университета вы узнаете сразу, — она ностальгически вздохнула. — На нём множество горгулий.

— Так-таки множество? — не удержалась я.

— Ой, здание облеплено ими сверху донизу. Когда я училась, ходили слухи, что в каждой горгулье заточён дух-фамильяр ушедшего Сиятельного рода. Но это всё, конечно, глупости. Духов так легко не удержать.

— А на самом деле? — заинтересовалась я.

— А на самом деле, горгульи — артефактная защитная сеть. Только иной раз непонятно, она защищает студентов от города или город от студентов, — мечтательно улыбнулась сеньора, явно что-то вспоминая. Кажется, вид тихой мышки был всего лишь маской, призванной обезопаситься от особ типа сеньоры Кордоба. — Но вы все узнаете, если поступите. Приёмная комиссия уже наверняка открыта. Они начинают рано.

— А как вообще происходит приём? Смотрят, есть ли у меня магия?

— Магия есть во всём, сеньорита. Смотрят, достаточно ли её в вас для того, чтобы тратить на обучение время и деньги. Если достаточно, зачисляются, платно или бесплатно, в зависимости от вашего желания. При бесплатном отработываете по два года за год обучения, даже если не окончите. — Слова из сеньоры Фидальо так и сыпались. Не

верилось, что в дилижансе она лишь поддакивала соседке. — Но это вам и без меня объяснят, когда будут выдавать жетон.

— Жетон?

— Студенческий жетон. Он даёт право на пребывание в университете, на заселение в общежитие, на посещение библиотеки, на питание в столовой, наконец.

— Бесплатное?

— Только для тех, кто выбрал обучение за счёт государства. Но цены там невысокие, от казны идут доплаты, потому что маги должны питаться хорошо, особенно сильные. Вы, скорее всего, потенциально сильный маг.

— Почему вы так решили, сеньора? — удивилась я. — Я даже не знаю пока, получится ли из меня маг вообще.

Здесь я немного лукавила, но обычная девушка до проверки могла и не знать, есть ли у неё магия, а я старалась выглядеть обычной.

— Получится, будьте уверены. Вы же не только голосом громыхнули, сеньорита, но и силой придавили. Обученному магу это видно.

— Но я ничего такого не хотела...

— Конечно, не хотели. — Она улыбнулась. — Не переживайте сеньорита, вас всему научат. Будете держать силу под контролем. И не забывайте, что в наших магазинах вас всегда ждёт скидка.

Я ещё раз её поблагодарила, попрощалась и отправилась по указанному направлению. Дом с горгульями, точнее, два дома действительно, пропустить было бы невозможно. Казалось, заклинания застигли этих созданий за нападением на здание, поэтому они находились в самых разных позах, но неизменно агрессивно-угрожающих. Оскаленные клыки, встопорщенные крылья, лапы, поднятые для удара — картина выглядела стоп-кадром из фильма. Точнее, выглядела бы, потому что у здания и в нём самой жизнь кипела, несмотря на раннее утро. Но только у одного. Второе было столь же мрачным и безжизненным, как и горгульи на нём.

Я отвлеклась от разглядывания горгулий в уверенности, что ещё успею налюбоваться, и прошла внутрь. Заблудиться бы не смогла при желании, потому что прямо напротив входа в манере примитивизма, очень-очень глубокого примитивизма, буквами разной толщины и высоты, но тем не менее складывающимися в слова, было написано:

«Приёмная комиссия туда —. Следуй за стрелками, но никуда не сворачивай, если не хочешь преждевременно умереть». Кучка земли с могильной плитой были изображены очень схематично, но узнаваемо.

Стрелки привели меня в небольшой кабинет, где за столами сидели два скучающих молодых мага. При моём появлении они оживились.

— Кажется, у нас пополнение, — радостно сказал первый, который выглядел чуть младше второго. — Двухединный услышал мои молитвы.

— И о чём же вы молились, сеньор? — спросила я, очень опасаясь, что в ответ услышу: «Чтобы хоть кто-то поступил в этом году».

Всё-таки затеряться в толпе куда проще, чем будучи единственным студентом.

— Чтобы к нам пришла хотя бы одна хорошенькая сеньорита, — улыбнулся он.

— И не просто пришла, а подтвердила право у нас обучаться, — подхватил его коллега, симпатичный сероглазый сеньор. — С первым пунктом всё понятно, осталось проверить второй. — Он кивнул на артефакт на столе, предлагая сразу этим заняться. — Кладёте руки по обеим сторонам от этого выступа. Выступ покраснеет — берём, не покраснеет — увы, вы нам не подходите. Как студентка, я имею в виду. — Он улыбнулся, наверняка думая, что обворожительно, и спросил: — А что делает прекрасная сеньорита этим вечером?

— Понятия не имею, — ответила я. — Как её увижу, непременно спрошу. Как, вы говорите, её зовут?

Руки я бестрепетно положила на артефакт, который сначала покраснел, а потом недовольно загудел, как потревоженный шмель, после чего руки я отдернула, и он успокоился. Но, кажется, гудения не заметил никто, кроме меня, потому что оба мага не выглядели ни встревоженными, ни удивлёнными чем-то необычным. Словно ничего не слышали...

— Тест я прошла?

— Прошли. — Маг вытащил бланк из ящика стола и занёс над ним карандаш. — Итак, как вас зовут, прекрасная сеньорита?

Я вытащила и положила перед ним на стол подорожную, чтобы пресечь возможность ошибки в моём имени. Уж очень

невнимательным выглядел молодой маг. Да и приятель ему не уступал: с таким интересом уставился на выложенную бумажку, словно я тайную грамоту предъявила.

— Катарина Кинтеро. Прекрасное имя, — радостно объявил он. — Вы собираетесь учиться за счёт Теофрени или собственный?

— Первый год я оплачу, а там посмотрим, — ответила я.

На первый год у меня с запасом хватало денег от проданного кольца, пусть даже продала я его в убыток себе. Вешать на себя отработку — однозначно, не самый хороший вариант.

— Разумное решение.

Он заполнил все бумаги, принял у меня деньги за обучение и общежитие и выдал жетон, который перед этим активировал. Жетон я взяла и спросила:

— Что мне делать дальше?

— Заселяетесь в общежитие, получаете учебники в библиотеке. Стандартный комплект для первого курса. Если дальше потребуется что-то особенное, вам скажут. Распределение по группам будет вывешено за день до начала занятий напротив входа.

— Вместо этого ужасного плаката? — уточнила я.

— Почему это вдруг ужасный? — смутился маг. — Информативный и доходчивый.

Кажется, я случайно потопталась на чей-то гордости художника, но ничуть об этом не жалела, потому что с такими данными рисовать на публику нельзя, только для собственного удовольствия.

— Где находится общежитие и библиотека?

— Библиотека — в этом здании, в подвале, на третьем секторе. А общежитие... Я вас провожу, Катарина, чтобы долго не рассказывать.

— А почему ты, Хосе? — возмутился первый.

— Потому что у преподавателей преимущество перед аспирантами, — ответил Хосе таким тоном, что я не удивилась бы, покажи он язык остающемуся магу.

Отказываться от помощи я не стала, тем более что не слишком лёгкий саквояж у меня галантно забрали, после чего сероглазый маг, явно привыкший к женскому интересу, небрежно бросил:

— Ах да, забыл представиться. Хосе Игнасио Альварес, к вашим услугам.

— Очень приятно, — обречённо ответила я.

Кажется, зелье я приготовила дефектное, ибо оно не имело одного из заявленных свойств: не сделало меня непривлекательной. В Труадоне я старательно маскировалась иллюзиями, выходя из дома сеньоры Лусеро, но здесь я такого позволить себе не могу. Но стоило появиться без иллюзии и чепца, и вот: сначала — сеньор таможенник, теперь — оба мага. А это проблема, ибо любой лишний интерес ко мне — повышенная вероятность разоблачения.

— Куда бы вы хотели сходить этим вечером, Катарина? — тем временем распушал передо мной хвост Хосе.

— Этим вечером я бы хотела лечь пораньше и наконец выспаться.

Я старалась одновременно говорить холодно и быть любезной. Получалось плохо.

— Могу предложить прекрасный вариант с прекрасной удобной кроватью. Правда, со вторым пунктом вашего плана возможны проблемы... — протянул он столь многозначительно, словно ожидал, что я в восторге от предложения брошусь ему на шею.

— А разве не запрещены личные отношения между преподавателями и студентами? — теперь уже действительно холодно спросила я.

— Вы не моя студентка, и не известно ещё, будете ли, — ответил он, ничуть не смутившись. — Я веду занятия у курсов начиная с третьего. Поэтому мы с вами вольны встречаться целых два года.

Вот счастье-то привалило...

— Извините сеньор Альварес, но вам эти два года придётся встречаться с кем-то другим, — отрезала я. — Я с вами если и буду встречаться, то только на занятиях и только по делу.

Во время разговора я старательно контролировала, чтобы опять не прорвалось выдавшее меня громыхание. А то, как громыхну на этого Альвареса, да придавлю силой — будут потом его с брусчатки отскребать, по которой мы шли. Всё это не улучшало ни моего настроения, ни моего отношения к сопровождающему меня сеньору, который всю дорогу до общежития не терял надежды уговорить меня сходить с ним на свидание.

Глава 27

Альварес был так любезен, что довёл меня не только до общежития, но и напрямик до комендантши, сеньоры Монсеррат Дуарте, как значилось на двери, в которую мы вломились без стука. Сделали мы это зря, потому что глаза сеньоры зло сощурились и уставились на нас с таким видом, словно в голове производился точный математический расчёт, как ловчей убивать нарушителей.

— Сеньора Дуарте, я привёл новую студентку, — радостно сказал Альварес. — Прошу вас отнестись к ней со всем вниманием и поселить в самую удобную комнату из имеющихся.

Страстная речь моего провожатого настроения сеньоры не улучшила.

— Откуда вы их только вытаскиваете, Альварес? — столь недовольно спросила она, словно молодой маг отлавливал девушек на улицах и в академию приволакивал силком. — Смеем заметить, общежитие не растягивается до бесконечности, если вы не забыли. Девушке точно нужна комната здесь?

— Точно. Она за неё уже заплатила. И за форму.

Сеньора Дуарте неохотно встала и подошла к шкафу, который стоял у неё за спиной и из которого она достала мешок с эмблемой университета, выложила его на стол и начала оттуда извлекать вещи, перечисляя:

— Мантия повседневная, мантия парадная, мантия алхимическая. Имейте в виду сеньорита, что без последней вас на занятия по алхимии не допустят, так что не забывайте никогда. По остальным куда более свободное ношение, по этой жёстко, она с охранными заклинаниями. Форма спортивная и к ней ботинки.

Всё это она выставила на стол, и я едва удержалась от смеха, увидев огромные и даже на вид тяжеленные боты.

— Простите, сеньора Дуарте, а размер поменьше не предусмотрен?

— Они самоподстраивающиеся под ногу, Катарина, — пояснил, вместо комендантши, закатившей глаза к потолку, Альварес. — Один раз наденете — и сразу ваш размер. Можете проверить хоть сейчас.

Он взял огромный несуразный ботинок и наклонился, явно намереваясь помочь мне в трудном деле переобувания. Глаза комендантши превратились в две крошечных щёлочки, из которых наповал били лучи неприязни. И ко мне, и к молодому магу, столь неприкрыто со мной флиртующего.

— Спасибо, я попробую сама.

Ботинок я отобрала и тут же надела, потому что слова словами, а бегать мне в таких раздолбанных штиблетах не улыбалось. Но на удивление, ботинок действительно ужался до моего размера, охватывая ногу плотно, но мягко и комфортно. То же самое произошло со вторым. Выглядели они теперь даже красиво. Я пару раз покачнулась с носка на пятку — а неплохо, пожалуй. Бегать в таких будет одно удовольствие.

— У вас очень красивые ноги, Катарина, — выдал Альварес, отчего комендантшу зримо перекосило.

Настолько перекосило, что я решила бы, что у неё с данным сеньором был роман, но увы, их разделяло лет двадцать и столько же, если не больше, килограммов. Впрочем, у сеньоры могла быть дочь, положившая глаз на молодого мага. В любом случае с ней отношения не стоило портить — за два года, пока я доберусь до третьего курса, Альварес может уволиться, а вот сеньора Дуарте в ближайшее время никуда не денется.

— Благодарю вас за помощь, но вы ведь очень занятой сеньор. В приёмной комиссии наверняка требуется ваше присутствие.

Я даже улыбаться не стала, чем, кажется, заслужила симпатию комендантши.

— Вот именно, Альварес, не пора ли вам делом заняться? Девушка уже дошла до меня и получила всё, что нужно.

— А комната? Ей непременно нужна комфортная комната на первом этаже.

Понятно, левитацией сеньор не владеет, а забираться по скинутой верёвке считает ниже своего достоинства. Или тоже не умеет? У мага вся сила в мане, а не в мышцах. Хотя мой спутник хилым не выглядел, но мурицийскому королю однозначно проигрывал. Хотя бы потому, что для Теодоро не было разницы, на каком этаже находилась заинтересовавшая его дама.

— Комната тридцать восемь.

Комендантша ехидно прищурилась в сторону Альвареса, но по её тону я поняла, что неприятности будут ожидать и меня.

— Тридцать восемь? Она же полная, — проявил недюжинные познания в общежитской жизни Альварес. — А лишнюю кровать там не поставишь.

— Что вы, сеньор Альварес, — совсем медово пропела сеньора Дуарте. — Там как раз полчаса назад освободилось третье место. А комната прекрасная. Вид на теплицы, собственная уборная с душем, — выдавала она с интонациями третьесортного риелтора. — Сеньорите Кинтеро необычайно повезло. В большинстве комнат ютятся по четверо и моются по очереди в общей помывочной на этаже, а тут прямо королевские условия. И всё благодаря вам, сеньор Альварес. Если бы вы не просили за сеньориту, я бы придержала место для другой барышни.

— Вот и придержите, а сеньорите Кинтеро предложите место в комнате пониже.

— Увы, увы, мест нет. Того и гляди, придётся в мужскую часть общежития заселять. Она куда больше и выбор свободных мест куда шире. — Она задумчиво погрызла карандаш и неожиданно предложила: — Может, тогда и начнём заселение с сеньориты Кинтеро?

— Спасибо, меня устраивает комната тридцать восемь в этой части общежития, — решительно вмешалась я в этот милый разговор.

Не знаю, что за кошка пробежала между этими двумя но становится жертвой их взаимной неприязни не хотелось, а значит, следовало как можно скорее уйти из-под перекрёстного огня.

— Вот и славненько, — расплылась в улыбке комендантша, вытащила из ящика стола ключ с биркой, поколдовала над ним и протянула мне. — Тогда можете заселяться, сеньорита Кинтеро. Как я понимаю, сеньор Альварес провожать вас не пойдёт? Он очень, очень занятой сеньор.

Сеньор Альварес подтвердил её слова кислой улыбкой и уверениями, что будет рад меня видеть в любое время, если вдруг у меня появятся какие-то вопросы. Я поблагодарила, сложила форму назад в мешок и отправилась искать комнату тридцать восемь, распрощавшись с поклонником на пороге комнаты коменданта и забрав у него свой славояж.

Комнату номер тридцать восемь я нашла без труда. Перед дверью я задержалась и постучала. Ответа не было, на всякий случай дверь я толкнула, и она открылась. В комнате оказались две девушки: одна забралась с ногами на кровать и прижалась к её спинке, вторая стояла посреди комнаты, уперев руки в бока. Привлекала к себе внимание только вторая — и яркой внешностью, и высокомерным поведением, и дорогой одеждой. Она не ограничивалась демонстрацией одежды на себе: вещи были разбросаны по её кровати и по той, которая будет моей. И даже на той, где сидела девушка, тоже что-то валялось. Создавалось впечатление, что сеньорита собралась открывать одёжный магазин прямо тут, в общежитии. Не хватало только вешалок и манекена. Впрочем, за манекен вполне сошла бы сама владелица вещей. У неё было такое же кукольное бессмысленно-высокомерное лицо.

— Чего надо? — грубо спросила она.

— Меня заселили в эту комнату.

— Как заселили, так и отселят, — она нехорошо улыбнулась. — Я собираюсь тут жить одна.

Стала понятна причина, по которой освободилось место именно в этой комнате. Наверняка предыдущая вселившаяся не выдержала давления и сбежала. Возможно, даже заплатила за смену комнаты. Маленький приятный комендантский приработок. Не зря она так радостно нас убеждала, что мест нет.

— Мало ли чего ты собираешься, — отрезала я, сделала шаг внутрь и прикрыла за собой дверь. — А ну, быстро освободила мою кровать.

— А то что?

— А то твои вещи окажутся на полу.

— Ты-то вообще без вещей остаться можешь, — она усмехнулась прямо-таки по-змеиному. — Смотрю, у тебя их с собой всего ничего.

— Не переживай, новые появятся. Я с собой кучу старья не таскаю, — усмехнулась я в ответ. Строить из себя зашуганную мышь я не собиралась. — Но если мои вещи будут испорчены тобой, ты и оплатишь.

Спрашивать, какая кровать моя, не понадобилось, потому что только на одной из заваленных было казённое покрывало, на второй и покрывало было нежно-бежевого цвета, и две пышных подушки

лежали одна на другой, в то время как казённая напоминала тонкий блинчик. Я подошла, сгрузила свои вещи на кровать, сдвинула в изножье чужие и посмотрела на их хозяйку, чуть приподняв бровь. Мол, чего стоим, кого ждём?

— А ты наглая, — недовольно протянула она. — Знаешь, кто мой отец?

— Недостаточно богатый сеньор, чтобы снять тебе квартиру в городе, и недостаточно влиятельный, чтобы выбить личную комнату? — ехидно уточнила я. — Всё самой, всё самой, да? Всё вот этими нежными белыми ручками.

Она оскалилась совсем уже недружелюбно. Девушка же на кровати даже рот руками прикрыла, чтобы не расхохотаться, и испуганно посмотрела на наглую хватчицу — не заметила ли та, что над ней потешаются. Но моей противнице было не до того. Она не сводила с меня злых глаз, ноздри раздувались в бешенстве, а в голове наверняка лихорадочно вертелись шестерёнки, пытаюсь подобрать достойный ответ, но вызывая лишь перегрев головного мозга.

Затянуться это могло надолго, поэтому пришлось сгрести её вещи самой и свалить на её кровать.

— Она так и спит под кучей одежды? — спросила я молчаливую девушку, которая сначала кивнула, потом замотала головой, а потом пожала плечами. Всё это она проделывала, смотря то на меня, то на мою противницу. — Странно, в тряпьё обычно зарываются бедняки...

— Тебе лучше знать, как спят бедняки! — очнулась наконец агрессивная девушка. — Убирайся из моей комнаты! Немедленно!

Я демонстративно повернулась к ней спиной и принялась выкладывать вещи из саквояжа. Меня очень беспокоило, как там мои бутылочки с зельем. Судя по тому, что запаха корицы не ощущалось, в этот раз флаконы транспортировку перенесли хорошо, даже при отсутствии охраняющего кокона. Впрочем, у сеньоры Лусеро, чьими флаконами я воспользовалась, простых расходников не было, стекло было усилено и пусть было не совсем небьющимся, но близко к этому.

Спиной к противнице я повернулась зря. Я была уверена, что она не способна ни на что более серьёзное, чем поорать и потопать ногами, поэтому пинок оказался для меня полнейшей неожиданностью. Я полетела на кровать и лишь в последний момент успела выставить

перед собой руки так, чтобы не придавить саквояж. Было бы ужасно остаться без зелья в самый ответственный момент.

Повернулась я к злобно ухмыляющейся девице, горя праведной яростью. Через секунду она уже валялась на своей кровати, с завёрнутой за спину рукой, и тыкалась носом в собственные шмотки. Она визжала, брыкалась и ругалась, как матрос в загуле после изрядной дозы рома принятой на грудь. Пришлось завести её руку ещё выше, отчего она взвыла и забилась в истерике, теперь требуя от меня только отпустить.

— Если ты, дрянь такая, ещё раз прикоснёшься ко мне любой частью своего грязного тела, то я тебе сломаю сначала эту руку, потом другую, а потом и обе ноги, — прогремела я ей в ухо, запоздало вспомнила, что делать этого ни в коем случае нельзя, поэтому добавила куда тише: — И к моим вещам тоже прикасаться права не имеешь. Запомнила?

— Отпусти, — она перестала дёргаться и только коротко всхлипывала.

— Отпущу, как только извинишься и пообещаешь больше ко мне не лезть.

Она опять дёрнулась, но, хотя я была немного легче, сбросить меня ей не удалось, удалось только ещё больше нагрузить страдающую руку. Девица взвыла и через вытьё выдавила:

— Извини. Обещаю не трогать ни тебя, ни твои вещи.

Я её отпустила, и она подскочила, как разъярённая кошка, и выставила на меня руки с растопыренными пальцами.

— Ты обещала, — напомнила я. — Или твоё обещание стоит столько же, как и остальные слова, — ничего?

Она с шумом втянула в себя воздух, резко развернулась и выбежала из комнаты.

— Зря ты так с ней, — сказала тихая девушка. — Её отец работает в министерстве магии.

— Значит, должен был озаботиться воспитанием дочери, потому что отправь мы жалобу на неё, пострадает он. Меня зовут Катарина Кинтеро.

Я подошла к ней и протянула руку. Девушка некоторое время недоумённо на неё смотрела, потом неуверенно протянула свою и сказала:

— Ракель Наранхо. От Эрнандес все рано или поздно сбегают.

Я стукнула ладонью о её ладонь, вовремя вспомнив, что тут не принято пожимать руки, и спросила:

— А ты?

Она вздохнула.

— Сеньора Дуарте просто так не переводит в другую комнату. Либо за деньги, либо за услуги.

— За услуги? — удивилась я.

— Пересказ слухов, и всё такое, — Ракель поморщилась.

— Наушничество.

— Оно самое. Сеньора любит быть в курсе новостей.

Сеньора настолько любила быть в курсе новостей, что примчалась к нам почти сразу после этих слов.

— Что здесь происходит? — возмущённо загремела она.

— Ровным счётом ничего, — повернулась я к ней. — Мы с сеньоритой Наранхо беседуем.

— Она меня ударила, — вылезла из-за спины комендантши моя врагиня. — Эта дрянь меня ударила.

— Врёшь же, — спокойно ответила я. — Ударила меня ты, а я просто не дала себя бить. Это любой из магов, владеющий ментальной магией, может подтвердить.

Сеньора Дуарте повернулась к Эрнандес, та завиляла взглядом с такой же скоростью, как виляет хвостом бездомная собака, которую пообещали накормить и взять с собой.

— Сеньорита? Так кто из вас говорит правду? Мне пригласить мага?

— Она мне угрожала! — выпалила Эрнандес, глядя на меня с ненавистью.

— Я не угрожала, а предупреждала, что будет, если ты станешь ко мне приставать.

Посмотрела я на неё так, что она испуганно сглотнула и сделала шаг назад, в безопасный сумрак коридора.

— Хм... — сказала Дуарте. — Похоже, без мага мы не разберёмся.

— Не надо мага, — внезапно выпалила Эрнандес. — Мне могло показаться что-то не то. Возможно, всё дело в том, сеньора Дуарте, что

эта комната неправильно ориентирована по сторонам света. Думаю, мне нужна другая.

— Другая? Да где же я их вам наберу? — возмутилась комендантша. — У меня нет свободных комнат.

— Сеньора Дуарте, давайте посмотрим, вдруг найдётся? — заняла Эрнандес.

Они ушли. Я прикрыла дверь и с удивлением посмотрела на Рабель.

— Что это было?

— Как что? Если привлекается маг, то он пишет отчёт, одна из копий которого идёт в министерство магии. Наверное, ты права и у её отца могут быть неприятности из-за поведения дочери.

Она смотрела на меня широко раскрытыми удивлёнными глазами, не в силах поверить, что проблема так легко решилась.

И она действительно решилась, потому что Эрнандес вернулась молча, ни на кого не глядя, собрала вещи и перенесла их куда-то в другое место в несколько приёмов.

А я на правах победительницы заняла её кровать, поскольку она была ближе к окну, из которого действительно открывался приятный вид на оранжерею.

Глава 28

До обеда к нам так никого и не подселили. На моё удивление Ракель пояснила, что приём уже почти неделю идёт, основной поток схлынул, а девушек вообще поступает куда меньше, чем парней.

— До начала занятий всего два дня осталось, чего ты хочешь? Все, кто знает, стремятся попасть пораньше, потому что и учебников может не хватить, и форма, бывает, заканчивается. Тогда невезучим приходится либо долго ждать, либо самим заказывать.

— Странно, мне этого не рассказывали...

— Возможно, родители не хотели, чтобы ты сюда поступала?

— Они об этом вообще не знают, — отмахнулась я и быстро перевела разговор на собеседницу: — А твои родители, они были против?

— Нет, конечно. У меня оба родителя — маги, с чего бы им запрещать этим заниматься своим детям? Мама так вообще из семьи одного из Легиона.

— Легиона? — удивлённо переспросила я.

И чуть не стукнула себя по губам, увидев, как изменилось лицо Ракель. Когда я наконец усую, что в моём положении лучше всего молчать? И за умную сойду и не проколюсь по-глупому. Это же наверняка понятие из тех, что здесь и младенец знает.

— Ты тоже из тех, кто считает, что Сиятельных в Теофрении не надо было трогать? — убито спросила Ракель.

— Я считаю, что это дела прошлого, — примирительно ответила я, сразу сообразив, что за Легион имелся в виду. — Им тогда казалось это правильным.

— Это и было правильно! — пылко бросила она.

— Убить столько людей правильно?

— Это не люди, это Сиятельные.

И столько в её словах было ненависти, что сразу подумалось, что жить с ней в одной комнате непредусмотрительно: узнает о моей сути — придушит ночью подушкой. Даже Эрнандес в этот момент показалась безопаснее.

— И почему ты отказываешь Сиятельным в праве быть людьми?
— сухо спросила я. — Наш король даже на брак дочери согласился, лишь бы стране помочь.

— Он ошибся в причине. Причина — не в отсутствии у нас Сиятельных, а в том, что они есть в соседних странах. Вот и вытягивают жизненные силы из нашей страны. Если бы соседние страны последовали нашему примеру, мы бы избавились от этой паучьей сети. Или ты тоже веришь, что Сиятельность — дар Двуетного?

— Не верю, — согласилась я. — Но не по той причине, что ты.

— А по какой?

— Это не моя тайна, — важно ответила я, потому что те объяснения, что я могла дать, совершенно не подходили семнадцатилетней девушке.

— Ну, я думаю, что Сиятельные Двуетному неуютны, — заявила Рабель. — И он не хочет, чтобы в Теофрении они опять появились, иначе бы он благословил Теодоро Мурицийского и нашу Марселу.

— В Муриции считают по-другому, — заметила я. — Они думают, что Двуетному неуютны теофренийцы.

— Чушь! — бросила Рабель.

— Чушь, не чушь, а проблемы у Теофрении, и мурицийцы не без основания считают, что из-за отсутствия Сиятельных. Теофренийцы в Муриции сейчас не слишком популярны. Именно поэтому мне и пришлось бежать. И я теперь не знаю, выберутся ли родители.

Легенда обрастала деталями на глазах. Я потупилась и тяжело вздохнула, входя в образ почти сироты.

— Прости...

— Тебе-то за что извиняться? — удивилась я.

— Не подумала, что тебе тяжело говорить на эту тему. Но я не знала и считаю очень несправедливым, что Рауля собирались лишить трона в пользу соседней страны.

В политические споры мне лезть хотелось ещё меньше, чем в теологические, потому что о взаимоотношениях стран я знала только то, что они в принципе были, а этого очень мало для любых разговоров. Поэтому я примирительно сказала:

— Не стоит обсуждать королевские решения. Король наверняка знает больше нас, и ему видней, как сделать так, чтобы страна

перестала страдать.

Ракель поджала губы, явно не соглашаясь со мной, но спорить не стала.

— Ты говорила про учебники? — вспомнила я. — Проводишь в библиотеку?

— Ой, конечно, — спохватилась она. — А потом ещё пообедать надо.

С «пообедать» я была полностью солидарна, потому что позавтракать я не успела, а есть надо даже Сиятельным, пусть даже они не совсем люди, с точки зрения Ракель.

Первым делом мы добрались до библиотеки. Ракель оказалась права: доставшийся мне комплект был дряхлый донельзя и так и норовил развалиться на листочки. Я состроила жалобное лицо и намекнула, что этому комплекту давно пора на покой, его достаточно измучили предыдущие поколения студентов, но библиотекарь оказался настолько устойчив к моим женским чарам, что я засомневалась, что под потёртой мантией прячется мужчина. Может, дело было в том, что мужчина этот был уже довольно стар, поэтому бранные радости его не интересовали?

Пришлось брать, что дали. Теоретически я могла укрепить книги, но практически показала бы знания, которым было неоткуда взяться, так что я вздохнула и потащила в комнату стопку, которая могла разлететься от любого вражеского чиха. Правда из врагов у меня была пока только дочь министерского чиновника, но я была уверена: её чих, если что, будет таким, что учебники мне вовек не собрать. Но Эрнандес мы не встретили. Наверное, сидела в новой комнате как паучиха, чтобы при первой попытке кого-нибудь влезть на её территорию, немедленно дать отпор и выдавить.

В комнате я выставила на полку книги, и мы с Ракель побежали в столовую. По пути она здоровалась то с одним, то с другим студентом, представляла нас друг другу, так что дорога несколько подзатянулась, зато я запомнила некоторых из тех, с кем предстояло учиться.

В столовой оказалось неожиданно шумно и многолюдно. Я застыла на пороге, растерявшись, Ракель дёрнула меня за руку и потащила к стойкам, объясняя по дороге:

— По центру раздача для тех, кто питается за счёт короны, справа едят преподаватели, а слева — такие, как мы.

То, что Ракель тоже учится за свой счёт, мы выяснили ещё в самом начале знакомства. Практически после того, как Эрнандес отправилась искать счастья в другую комнату.

— Меню отличается? — заинтересовалась я.

По сторонам я головой вертела, но умеренно, только чтобы убедиться, что студентов много и я с лёгкостью среди них затеряюсь.

— У студентов — нет. У преподавателей — своё, но там и цены другие.

У каждого блюда стоял ценник, поэтому очень легко было спланировать обед, не выходя за рамки отложенной суммы. Впрочем, цены действительно были мизерными. Оставшихся у меня денег с избытком хватит на питание. А в следующем году я продам ещё что-нибудь из украшений. Подумалось, что для этого лучше всего вернуться в Мурицию и обратиться к Гнусу — от него я уже знаю, чего ожидать. А главное — украшения нигде не засветятся в ближайшее время.

Свободный столик удалось найти с трудом. К моему несчастью, он оказался недалеко от преподавательской раздачи. Почему к несчастью? Потому что не успели мы приступить к обеду, как на свободный стул нагло уселся Альварес и выставил рядом с нашими подносами свой, на котором я невольно задержалась взглядом, потому что его набор больше напоминал ресторанное меню, а не результат работы поваров в студенческой столовой. Даже захотелось узнать, так ли это вкусно, как выглядит.

— Сеньориты, приятного аппетита, — бодро бросил Альварес. — Смотрю, Катарина, вы уже освоились?

— Спасибо, осваиваюсь потихоньку, — коротко ответила я.

— С соседкой проблем не возникло? — озабоченно поинтересовался он. — Эрнандес — та ещё штучка...

— Она любезно согласилась оставить комнату в наше с Ракель распоряжение, а сама переселилась.

Альварес, подносящий ко рту ложку с супом, застыл. Выглядело это комично, поскольку в таком виде походил он на статую или жертву стазиса. Ракель не удержалась и хихикнула, после чего Альварес отмер и опустил ложку в тарелку.

— Как это переселилась?

— Сеньорита Эрнандес сказала, что комната неправильно ориентирована, а она слишком деликатная натура, чтобы такое выносить, — с серьёзным лицом ответила я.

— Это она-то деликатное лицо? — возмутился Альварес. — Да она необычайно толстокожая. Не просто намёков не понимает, а даже прямого отказа, если ей это невыгодно.

— Мы с ней быстро нашли общий язык. — Пожала я плечами. — Главное, пояснять так, чтобы это не допускало двойного толкования.

— Да уж, — расхохоталась Ракель. — Двойного толкования ваша беседа допустить точно не могла.

Альварес посмотрел на меня с уважением и, кажется, что-то захотел спросить, но не успел, потому что заметил знакомого и замахал рукой, приглашая его к нашему столу. На такую вольность я посмотрела неодобрительно: по правилам хорошего тона ему следовало сначала уточнить у дам, не возражают ли они. Но это говорило во мне не моё воспитание, а Эстефании, что я поняла быстро, поэтому посмотрела на подходящего сеньора даже благосклонно. Было он чуть моложе Альвареса и, пожалуй, посимпатичней. Я бы сказала, что из-за него точно страдают по ночам больше студенток, чем из-за Альвареса.

— Рауль, познакомься с Катариной и Ракель, наши новые студентки.

Герцогиня во мне опять поморщилась на нарушение этикета, поэтому я её задвинула совсем уж в глубины памяти, справедливо напомнив, что о моём титуле тут никто не знает, а преподаватель, вне всякого сомнения, лицо более значимое, чем две студентки. Но всё же, представляя нас Раулю, Альваресу следовало и Рауля представить нам, назвав, как минимум фамилию и предмет, который тот ведёт. Но мои укоризненные взгляды до Альвареса не дошли. Ракель же молчала, восторженно поедая глазами севшего за наш столик сеньора.

Того это не очень беспокоило. Он улыбнулся нам обеим по очереди, а потом невоспитанно завёл разговор с Альваресом о предметах, в которых только поступившие особы разбираться не могли. Но мне-то, мне-то было что сказать, поэтому я невольно ёрзала на стуле, изнывая от желания влезть в их беседу и с трудом удерживаясь от этого, потому что говорили они на последнюю

«вспомненную мной» тему. Я пыталась отвлечься едой, но получалось это плохо, потому что их беседа была мне куда интереснее, чем обед.

Неожиданно Рауль заметил моё состояние и покровительственно спросил:

— Вы что-то хотите сказать, сеньорита?

— Мне кажется, что, если уж вы сели за наш столик, могли бы вести беседу на тему, доступную и нам, — брякнула я, хотя хотелось сказать «на тему, менее интересную».

— Ты что? — прошептала Ракель в установившейся тишине. — Это же Рауль.

— Да, я помню, сеньор Альварес назвал его имя, но забыл упомянуть фамилию, — сварливо отозвалась я.

Теперь они смотрели на меня все втроём. Я чувствовала, что опять что-то где-то накосячила, но не понимала что и где.

— Милая девушка, а вы откуда? — внезапно заинтересовался Рауль.

— Она только-только приехала из Муриции, — затараторила Ракель, неожиданно сильно пиная меня под столом, — Ваше Высочество.

Нет, напрасно я съела половину того, что было у меня в тарелке, потому что всё это запросилось наружу. От мысли, что я только что оскорбила теофренийского принца, мне стало нехорошо. Но Альварес же совершенно панибратски относился к венценосной персоне, вот и ввёл меня в заблуждение. Все беды от этого Альвареса: сначала чуть не поссорил меня с комендантшей, теперь вот — с принцем.

— Простите, Ваше Высочество, — выдавила я, не зная, куда девать глаза. — Я последние несколько лет провела не здесь.

— Ничего страшного, сеньорита. Я понимаю.

Он улыбнулся, а я подумала, что по этикету будет совершенно невоспитанно встать и сбежать из столовой, хотя очень хочется. Начни он меня сейчас расспрашивать о жизни в Муриции, скомпрометирую себя, как есть скомпрометирую.

— Ко мне не нужно обращаться «Ваше Высочество», — продолжил он. — Здесь меня называют сеньор Медина.

Я удивлённо вскинула голову. Сеньор? Даже не дон? Или доном называют только Сиятельных, а не любых аристократов? Свои вопросы я благоразумно оставила при себе.

— Рауль, а не изменится ли теперь?..

Альварес не договорил, но Рауль его понял и нехорошо усмехнулся.

— Это зависит от того, кого отцу удастся найти: согласную выйти за меня Сиятельную или согласного жениться на Марселе Сиятельного. Если ты не помнишь, то Теодоро согласился на брак не потому, что ему так хотелось приплюсовать к Муриции Теофрению, а потому что у него есть какое-то предсказание.

Я наострила уши, но Рауль больше ничего про Теодоро не сказал. Возможно, потому что его прервала Ракель, пробурчав:

— Жили без Сиятельных и дальше как-нибудь проживём.

— Сеньорита — приверженец Легиона? — понятливо спросил Рауль. — Увы, не проживём. Сил наших магов не хватает, чтобы стабилизировать процесс. Ехать сюда без гарантий верховной власти никто не хочет. А гарантии возникают только в случае Сиятельного на троне. Или Сиятельной. Его Величество в настоящее время пытается искать обходные пути, и у него даже что-то получается. Возможно, результат мы увидим на этой неделе. Но обсуждение таких вещей портит аппетит, не так ли, сеньориты?

— Вовсе нет, — ответила я. — Если вас что-то беспокоит, лучше выговориться, а не оставлять это при себе.

Но выговариваться при посторонних Рауль не захотел: тема для него была неприятной, хотя он и не выглядел расстроенным, говоря о том, что трон пролетел мимо его носа.

— Я лучше пойду. — Он нахмурился и встал из-за стола. — Приятного аппетита, Хосе Игнасио, сеньориты. Было приятно познакомиться.

Аппетита после его уходу ни у кого не появилось, да и разговор не завязывался. Альварес о чём-то мрачно размышлял, у меня же желания вытаскивать его из размышлений не было. С Ракель мы доели почти одновременно, и сразу встали из-за стола.

— Ну ты даёшь, — сказала она, стоило нам отойти от столовой. — Это же Рауль. Его все знают.

— Я долго жила вне Теофрении, — напомнила я. — Поэтому меня к тебе огромнейшая просьба: в следующий раз при появлении значимой персоны предупреждай меня сразу, пока я не успела сесть в

лужу. В такую глубокую, как сегодня, уже не получится, но и мелкие тоже будут лишние.

Она рассмеялась и пообещала. Но в этот день больше ни с кем мы не столкнулись, и я ложилась спать в уверенности, что хоть день и начался так себе, но закончился прекрасно.

Стоило голове коснуться плоской подушки, как сразу пришёл сон. Сон нехороший, мутный. Снилось мне, что все горгульи со всех зданий переползают на общежитие. И если бы просто на общежитие — они целенаправленно двигались к моему окну, с трудом переставляя каменные конечности и впиваясь в каменную кладку каменными же когтями. Самые первые уже достигли цели и копошились перед окном, что-то невнятно бурча и всё больше и больше надавливая на хрупкую преграду между нами. Стекло не выдержало и брызнуло блестящим крошечком под напором горгулий, а я заорала.

Но внутрь через разбитое окно пролезла не горгулья, а Теодоро собственной персоной. Он отряхнул камзол от осколков элегантно движением и невозмутимо спросил:

— И куда ты спряталась, Эстефания?

А я поняла, что вся моя маскировка в присутствии короля слетела, а я сияю так, что любой сразу поймёт, с кем имеет дело. Хорошо, что это происходило во сне, а не наяву, а то Ракель непременно бы расстроилась от такого соседства. И одного Сиятельного для неё много, а тут сразу два.

— Вламываться в спальню к девушке неприлично, не так ли, Теодоро?

— Ваше Величество, — поправил он.

Он стоял у окна, но не потому, что не хотел пройти дальше, а потому, что не мог. Что-то его не пускало, а ещё не давало разглядеть ничего, кроме меня. А я не видела ничего, кроме него. Он сиял так, что всё остальное меркло на его фоне, становилось неважным и ненужным. Меня тянуло к нему с почти непреодолимой силой. Это было явно наведённое, поэтому я насторожилась.

— Мой сон, — заупрямилась я. — Как хочу, так и называю. Что хочу, то и делаю. Хочу — целую, хочу — посылаю далеко и надолго.

— Ну так поцелуй меня, Эстефания. Я возражать не буду. Я так долго тебя искал, что не могу поверить, что наконец-то нашёл.

Он протянул ко мне руки, но я не торопилась идти навстречу. Похоже было, что этот сон — не простой сон, а значит, нёс для меня опасность. И если Теодоро по каким-то причинам не мог подойти ко мне, было бы форменным идиотизмом облегчать ему жизнь.

— Не заслужил, — отрезала я. — Я бегаю по всей стране от сдуревшей от вседозволенности тётки, а ты за этим просто наблюдаешь со стороны.

— Эстефания, как ты разговариваешь с сюзереном? — шокированно спросил он.

— У сюзерена есть обязательства перед вассалами, я сейчас о них напоминаю.

— А если я пообщаю защитить тебя от доньи Хаго, ты меня поцелуешь? — вкрадчиво спросил он.

— Обещать — не значит жениться, — отрезала я. — Обещания ничего не стоят, Теодоро, даже королевские. Вот если защитишь, то я подумаю. А пока уходи.

Я махнула рукой, и неожиданно Теодоро вынесло из комнаты, и не просто вынесло, а вместе с осколками, которые сразу вставали на свои места, образуя совершенно целое стекло. Я подошла к окну: ни горгулий, ни Теодоро. Лишь радужное марево, которое постепенно перешло в уютную темноту обычного сна.

Глава 29

Больше подобные сны мне не снились, так что я осталась в недоумении, был ли он наведённым магией или обычным ночным кошмаром, если так можно сказать про сон с участием Его Величества Теодоро Блистательного. А то ещё выяснится, что называть сны про него кошмарами — попадать под какой-нибудь закон об оскорблении монаршей персоны. Но сон однозначно меня напугал, хотя теперь я и сама не могла сказать, что заставило меня не ответить на просьбу Теодоро и не подойти к нему. Тогда опасность казалась пусть и непонятной, но реальной. Мог ли Теодоро вытянуть меня через сон к себе? Или повлиять на меня каким-нибудь неприятным образом? Ответа, к моему большому сожалению, я не знала.

Обидно, что и спросить было не у кого. Я уже столько раз показывала свою подозрительную инаковость, что боялась проколоться и тут, чем сделать невозможным своё обучение, поэтому про сны с горгульями ни у кого не спрашивала.

Дело в том, что меня сразу насторожило, когда соседка утром подозрительно начала интересоваться, что мне снилось. Пришлось небрежно бросить:

— Не помню. Кошмар какой-то.

— Кошмар? — разочарованно протянула она.

Больше она допытываться не стала, после чего я помялась, помялась, но всё-таки решила уточнить:

— А почему ты спрашиваешь?

— Да Эрнандес хвасталась, что эта кровать особая, — ответила Рабель.

— Зачарованная на кошмары? — подозрительно уточнила я, переводя взгляд на третью бесхозную кровать: может, лучше занять, пока не поздно?

— Нет. Позволяет будущее увидеть, когда ты спишь на ней впервые. Причём, просыпаясь, ты точно помнишь, что видела. Эрнандес говорила, что у неё инфа от отца. Врала, значит. Ты же не помнишь...

— Может, кровать перепутала? — предположила я, а когда Ракель уставилась с интересом на пустую комнату, добавила: — Или комнату? А может, выдумала или подшутил над ней кто?

Про себя же я решила, что вариант будущего в виде горгульи, на что сон намекает, меня не прельщает, даже если оно будет рядом с Теодоро. Нет, может, ему как раз и нужна ручная горгулья, очень удобная в борьбе с магами: противника подрать гранитными когтями или ему же камушками на голову нагадить. Но тоже вряд ли, потому что в быту горгулья хороша, только когда стоит на крыше дома и отгоняет от того злых духов. Что же касается Теодоро, то он наверняка со своими врагами справляется без чужой помощи, привлекая разве что придворного мага. От воспоминаний о Бласкесе меня передёрнуло. Мутный он всё-таки тип.

Мы с Ракель ходили по академии, с интересом изучая все её места, тайные и явные. Но только один корпус. Во второй, сколько я ни смотрела, никто никогда не заходил. Ракель к нему интереса не проявляла, пришлось зайти издалека.

— Мне кажется, второе здание красивее.

— Ты что? — сразу возмутилась она. — Второе здание — для Сиятельных. Как оно может быть лучше нашего?

— Для Сиятельных? — поразилась я. — Но у нас же нет Сиятельных.

— Сиятельных нет, а корпус академии остался, — помрачнела Ракель. — Ты совсем про это не знаешь?

— Совсем. Мне соседка по дилижансу сказала, что я магию неосознанно использую, а так, может быть, я бы никогда сюда не пришла. И магией раньше не интересовалась.

— А, ну да, конечно. Это у нас в семье все только про это и говорят, а обычным людям зачем, — понятиливо кивнула она.

— Так почему корпус оставили? Или не попытались использовать?

Ракель нехорошо сузила глаза и руки в кулаки сжала.

— Потому что войти туда никто, кроме Сиятельных, не может. А уничтожить его пытались — но куда там! Там защита такая, ещё лет сто точно выдержит. Нет, если бы маги объединились, снести его можно было хоть сегодня, но, представляешь, многие говорят, что не

хотят тратить силы на такую ерунду и что может пострадать второй корпус.

— Но зачем сносить? Там же наверняка что-то ценное есть? Библиотека, артефакты, оборудованные учебные аудитории?

Перечисляя всё это, я чуть ли не облизывалась от предвкушения: вот оно, сокровище, лежит, ждёт только меня.

— Нам ничего не нужно из наследства Сиятельных, — твёрдо заявила Ракель. — Их секреты пусть с ними и умрут.

Она даже рукой дёрнула в характерном жесте, словно закапывала что-то.

Она болтала на заданную тему, как заведённая, изливая тонны ненависти на Сиятельных как уже давно покойных, так и тех, кто жил в других странах и никак не касался Теофрении. Я же размышляла о том, что я — единственная, кто может попасть во второй корпус. Знать бы ещё, что для этого нужно. Возможно, иметь ключ? Или владеть заклинание прохода? Вариантов была масса, но все они требовали проверки, а я боялась даже близко подойти к зданию и тем самым показать свой интерес. Вокруг корпуса словно зона отчуждения была, никто не подходил, зато деревья рядом вымахали чуть ли не в высоту самого здания. Правда, ветками в окна тоже не стучали, держали дистанцию.

— Ой, должны же были списки вывесить! — внезапно спохватилась Ракель. — И сегодня же собрания по группам, на списках куратора и время указывают.

Но спохватилась она рано, потому что, когда мы подошли, списки только вывешивали. Группы были маленькие, по десять-двенадцать человек. Мы с Ракель попали в одну, а Эрнандес — в другую, что порадовало. А вот то, что куратором у нас оказался Альварес, напротив, насторожило. И еще насторожило, что в конце листа была приписка, что за час до собрания по группам будет отдельное собрание для студенток.

— Это зачем? — спросила я у Ракель, как уже у привычного источника информации.

— Ты о чём?

— Я про собрание. — Ткнула пальцем в строчку. — Которое только для девушек. О чём там собираются говорить?

— Понятия не имею. — Она выглядела не менее удивлённой, чем я. — Меня о таком никто не предупредил. Возможно, речь пойдёт о дополнительных курсах?

— С чего вдруг? Должна же быть определённая программа?

— Мама говорит, что женская психика более гибкая и женщины более обучаемые. И вообще, вдруг это связано с принцессой? Она же приходит на некоторые лекции?

— Для первого курса? — скептически уточнила я.

— Нет, конечно, не для первого. Кстати, смотри, собрание будет для всех курсов.

И это было так. Изучая наши списки и выискивая в них уже знакомые фамилии, я не обратила внимания, что и для других курсов объявления тоже вывесили. Гадали мы долго и безрезультатно, и не только мы: на обеде к нам подсаживались несколько девушек с вопросом, не знаем ли мы, что будет на собрании. Вопрос адресовался, главным образом, Ракель, об особенностях семьи которой многие были в курсе. Это стало утомлять, поэтому четвёртой подсевшей девице я посоветовала обратиться к Эрнандес, чей отец работал в Министерстве магии, а значит, она почти наверняка была осведомлена о нововведениях по академии. Девица в ответ скорчила такую гримасу, что не приходилось сомневаться: к Эрнандес она не пойдёт.

Впрочем, долго мучиться неизвестностью нам не пришлось, потому что собрание случилось всего через каких-то два часа после обеда: ни приличной теории заговора не выработать, ни похудеть от переживаний. Аудитория была битком набита: девушек в академии было немного, но помещение под беседу выделили слишком маленькое. Наверное, чтобы проще было наложить защиту, потому что вошедший Альварес первое, что сделал, — бросил заклинание, не позволявшее вырваться из аудитории ни единому звуку. И только после этого он поздоровался и сказал:

— Сеньориты, тема нашей нынешней беседы будет очень деликатной и не должна выйти за пределы этой комнаты.

Мне подумалось что для деликатной беседы могли пригласить магичку-целительницу. Кому, как не им, знать всё о деликатных проблемах женского тела? В то время как молодой мужчина не казался мне подходящим лектором для толпы девушек. Тем не менее он прошёл к кафедре, ничуть не смущаясь от взглядов порозовевших

сеньорит, подталкивающих друг друга локтями и перешёптывающихся. Толкались не все, конечно: вокруг Эрнандес было достаточное пустое пространство, чтобы она ни до кого не могла дотянуться локтем.

— Итак, речь пойдёт о Сиятельных. Все вы знаете о проблемах нашей страны, связанных с отсутствием Сиятельных.

— Вопрос спорный, — привычно пробурчала Ракель. — Возможно, если бы их не было в соседних странах, то мы жили бы, как они.

— Скорее, они жили бы, как мы, — насмешливо ответил Альварес. — Сеньорита, на ближайшее время оставьте эти бездоказательные теории при себе или вы будете исключены. Предупреждаю официально, потому что нам не нужны проблемы с Мурицией, выделившей нам преподавателя-Сиятельного.

По аудитории прокатился дружное ах, а потом Эрнандес, как самая устойчивая к подобным заявлениям, пренебрежительно бросила:

— Наверняка отправили к нам какого-нибудь ни на что не годного старого пердуна.

— Конечно, — неожиданно поддержала Ракель, — чтобы не жалко было, в случае чего.

Глаза её горели столь фанатично, что не приходилось сомневаться, какой именно случай она имела в виду.

— Напротив, — сурово возразил Альварес, — прибывающий маг, граф Дарок, молод и красив. И вот об этом я хотел бы с вами поговорить.

Надо же, Диего сослали в Теофрению. Интересно, что он натворил в этот раз? Для столь жестокого наказания должна быть веская причина: не меньше, чем соблазнение любовницы Его Величества. Как-никак жизнь Диего здесь постоянно будет подвергаться опасности — уверена, таких, кто думает, как Ракель, в Теофрении очень много.

— Двуетидный, — презрительно фыркнула Эрнандес, — не надо ходить вокруг и около, Скажите прямо: вам нужно, чтобы он на ком-то женился и остался тут.

— Не обольщайтесь, сеньорита, Сиятельный ни на ком из вас не женится, не захочет портить породу, — насмешливо бросил Альварес. — Даже в случае, если бы за вами стояло нечто большее, чем

смазливая мордашка, которая не идёт ни в какое сравнение с ослепительной красотой Сиятельных дам.

Положим, не такая уж она и ослепительная, а Сиятельные могут выглядеть даже отгалкивающе, если не хотят вызывать положительные эмоции у наблюдателей. А чаще всего — не хотят. Хотя при первой встрече Сиятельные производят убойное впечатление. Взять того же Теодоро — когда я его увидела впервые, мне показалось, что кто-то подкрался сзади и приложил мешком по голове. Но, возможно, так проявляется любовь?

— Если у нас появятся свои Сиятельные, корона щедро вознаградит тех, кто этому поспособствует, — тем временем продолжал Альварес, улыбаясь настолько неприлично, что не возникало сомнения в том, что именно он имел в виду.

— То есть вы хотите?.. — пискнула какая-то сеньорита в первом ряду, но не закончила фразу и покраснела.

— Именно. Любой ребёнок от Сиятельного с какой-то вероятностью тоже будет Сиятельным. Особенно, если мать — маг.

Студентки выглядели донельзя ошарашенными, мне же неожиданно стало смешно. Судя по тому, что я помню о Диего, соблазнять его никому не придётся. Его хватит на всех.

— Чисто ради интереса, сеньор Альварес. — Я подняла руку. Я прекрасно осознавала, что привлекаю нежелательное внимание, но ничего не могла с собой поделать. — А что будет с теми детьми, которые не засияют? Вдруг здесь атмосфера такая, что Сиятельность ни к кому не прилипнет? Вы учитываете вариант, что все студентки окажутся с внебрачными детьми, на воспитание которых у них не будет денег? Дети, которые так и не станут Сиятельными, но испортят матери учёбу, да и жизнь в целом. Ведь я правильно понимаю, что определить, станет ли ребёнок Сиятельным, можно только после его рождения?

— Речь идёт только о выплатах за Сиятельных детей, мне очень жаль, — стрельнул он в мою сторону улыбкой.

— То есть вы хотите превратить академию в бесплатный бордель как для Сиятельного, так и для нашей короны? Мне кажется, это не слишком хорошо отразится на репутации учебного заведения.

— Сеньорита, где вы набрались таких гнусных мыслей? — возмутился Альварес. — Речь не идёт о том, чтобы устраивать тут

бордель. — Речь идёт о том, чтобы поспособствовать благу собственной страны.

— Увеличить в ней рождаемость можно и более щадящими методами, — заметила я.

— В конце концов, дети от Сиятельных — всегда маги, и почти всегда Сильные. Свежая кровь в наши магические рода нужна, — рявкнул Альварес, порядком разозлённый моими словами. — И если вам для этого нужно всего лишь принять ухаживания молодого красивого мага, то не вижу причины, почему бы так не сделать. Не такая это большая жертва, зато благодарность Теофрении будет велика. Можно сказать, вы станете нашими героинями.

— А ещё, чисто ради интереса, если дон Дарок внезапно предпочитает мужчин, то вы, сеньор Альварес, пожертвуете собой ради добычи семенного материала? Станете нашим героем?

Альварес растерялся.

— Сеньорита Катарина, вы серьёзно?

— Наклонности у Сиятельных бывают самые разные, — добила я его. — Я не исключаю, что вы его привлечёте куда больше нас. Вы же такой красивый...

Я даже улыбнулась, но кажется, мой комплимент Альвареса ничуть не порадовал, а обеспокоил. Похоже, прямо после собрания он отправится изучать сексуальные пристрастия Диего, чтобы, если что быстро поменять место работы подальше от столицы. Вот так всегда: многие готовы жертвовать другими ради всеобщего блага, но как зайдёт речь о себе любимом, сразу выясняется, что жертва чрезмерна.

Глава 30

Разумеется, за время до общего собрания нашей группы Альварес успел выяснить про Диего всё нужное и успокоиться на его счёт. Но это не значит, что он забыл про ту, что его напугала. Всё собрание он выразительно на меня посматривал, вне зависимости от того, о чём говорил: об ответственном подходе ко всем занятиям, о том, что в городе мы не должны позорить академию или о том, что боевую магию можно использовать только на полигонах, специально для этого оборудованных. Словно именно я была им назначена на роль злостной нарушительницы. Группа почти целиком состояла из парней, исключением были только мы с Ракель, и я уверена: остальные будут нарушать куда чаще и серьёзнее, чем мы с подругой, пусть сегодня им внимания и не перепало.

— Итак, завтра первый день, когда вы осознанно столкнётесь с магией, — тем временем вещал Альварес. Голос у него был красивый и заполнял небольшое помещение, где мы сидели без всяких усиливающих ухищрений. — И одно из первых заклинаний, которое вы обретёте, покажет ваш уровень магии. Кольца силы.

Он поднял руку, сомкнул её в кулак, после чего вокруг руки от запястья до локтя начали образовываться кольца. Получилось восемь штук, правда, последнее, не такое яркой, как первые, тускловатое, сильно портило картину, Альварес явно рисовался, а в аудитории раздался восторженный ор, из чего я сделала вывод, что столько колец говорит о высоком уровне магии. Появились смутные подозрения, что я тоже умею так делать, но не могу, потому что не помню. А ещё убеждённость, что у меня колец больше.

— Ты вообще где? — раздался подозрительно знакомый голос, которого я думала больше не услышать. — Какое пугающее место.

И точно: над правым плечом Альвареса повисло моё бывшее изображение, осматривающееся с выражением, которое я раньше наблюдала в зеркале, когда была чем-то недовольна.

— Я вообще в Теофрени, в университете, — ответила я ей мысленно.

— Ты вообще нормальная? — взвизгнула она уже с совсем не моими интонациями. — Тебя же тут убьют!

— Чего ты так переживаешь? — я даже удивилась. — Мы с тобой как раз и договаривались на то, что меня убьют, разве не так?

— Но не тут. Тебя тут убьют неправильно! — выдала она.

— Я попрошу, чтобы мне привезли нужное платье и отрубили голову. Или хотя бы второе. С отрубленной головой смерть же будет правильной даже в неправильном платье?

— Правильной, — неохотно согласилась она. — Но лучше бы тебе отсюда уехать как можно скорее. Если уж собралась в университет, поступала бы в наш.

— В ваш — это какой? — ехидно уточнила я. — У вас там магических университетов вообще не предусмотрено. А те, что есть, — чистой воды жульничество. Да и не попасть мне теперь туда.

На миг на меня нахлынули воспоминания о жизни в том мире, и стало ужасно грустно. Пусть случившее для всех пошло на пользу, но я никогда больше не увижу близких мне людей. Никогда. Страшное слово, на самом деле.

— Возможно, правильной было бы мне принять свою судьбу, — неожиданно сказала Катя. — Но я очень хотела жить. Мне казалось, что наш обмен всё это закроет, но тем не менее нас с тобой время от времени притягивает друг у другу. И если первый раз тебе нужно было убедиться, что всё прошло в соответствии с клятвой, но почему теперь тащит к тебе меня? Я ничего не хочу знать о том что происходит здесь.

Я пожала плечами.

— В магии я разбираюсь куда хуже тебя. Я даже не знаю, сколько у меня колец силы.

— Двенадцать.

— А максимально?

— Пятнадцать. Но таких случаев за всю историю было очень мало. Большинство магов имеют уровень три-пять кругов, этак процентов девяносто. За десятку выходят единицы Сиятельных. Я очень сильный маг, — с гордостью сказала она.

— Была, — поправила я, размышляя, могу ли я не изучать напрочь демаскирующее меня заклинание.

— И была, и есть. Если бы мы не были магами близкого уровня, обмен не случился бы. Просто тебя никто не учил, — снисходительно

пояснила она. — Учили бы — для тебя та травма не оказалась бы непреодолимой.

— Ничего. Сейчас научат.

— Повторяю: удирай отсюда, пока никто не понял, — уже с раздражением сказала она. — Не хочешь в Мурицию, уезжай в Варенцию.

— Это куда твоя тётя планировала меня выдать замуж? То есть ещё тебя?

— Ой, там всё мутно, — она поморщилась, явно сообразив, что использовала словечко не из герцогского лексикона. Понабиралась у нас, однако. — Но лучше туда, чем здесь.

— Теофрения взяла курс на заселение земель собственными Сиятельными, — сообщила я. — Так что не всё так страшно, как тебе кажется. А замаскировать результат заклинания я могу?

— Можешь, — подтвердила она. — Не сжимай руку до конца. Потренируйся где-нибудь, где тебя никто не видит.

— Я заклинания не знаю.

— Тоже мне проблема. — Она насмешливо фыркнула и уселась поудобнее прямо в воздухе, случайно пнув разглагольствующего Альвареса. Тот почувствовал что-то неладное и даже обернулся, но ничего не обнаружил. — Не люблю теофренийцев.

— У меня такое чувство, сеньорита Кинтеро, что вы видите что-то недоступное нам, простым смертным, — неожиданно вмешался в нашу милую беседу Альварес. — Вы так пристально смотрите куда-то рядом со мной...

Он подозрительно хмурился и зыркал глазами по сторонам, словно ища привидение. Но Катя привидением не была. Чем она была? Отпечатком души? Её проекцией? Я затруднялась определить, потому что мои познания в магии были неприлично скудны.

— Меня учили, что на мужчину нельзя смотреть пристально, — нашлась я. — Я пытаюсь соблюсти приличия.

Не было похоже, чтобы Альварес мне поверил. Наверняка припомнил, что я раньше не избегала чужого взгляда. Он опять изучил помещение внимательнейшим образом, даже пару заклинаний использовал, но ничего подозрительного не заметил.

— Вам придётся пересмотреть своё отношение к приличиям, сеньорита Кинтеро, потому что преподавателей-мужчин у нас много и

не всем понравится, когда студентка смотрит сквозь них.

— Не люблю теофренийцев, — повторила Катя и уже прицельно пнула Альвареса в плечо. — Напыщенные идиоты, наивно полагающие, что они что-то понимают в магии. Да у него чувствительность, как у жука-скарабея.

Спросить, почему как у скарабея, я не успела, потому что её внезапно потащило на выход из этой реальности. Зато я успела крикнуть:

— Заклинание!

Проорала ответ она уже совсем издалека и не слишком внятно, но мне этого хватило, чтобы «вспомнить».

— Сеньорита Кинтеро, я рад, что моя речь вызывает у вас такой энтузиазм, но прыгать на стуле — лишнее, — уже раздражённо заметил Альварес. — Итак, всё, что хотел сказать, я сказал. У вас остались вопросы?

Вопросов ни у кого не оказалось, и Альварес разрешил нам разойтись, правда, посмотрел на меня так, что я сразу вспомнила Мюллера с его приснопамятным: «Штирлиц! А вас я попрошу остаться». Интуиция меня не подвела:

— Сеньорита Кинтеро, задержитесь, пожалуйста. У меня к вам разговор.

Ракель остановилась, не собираясь меня бросать на растерзание злому куратору.

— Сеньорита Наранхо, вы можете идти. После разговора я провожу сеньориту Кинтеро до общежития, не беспокойтесь. Всего хорошего.

Он довёл Ракель, бросавшую на меня отчаянные взгляды, до двери и тщательно прикрыл створку, отрезая мне путь к отступлению. Хорошо, что ключом не воспользовался, а то девушка, вынесшая массивную дверь, запертую на замок, сразу будет заподозрена в использовании заклинаний. А то, что я в случае чего вынесу, я не сомневалась.

— Садитесь, Катарина. — Альварес указал на стул за столом первого ряда, дождался, пока я сяду, и пристроился на соседнее сиденье, раздражающе близко ко мне. — Вам нужно бороться с рассеянностью. Это очень плохое качество для мага.

Он удручѐнно покачал головой, словно извѐлся в переживаниях за меня.

— Как мило с вашей стороны, что вы за меня беспокоитесь, сеньор Альварес, — я столь сладко улыбнулась, что у самой зубы свело от приторности. — Но я не буду на других занятиях отвлекаться. Всё дело в том, что меня смущаете только вы.

Конечно, это был не лучший вариант отвлечь Альвареса от своего странного поведения, но отвлечь было надо, а ничего другого в голову быстро не пришло. Мило покраснеть не получилось, но опустить глаза долу и затеребить кстати подвернувшийся платочек удалось довольно достоверно.

— Я вас смущаю? — удивился он. Ничего странного: я бы на его месте тоже удивилась. — Но это не помешало вам сказать, что я красивый.

А ещё сильный маг с хорошей памятью. Последнего я, разумеется, озвучивать не стала.

— А почему нельзя такое говорить? Разве это не правда?

— Теперь вы смущаете меня, Катарина, — откашлялся он.

На смущѐнного он не походил вовсе, скорее, на того, кто лихорадочно решает, как использовать неожиданное признание в свою пользу.

— Тогда я пойду? — я было подскочила, но он цепко ухватил меня за руку, заставляя опять опуститься на сиденье. — Чтобы никто никого не смущал.

Но даже когда я села, руку мою он не отпустил. Вот ведь прилипчивая зараза! Может, Катя не так и неправа и двигаться нужно было в Варенцию? Но там наверняка есть свои маги с неприличным поведением.

— Я правильно понял, Катарина, что вас не привлекает возможность пообщаться с приезжающим Сиятельным?

— Совершенно правильно. — Я потянула руку на себя, но Альварес и не подумал расстаться с тем, что считал своим призом, напротив, накрыл своей второй рукой и придвинулся поближе вместе со стулом. — Отпустите же меня, сеньор. Это становится неприличным.

— Что вы, Катарина, это необходимо, чтобы почувствовать, если вы вдруг мне скажете неправду, — нагло соврал он, поскольку никаких

заклинаний не использовал. — Но приезжающий Сиятельный может захотеть пообщаться с вами.

Я хотела возразить, что желающих пообщаться с ним будет столько, что Диего станет не до тех, кто его игнорирует, но вместо этого спросила:

— У вас есть идея, как мне этого избежать?

— Разумеется, Катарина, — бодро ответил он. — Ни один маг не покусится на то, что принадлежит другому, понимаете?

— Пока нет. Ваши рассуждения идут слишком причудливым курсом.

Нет, я понимала, к чему он клонит, но играть дурочку иной раз очень полезно. А влюблённую дурочку — полезней втройне.

— Если у нас с вами будет роман, дон Дарок не станет вставать, между нами.

Вряд ли Диего будет вообще дело до чужих отношений, если он решит завести свои. Но мне действительно нужно держаться от него подальше по очень важной причине: пусть внешность я изменила, но голос остался тот же.

— А вы не торопитесь, сеньор Альварес? Мы слишком мало друг друга знаем. В университет я пришла заниматься магией, а не заводить романы. — Я оживилась решив, что наконец нашла правильную причину. — Сеньор Альварес, я собираюсь посвятить свою жизнь магии. Так что никаких романов, сеньор Альварес.

Я посмотрела со всей возможной суровостью, но он неожиданно не то что не устыдился, а напротив, вдохновился непонятно чем.

— Правильная настроенность, Катарина. Если уж вы собрались отдаться магии без остатка, то это нужно делать по всем правилам. Вы знаете, как важен первый раз?

— Первый раз? — недоумённо переспросила я.

Это он так про первое применение магии? С пиететом в голосе и поволокой в глазах?

— Первый раз интимной близости, — Альварес поднёс мою руку к губам, поцеловал и продолжил: — От него зависит, полностью ли раскроется потенциал мага, поэтому партнёра выбирать надо тщательно, чтобы он был сильнее по уровню магии, понимаете, Катарина?

— Оу, — округлила я глаза в деланом изумлении. — То есть вы до сих пор девственник? — Он поперхнулся от возмущения, а я наконец отобрала руку и продолжила, как ни в чём не бывало: — И всё это время ждали меня? И всем желающим увеличить вашу магию отвечали: «Не для вас моя ягодка росла»? — Меня несло, но остановиться было выше моих сил: слишком смешно он на меня тарасился, замолчу — непременно расхохочусь. — Как мило с вашей стороны. Мне так жаль, что я не могу ответить на ваше предложение. И даже не потому, что собиралась посвятить жизнь магии, ведь это было до встречи с вами. Дело в том, что у нас семья с устоявшимися традициями, и решать будет отец.

— Отец? — отмер Альварес.

— Ну, конечно. — Я улыбнулась, очень надеясь, что улыбка не получилась издевательской. — Он должен одобрить кандидатуру жениха. Папа приедет, и вы его спросите, можно ли вам за мной ухаживать. А пока разрешите мне уйти, чтобы не подумали чего-нибудь нехорошего, понимаете?

Я выскочила из аудитории, пока он не опомнился, и рванула на выход. Пронеслась мимо Ракель, так и не ушедшей и ожидавшей меня на ближайшей лестничной площадке, бросила: «Задержи его» и понеслась дальше. Услышала топот горе-ухажёра слишком быстро, поняла, что до общежития не добегу, и свернула к Сиятельному корпусу — там такие заросли вокруг, что слон спрячется, а не то что бедная испуганная девушка.

Эх, зря я потопталась по мужской гордости Альвареса. Вдруг он так взбесился, что готов немедленно увеличивать мой или свой — это уж как получится — магический потенциал? Нет, так-то он выглядит приличным сеньором и вполне может бежать за мной, чтобы извиниться, но даже у приличных сеньоров иногда рвёт крышу, поэтому останавливаться и проверять я не буду.

Я влетела в кусты перед Сиятельным корпусом и замерла. Сделала я это вовремя, потому что как раз на улице появился Альварес. Выглядел он достаточно взбешённым, чтобы я уверилась в правильности решения спрятаться. За ним на улицу выкатилась Ракель и что-то принялась втолковывать. Но наш куратор её не слушал. Повертев головой направо-налево, он наконец догадался отправить

сканирующее заклинание. Теоретически я умела его обойти, но практически не успевала.

Внезапно передо мной возникла морда горгульи и проскрежетала:

— Проблема, донья?

Папа мной бы гордился, потому что я не заорала от ужаса, а почти спокойно ответила:

— Уже нет.

И проводила взглядом отразившееся от моей собеседницы заклинание. Сейчас горгулья казалась намного привлекательнее Альвареса. Во всяком случае не предлагала с ходу увеличить мой магический потенциал.

Глава 31

Альварес злился, пытаясь раз за разом меня найти и не находя. Ракель забеспокоилась и начала в чём-то обвинять нашего куратора, угрожающе наставив на него палец. До меня доносились обрывки фраз: «в наш просвещённый век», «немыслимо» и «будем жаловаться ректору». Альварес потерял интерес к поискам и начал вяло оправдываться: «неправильно поняла», «хотел извиниться» и «зачем же сразу жаловаться?». Руки при этом он выставил в характерном защитном жесте, словно боялся, что Ракель приложит его заклинанием или скорее, сырой силой. Очень уж злой выглядела сеньорита.

В конце концов поле боя осталось за ней. Альварес словно растворился, Ракель же осмотрелась и пошла в общежитие. Я из кустов вылезать не торопилась, тем более что у меня был такой интересный молчаливый компаньон. Горгулья сидела рядом и внимательнейшим образом меня изучала.

— Донья, если вы опасаетесь, что нас могут услышать, — зря. — Её голос больше всего напоминал трение двух булыжников друг о друга и был ужасно непривычен, но полностью разборчив. — Защита корпуса не пропустит. Мы под ней.

Ага, получается, что поисковый импульс отразился не от горгульи, а от защиты корпуса? Я только сейчас соизволила приглядеться и заметила очень тонкую дымку заклинания как раз за каменной собеседницей.

— Она разряжается.

— Это так. Но вы теперь здесь. И вы зарядите, — уверенно поставила меня в известность горгулья, пристально посмотрела на мою скептически скривившуюся физиономию и сурово добавила: — Это очень важно, донья. Потому что, если сюда проникнут *они*, случится ужасное.

«Они» было сказано столь пренебрежительно, словно речь шла о помойных крысах, а не о магах, которым не посчастливилось засиять. Эта горгулья — тот ещё сноб.

— И что такого ужасного случится?

— Они проникнут в библиотеку. А там знания, которые им не нужны, более того, вредны и опасны.

— Для существования Сиятельных?

— Разумеется.

— Их здесь и без того нет.

— А вы?

— Я случайно и под маскировкой. В Теофрении не осталось ни одного Сиятельного.

Горгулья тяжело вздохнула. Звук походил на вырвавшийся стон из скальной расселины.

— Это ужасно, донья. К худу, или к добру, но однажды наш мир был изменён так, что без Сиятельных существовать не сможет. Убери их — погибнет мир. Разрушится, потому что не будет скрепляющих целостность Сиятельных. Но вы это и сами прекрасно знаете.

— Я про это впервые слышу, — возразила я. — Наверное, информация об этом находится в закрытой библиотеке.

— Разумеется. А как же иначе? Но если до неё доберутся *они*, беды не избежать. Кого-то мы сможем убить, но не всех. Уничтожить книги, увы, не в наших силах.

Я повернулась и посмотрела на тёмное, недружелюбно смотрящее на меня всеми окнами здание. Тёмными окнами, скрывающими какую-то страшную тайну, за которую могут запросто убить. Утешало одно: горгулья ко мне спустилась в одиночестве, остальные стояли на своих местах, хотя я бы не смогла сказать с уверенностью, с какого места приползла эта. Возможно, она здесь была вообще кем-то вроде разводящего и своего постоянного места не имела?

— А вы кто? Хранители этого места? Мне сказали, что горгульи — основа охранной сети академии. Специально сделанные статуи.

Раздавшийся скрежет меня изрядно напугал, пока я не сообразила, что так моя собеседница смеётся.

— Горгульи — это только удобная форма, которую сложно повредить. Сюда притянуло всех фамильяров, оставшихся без хозяина. Разумеется, только тех, чьи хозяева погибли достаточно близко к этому месту.

Опять раздался тяжёлый вздох.

— А остальные? — спросила я, страшась услышать ответ.

— Остальные ушли в небытие. Если духа вытащили на этот пласт, назад ему путь закрыт, — проскрежетала горгулья. — Да и жизнь без хозяина коротка. Даже в такой форме которая требует минимальной поддержки.

— Коротка? — удивилась я. — В Теофрениии довольно давно уничтожили Сиятельных.

— Время — понятие относительное. Сейчас от времени, когда спадёт защита со здания, нас отделяет лишь миг, — намекнула она. — Не пора ли вам, донья, заняться тем, ради чего Двуетиный направил вас в это место? Поговорить можно потом.

— Как я могу это сделать?

— Внутри здания есть кристалл, к которому нужно приложить руку и отдать часть своей энергии.

— Как я попаду внутрь?

Конечно, дверь была от меня недалеко, но, украшенная оскаленными звериными пастями, выполненными с пугающей точностью, она выглядела столь устрашающе, что горгулья на её фоне казалась очаровательной болонкой. Двери даже Альварес проигрывал в кошмарности, а уж он знал толк в пугании бедных девушек.

— Просто пройдите, — удивлённо ответила горгулья. — Вам что, некому было рассказать?

— Вся моя семья погибла.

— А фамильяр?

— Подозреваю, что тоже. Кстати, а я могу попросить кого-нибудь из вас стать моим фамильяром?

Горгулья собрала каменные брови вместе, при этом на её лбу получилась забавная каменная кучка.

— Когда и как погиб ваш фамильяр?

— Я не знаю. Дело в том, что я потеряла часть памяти не так давно, и после этого я его не видела. И даже не знаю, как выглядит.

— Ты соприкасалась с ним последний раз недели три назад, — неожиданно сказала горгулья. — Может, чуть больше или меньше.

Я задумалась. Примерно в это время я отправилась в замок, но, хоть убей, не могла там припомнить ничего, даже отдалённо похожего на духа-фамильяра. Животных там было мало, а те, что были, казались совершенно обычными. Особенно тот отвратительный огромный паук, что спустился как-то на моё плечо в библиотеке. Как я тогда не

заорала, до сих пор удивляюсь. Наверное, горло от ужаса спазмом перехватило. Неужели это и был фамильяр? Но я читала, что обычно это теплокровное и симпатичное существо. Может ли быть, что общение с леди Хаго превратило нечто милое в этакую страхолюдину? И почему мне в голову не пришло спросить Катю о фамильяре?

— Кто бы он ни был, на глаза он мне не показывался, — наконец ответила я, всесторонне обдумав вариант с пауком и решив, что такой фамильяр Эрileyским не подходит. Недостаточно большой и пушистый.

— Ты с ним разговаривала, — уверенно сказала горгулья. — Это видно.

— А как он выглядел, не видно? — поинтересовалась я. — Я общалась не с таким количеством живых существ, чтобы не заметить что-то странное. Возможно, он общался со мной, когда я спала?

— Возможно, — неуверенно согласилась горгулья. — Но пойдём внутрь. Время не ждёт. Здание уже настроено на тебя.

И она просочилась прямо сквозь стену, сливаясь с ней в одно целое так, что даже следа на поверхности не осталось. Я замерла. Желания слиться со стеной у меня не появилось.

— Что случилось? — из стены высунулась горгульина физиономия. — Пойдём.

Я протянула руку, и она вошла в камень, не встретив препятствия, поэтому я закрыла глаза и отважно шагнула внутрь, открыв их уже в здании. Внутри всё выглядело так, словно вот-вот кто-то появится в коридоре, а оглушающая тишина — всего лишь следствие каких-то моих проблем со слухом. Светильники горели, заливая коридор тёплым солнечным светом.

Впрочем, тишина тут же разрушилась бодрым цоканьем каменных когтей по полу. Удалялась горгулья от меня с приличной скоростью. Я же сначала убедилась, что смогу выйти отсюда так же, как и вошла, для чего высунула лицо наружу, полюбовалась на ветки перед носом и лишь потом бросилась догонять проводника.

Свет загорался при моём появлении и гас, когда я отходила подальше. В помещениях, где никого не было, стояла темнота, но двери не всегда были открыты, и свет из коридора отражался от шкафов со стеклянными дверцами, от разнообразных устройств со стеклянными деталями и от окон, не задёрнутых шторами. Стало

неуютно при мысли, что если иллюминацию пустого здания не заменили, то вот-вот заметят, и тогда на входе меня будет встречать радостная делегация магов. Я, может, и пояснить-то не успею, как меня правильно убивать, а уже отправлюсь туда, куда очень не хотела попадать Катя. И всё же, что это за место, куда нельзя попасть только после отрубания головы? Прямо моя предшественница отказывалась говорить, но при одном упоминании впадала в панику.

— Свет можно погасить? — спросила я.

Горгулья остановилась и развернулась ко мне всем туловищем.

— Тебе не нужен свет?

— Мне нужен, но он виден снаружи, а в моих планах нет сообщения всем желающим, что на территории академии появилась Сиятельная.

— *Они* не увидят. Защита не пропустит. *Они* никогда не знают, что тут происходит.

Её слова меня немного успокоили, но именно что немного. То, что защита дышала на ладан, я уже видела, возможно, она была уже не столь непроницаема, как раньше. Поэтому я не только сама ускорила, но и горгулью поторапливала, но она, увы, двигаться быстрее не могла.

Нужный кристалл оказался посреди второго этажа. Раньше, как объяснила мне по дороге горгулья, подзаряжать его было обязанностью каждого Сиятельного, попадающего в стены академии, поэтому он всегда был полон сиянием. Сейчас заряд там плескался на доньшке, позволяя поддерживать лишь базовые функции, а сам кристалл выглядел тусклым и каким-то больным, если так можно говорить о кристалле. Ёмкость его поражала: если я безостановочно буду вливать туда магию, потребуется не меньше года, чтобы он опять засиял.

— Нам много не надо, — умоляюще сказала горгулья, заподозрив, о чём я размышляю, стоя над кристаллом. — На первых порах мы активно тратили магию, это да, но потом привыкли экономить. Мы не будем тратить просто так.

Но я думала совсем не про это.

— Снаружи не видно только света, или любое магическое действие тоже остаётся незамеченным?

— Разумеется, любое, — даже как-то оскорбилась горгулья.

— Тогда сделаем так...

Я слила примерно половину имеющейся у меня маны, что, впрочем, почти не отразилось на состоянии кристалла. А после этого под неодобрительным взором горгульи принялась отрабатывать заклинание Кругов Силы. Местная библиотека от меня никуда не уйдёт: я её навещу сразу, как солью остатки.

— Донья, для отработки заклинаний есть специальные защищённые помещения. Не дай Двуетдиный вы повредите кристалл.

— Этим заклинанием? — удивилась я. — Оно же не внешнее. Мне нужно спрятать свой истинный уровень силы, чтобы завтра никто не признал во мне Сиятельную. Нужно, чтобы колец силы было не больше трёх-четырёх.

Почему-то на этом уровне зафиксироваться оказалось почти невозможно. Движение останавливалось только на миг, после чего вываливались сразу остальные круги. Оказалось, что Катя с их количеством ошиблась. Теперь их было тринадцать. Было ли это следствием того, что в этом теле другая душа, или того, что тело было очень юным и могло легко развивать свои способности, знал только Двуетдиный. Но меня прирост силы совсем не радовал: я и с имеющейся разобраться не могла.

— Неправильно, донья, — важно сказала горгулья. — Показывайте примерно половину, потому что за уровень три-четыре вы точно выйдете на занятиях и себя выдадите. А шесть-семь — достаточно много, чтобы вас не заподозрили в утаивании, но и недостаточно много, чтобы вас заподозрили в Сиятельности. — Она возвела глаза к потолку и проскрежетала: — Двуетдиный, до чего мы дожили: Сиятельным приходится прятать свою суть.

— Возможно, всё скоро изменится. В Теофрении взяли курс на возвращение Сиятельных.

На половинном уровне зафиксироваться оказалось намного легче: горело шесть ярких колец и одно половинчатое, которое то разгоралось, то бледнело. Горгулья сказала, что в моём возрасте это частое явление и говорит о росте и что при таких данных у несиятельного мага к концу обучения может быть семь и даже восемь кругов. То есть преподавателям я покажусь очень перспективной ученицей, и, скорее всего, это привлечёт ненужное внимание. Но вариантов Двуетдиный мне не отсыпал: ни на трёх, ни на четырёх, ни

даже на пяти кольцах зафиксироваться не удавалось. Заклинание срывалось и показывало полную иллюминацию.

Добившись стабильного результата, я прекратила ставшие ненужными упражнения и остаток энергии слила в кристалл. Сделала я это зря, потому что накатила ужасная слабость. Сейчас все мысли были не о том, чтобы посидеть в здешней библиотеке, а о том, как добраться до постели и не умереть по дороге.

— Донья, как же вы так? — распереживалась горгулья. — Ведь любому, самому неопытному, магу известно, что сливать энергию в ноль нельзя. Вам бы поесть сейчас и спать.

С едой в этом корпусе были проблемы, а вот с жильём — нет, потому что имелось порядка десяти жилых комнат для тех Сиятельных, которые жили не в городе. Таких было очень мало, поэтому номера пустовали не только сейчас, но и раньше. Горгулья предложила устроить на ночь в одном из них, но хоть голову заливал вязкий туман, остатки здравого смысла из неё не выветрились. Как я объясню завтра Ракель своё исчезновение? Пришлось собрать остатки сил, спуститься на первый этаж и на полусогнутых ногах выйти через ближайшую стену, поскольку горгулья сказала, что меня пропустит любая.

Стоило продраться через кусты, как я сразу же наткнулась на Ракель, едва при этом не свалившись на землю.

— Двуетдиный! — ахнула она. — Что с тобой? Ты бледная, как привидение. Тебя же предупреждали, что к этому корпусу нельзя приближаться?

— Первый раз слышу, — мрачно ответила я. — Когда убегала от Альвареса, показалось хорошей идеей спрятаться тут в кустах. Я не знаю, сколько я просидела, но такое чувство, что из меня выкачали все силы.

— Гадкое место. Всё зло от Сиятельных, — согласилась Ракель, подставляя плечо, чтобы помочь мне идти. — Всё, что им принадлежало, несёт зло и должно быть уничтожено.

— Не рассказывай никому, что я сюда влипла. — Я состроила жалобную физиономию, хотя, скорее всего, в этом необходимости и не было: я и без того выглядела жалко. — Альварес ни за что не вспомнит, что меня не проинструктировал, зато сразу вспомнит, что меня можно наказать.

— Давай на него жалобу ректору отправим? — неожиданно предложила Ракель. — Это не Эрнандес с высокопоставленным папочкой, на него найдут управу.

— А ты пыталась жаловаться на Эрнандес ректору?

— Ему нет, только комендантше, — неохотно признала Ракель. — Сеньора Дуарте посоветовала искать с соседкой точки соприкосновения или платить за переселение в другую комнату. И намекнула, что отец Эрнандес слишком высокопоставленная персона, поэтому моя жалоба, если ей дать ход, обернётся против меня. Отчислили бы без возврата уплаченных за обучение денег, как она сказала.

Наверняка соврала, в надежде получить взятку. Дойди до ректора жалоба на Эрнандес, быстро привела бы ту в чувство. Но не в моём положении привлекать внимание к себе и к Сиятельному корпусу.

— Давай не будем жаловаться? — предложила я. — Нехорошо начинать учёбу с жалоб на преподавателей.

На улице мне стало чуть полегче, ноги больше не подгибались, а туман в голове потихоньку рассеивался. Уверена: до своей кровати я дойду без посторонней помощи. Ещё бы поесть чего-нибудь...

Глава 32

На следующий день я больше всего боялась показать, что уже знаю то, что нам рассказывают. То, что я могла узнать только после клятвы в университете или будучи Сиятельной. Клятву у нас принимали со всей торжественностью, только оркестра не хватало, а так было всё: и короткая напутственная речь короля Луиса, отбывшего сразу после неё, и прочувственная речь от ректора, и выступления старшекурсников, мастеров, главным образом, в искусстве иллюзий, потому что показывать что-то посерьёзней в столь небольшом помещении — к ненужным жертвам. Но иллюзии выглядели впечатляюще. Если, конечно, не присматриваться, в противном случае наступало разочарование. Но присматриваться из первокурсников никто не умел, поэтому зал восхищённо ахал или столь же восхищённо свистел.

Клятву у нас принимали сразу после этого циркового представления. И не у всех скопом, а у каждого по очереди, с отметкой в списке и присмотром кураторов, чтобы не дай Двуетный не пропустить кого не связанного клятвой в обучение. Формулировка не отличалась изысканностью: мы обещали никому и никогда не передавать знания, полученные на территории академии. А ещё — использовать эти знания во благо. Во благо кого или чего, уже не уточнялось, а зря, потому что при желании возможностей для злоупотреблений такая формулировка давала море.

Разумеется, причину я понимала, потому что магическая клятва должна отличаться краткостью, точнее — не может быть длиннее определённого количества звуков, иначе не сработает. Именно поэтому те студенты, кто делали незапланированную паузу или вставляли паразитные словечки вроде «эээ», вынуждены были повторять клятву, пока над головой не вспыхнет огонь, показывающий, что ограничения наложены.

Подозреваю, что для Сиятельных клятва должна быть другой, но для меня подошла и эта. Наша группа под предводительством Альвареса, старательно делающего вид, что вчера ничего не

случилось, шла не первой, поэтому мы заучили многократно повторённый при нас текст наизусть и никто не сбился.

После чего мы наконец отправились на наш первый и единственный в этот день урок по магии, который проводил куратор. Это было единственное занятие в этом семестре, где Альварес нас чему-либо учил, дальше мы с ним будем встречаться только на собраниях группы. Во всяком случае, я на это очень надеялась.

Задача была несложной: научиться обращаться к своему внутреннему магическому источнику. Обучение шло по одному, чтобы не расплыть внимание. К каждому студенту куратор подходил по определённой им очереди и, если у того не получалось, клал руки на плечи, и направлял, пока у обучаемого в руках не появлялся шарик магии. Этот шарик можно было дальше трансформировать во что угодно, главное — не отправлять в свободный полёт, потому что это была так называемая сырая магия, повреждения которой всегда сложно исцелялись.

Я решила, что счастья кураторской помощи мне не нужно, поэтому «справилась» самостоятельно, пусть и не слишком быстро, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

Когда Альварес добился, что магия у всех откликнулась, пришло время показывать нам первое заклинание: те самые Кольца Силы. И тут куратор дело на самотёк не пустил: все кольца вызывались исключительно по его команде и под его присмотром. Дар у большинства в нашей группе как раз и был 3-5 колец, достаточный для обучения, но не выдающийся, поэтому мои шесть с половиной колец вызвали некоторый ажиотаж. Альварес так вообще замер, как охотничий пёс, почувствовавший дичь, и попросил повторить. Я и повторила. Разве мне жалко?

— Кому много дано — с того больше спросится, — наконец пафосно сказал Альварес перед тем, как меня отпустить. — Вы осознаёте, сеньорита Кинтеро, что ваш дар ещё может вырасти при надлежащем прилежании?

Прилежание он произнёс с паузой в нужном месте, как слово с предлогом, что показалось неприличным намёком. Я постаралась передать взглядом своё отношение, а то, что взглядом не получилось, добавила словами.

— Можете не сомневаться, я осознаю ответственность, налагаемую на меня высоким уровнем дара. Я буду самой прилежной ученицей за всё время существования университета. Никаких посторонних интересов, никаких романов. Только магия.

Дырка вам от амфитеатра, сеньор Альварес, а не роман со студенткой. Особенно, с подчинённой вам студенткой. На удивление, преподаватель не обиделся на мои слова. Напротив, расплылся в очередной улыбке, которую наверняка считал обворожительной.

— И это правильно, сеньорита Кинтеро. У нас вчера с вами возникло небольшое недоразумение. Вы меня неправильно поняли. Но преподаватель обязан выражать свои мысли чётко, поэтому я считаю это своей виной и приношу вам своё извинение.

— Хм. — раздалось со стороны Ракель, но наш куратор не удостоил её даже взглядом, все свои взгляды он адресовал мне, явно собираясь получить какой-нибудь ответ.

— Я принимаю ваши извинения. — Я кивнула ему с таким величественным видом, словно я была королевой, а он — провинившимся подданным. — Надеюсь, что больше таких недоразумений между нами не возникнет.

— Разумеется, сеньорита Кинтеро. Когда прибывает ваш отец? Я хотел бы с ним встретиться.

— Пока не знаю, сеньор Альварес, — ответила я, не зная, то ли плакать, то ли смеяться от желания Альвареса познакомиться с моей семьёй. — У меня пока нет известий от родных.

Нужно будет купить газет да просмотреть: не было ли в Муриции каких волнений, связанные с нападениями на теофренийцев. А то, кажется, мне нужно срочно становиться сиротой. А то ведь Альварес не отстанет, пока не попросит разрешения за мной ухаживать.

После меня оставалась только Ракель, которая показала пять колец, чем была необычайно довольна. Высказала она это сразу, как занятие закончилось и мы выскочили в коридор так быстро, что Альварес не успел ничего мне сказать, даже если хотел.

— У старшего брата только четыре кольца, — сообщила Ракель. — Вот я ему нос утру. Жаль, конечно, что не твои почти семь, но пять тоже очень хорошо.

— Одно кольцо разницы за время учёбы может уйти в твою пользу.

— Это да, — она мечтательно улыбнулась. — Говорят, есть хорошие методики по росту. Но если они не сработали у брата, могут и мне не помочь.

— Зависит от усердия.

— Оно будет.

Настроена она была решительно, но настрой с неё слетел сразу, стоило нам выйти из корпуса.

Потому что мы вышли как раз тогда, когда нас своим визитом почтил Диего. Шёл он в компании ректора и пары сеньоров, которых я не знала, а выглядел так, словно оказывал окружающим великое одолжение. Сиятельность запустил на полную катушку, и её флёр достигал даже до нас. Ракель так вообще застыла, не в силах оторвать от него взгляда. И не одна она.

У Диего же был вид пожившего быка из анекдота. Быка, который говорит молодому активному товарищу: «Мы медленно-медленно спустимся с горы и оприходуем всё стадо». Кто-кто, а Диего точно был в курсе возлагаемых на него Теофренией надежд по улучшению демографической ситуации с Сиятельными и был не прочь воспользоваться положением.

— Пойдём, — потянула я Ракель. — Время обеда.

— Это же Сиятельный, — очнулась она. — Как он посмел сюда явиться? И идёт, сволочь, так, словно ничего не боится.

— Ему дали слово, что с ним не случится ничего плохого, — напомнила я.

А хорошее — напротив, случится. Поди, предвкушает уже, как станет родоначальником целой теофрениейской ветви Сиятельных. Интересно, почему именно на него пал выбор Теодоро? Или они сюда будут вахтами наезжать? Чтобы не перетрудились и не переразмножились? Чтобы не получилось у кого-то одного слишком много потомков в недружественной стране?

— Нельзя было давать такого слова. Все Сиятельные на нашей земле — законная добыча, — проворчала Ракель, но совсем тихо, потому что процессия уже подходила к нам.

Тем не менее Диего услышал, повернулся к Ракель и с усмешкой сказал:

— Я не возражаю, когда на меня охотятся, особенно такие красивые сеньориты.

Глаза его дополнительно засияли, и Ракель застыла, точно кролик перед удавом. И как только её предки смогли справиться с толпой Сиятельных? Не иначе, глаза закрывали и лупили, куда Двуетный пошлёт. Хотя от Сиятельности одним закрытием глаз не отстраниться. Здесь артефакты нужны...

— Никаких охот, — всполошился ректор. — У нас приличный университет. Мы не поощряем встречи преподавателей со студентками.

Но прозвучало это неубедительно. Лично, наверное, инструктировал Альвареса, но при этом пытается создать видимость непричастности. Наш куратор как раз вышел и посмотрел на начальство с укоризной и с небольшим опасением. Как бы ему не прилетело, в случае неудачи или возмущений общественности. Если захотят найти виновного, заявят, что это была его личная инициатива, и что тогда будут делать сеньориты с Сиятельными детьми?

— То есть встречаться можно только с преподавателями? — уточнил Диего и почему-то посмотрел на Альвареса.

Хотя почему почему-то? Как я уже говорила, Альварес был довольно красив для обычного мага, сплошное эстетическое удовольствие. Уверена, добавь ему Сиятельности — он бы за пояс заткнул нынешнего гостя академии. Но Сиятельности наш куратор себе точно добавлять не хотел, он попятился, глядя то на Диего, то на меня, и исчез за дверь. Магия невидимости, не иначе, сработала.

— Давайте, вы устройтесь, и мы это обговорим, — льстиво предложил ректор.

Шли они аккуратно к Сиятельному корпусу, где Диего сейчас займёт одну из комнат. И значит, что? Значит, мои возможности посещения тамошней библиотеки будут очень ограничены. Эх, зря я вчера не договорилась с горгульей, но кто знал, что Диего приедет прямо сегодня? Теперь в библиотеку не попасть, пока он не уберётся назад в Мурицию.

В расстройстве я пошла за этой компанией, да ещё и Ракель за собой потащила. Впрочем, ещё непонятно, кто кого за собой потащил, потому что она взгляда от противника не отрывала, губы кусала так, словно боялась сказать что-то лишнее, а на руках сами собой вылезали Кольца Силы в количестве всех пяти штук и горели так, словно были

нападательным оружием, которое, того и гляди, слетит с руки по направлению к противнику.

До крыльца здания они не дошли, граница, которая была чуть дальше зелёной зоны вокруг Сиятельного корпуса, пропустила только Диего, остальные словно уткнулись в невидимую стену. Диего же бестрепетно положил руку в одну из пастей на двери. Пасть сомкнулась, потом разомкнулась, и Диего толкнул дверь, но та и не подумала открыться.

— В чём дело? — повернулся он к ректору. — Вы говорили, что у вас здесь давным-давно не было Сиятельных.

— Именно так, — ответил ректор удивлённо. — У нас не было ни единого Сиятельного с тех самых пор, как... Ну вы понимаете...

Наверное, посчитал неэтичным закончить: «с тех пор, как мы их всех истребили». Могли бы продумать уже тогда и оставить парочку на разведение, чтобы не завозить из сопредельных государств.

— Я понимаю, что у вас на Территории академии есть или недавно был Сиятельный, на которого корпус настроился, — бросил Диего.

Я забеспокоилась. Кто знает, какую проверку учинят, чтобы вывести Сиятельного на чистую воду. И кто знает, какое наказание наложат на нарушителя. Я приехала, чтобы спокойно учиться, а не улучшать местную магическую породу.

— Не может быть, — уверенно ответил ректор. — Скорее, что-то сломалось в вашем устройстве.

— В наших устройствах никогда ничего не ломается, — отрезал Диего и положил руку в другую пасть.

Скорее всего, эти жуткие пасти выполняют роль сканера или определителя «свой-чужой». Хотя чужой даже не дойдёт до корпуса. Странно, что горгулья настроила мой проход в обход этих штук.

— Здесь шли основные бои, могло что-то повредиться, — продолжал гнуть свою линию ректор.

Диего вытащил руку из второй пасти и опять толкнул дверь. Дверь стояла мёртво. Диего повернулся к ректору и нехорошо оскалился. Пожалуй, сейчас его красивым бы не назвали. Разве что чтобы польстить. Очень грубо польстить.

— Сеньор Муньос, то, что вы сейчас видите, означает, что мне должен дать допуск тот, на кого настроено здание.

— Дон Дарок, вы можете представить Сиятельного в здравом уме, который приехал бы к нам учиться?

— Почему обязательно в здравом... — задумчиво протянул Диего, посмотрел на нас с Ракель без особого интереса, затем задержал взгляд на сеньорите, которая не отличалась привлекательностью. — Скажите, сеньор Муньос, у вас в этом году большой набор?

Если исходить из худшего, то он знает про зелье и подозревает, что я могу быть здесь. Упомянутой в рецепте особенностью зелья было то, что оно изменяет внешность в худшую сторону, а значит, в этой академии наступило время дурнушек. Именно они в первую очередь будут вытягиваться Диего на свидания. Насчёт постели не уверена. Скорее всего, этот переборчивый тип будет отговариваться высокими моральными устоями...

Пока я размышляла, как мне укрыться от возможных проверок, Диего на всякий случай перепробовал все пасти, и ни одна из них не подтвердила его право пройти внутрь.

— Сеньор Муньос, я бы, конечно, предпочёл остановиться на своей защищённой территории, но поскольку это невозможно, могу ли я рассчитывать на гостеприимство вашего университета?

— Разумеется, — оживился ректор. — Я немедленно распоряжусь, чтобы что-то подготовили. У нас есть апартаменты на случай приглашённых высокопоставленных преподавателей.

Апартаменты были недалеко, но Диего двигался необычайно медленно, пристально рассматривая всех попадающихся сеньорит и интересуясь у ректора, есть ли в университете студенты с аномально высоким уровнем дара.

Глава 33

Ракель смотрела вслед уходящему Сиятельному с таким видом, словно уже представляла его на эшафоте. Или даже уже после успешного исполнения смертного приговора. В её глазах загорелся фанатичный огонь ненависти, который в конце концов вылился в слова:

— Этого нельзя так оставлять. По нашей академии свободно ходит тот, с кем боролись наши предки. Это плевок в нашу историю.

А ещё его пребывание здесь сильно мешает моей манёвренности. Пока Диего рядом, я даже дышать в сторону Сиятельного корпуса буду бояться, потому что он наверняка устроит там засаду на меня. То есть не обязательно на меня, а на того Сиятельного, на которого настроен корпус. И почему мне не пришло в голову порасспрашивать о настройке корпуса сразу как я про это услышала? Но кто знал, что фамильярная горгулья подложит мне такую знатную свинью...

— А ведь он может не просто ходить и гадить нам одним присутствием, — вдохновенно продолжила Ракель. — Он может ходить и гадить, по-настоящему устраивая пакости на территории.

— Мы должны этому помешать! — вмешалась я в её монолог.

— Каким образом?

— Проследим, чтобы он не делал ничего недозволенного.

И для меня это будет прекрасным прикрытием. Если что, всегда можно сказать, что мы с Ракель стоим на страже интересов академии, а не просто так ошиваемся рядом с Сиятельным корпусом, где почти наверняка Диего будет появляться чаще всего. А ещё у меня будет точная информация, когда и где он занят и как надолго. И Ракель тоже будет занята и под присмотром. А то знаем мы этих фанатиков, дел они могут наворотить таких, что потому целая страна столетиями разгребает. Лучше предотвратить, чем потом чувствовать себя виноватой.

— То есть ты со мной? — обрадовалась Ракель.

— Разумеется, в нашей академии любое количество Сиятельных больше одного — лишнее, — уверила я.

— Больше нуля, ты хотела сказать, — поправила Ракель.

Я промолчала, потому что сказала ровно то, что хотела, но она ответа и не ожидала, всё пялилась на дверь, за которой скрылся Диего. Караулить его посредине дня в мои планы не входило, поэтому я предложила сначала пообедать, набраться сил для слежки и вообще обсудить планы, чтобы грамотно разделяться и постоянно держать под контролем потенциального вредителя.

— Нужно ещё кого-нибудь в команду, — неожиданно предложила Ракель. — Легион начинался с троих.

— Тебе нужны лавры Легиона? — удивилась я.

Она в ответ так посмотрела, что я поневоле догадалась: да, нужны. Можно сказать, жизненно необходимы, потому что Ракель жила мечтой войти в историю. Как бы ей поделикатнее намекнуть, что это не те лавры, которыми нужно делиться? Потому что я уж точно обойдусь без того, чтобы войти в историю, как одна из тех, кто препятствовал Сиятельному заселению Теофрении. Потомки не поймут, решат, сугубо из жадности действовала. Чтобы не перенаселять Сиятельными страну. Мол, и одной за глаза хватит, чтобы перераспределять что-то там в потоках то ли магии, то ли чего ещё: чтобы разобраться, нужно засесть в библиотеке. Я с тоской посмотрела на такой близкий, такой желанный, но совершенно недоступный Сиятельный корпус и решительно потянула Ракель на обед, аргументируя уход с наблюдательного пункта тем, что Сиятельный пока устроится, пока осмотрится — пройдёт время и, вообще, днём он не потеряется, основной присмотр нужен вечером и ночью.

Она неохотно согласилась, но думать на волнующую тему не перестала, поэтому на поднос в столовой ставила всё, что попадалось под руку.

— Ракель, ты же не любишь рыбу, — намекнула я.

— Что? — Она уставилась на тарелку так, словно её подсунули злейшие враги. — Откуда она на моём подносе?

— Ты сама поставила. Я начинаю думать, что твой интерес к Сиятельному не такой, как ты стараешься представить.

Она вспыхнула, с грохотом вернула на стойку тарелку с рыбой и взяла вместо неё мясное рагу, затем поменяла или выставила обратно остальные набранные блюда и пошла платить. Я тоже взяла рагу, морс из незнакомых ягод и ломоть кекса, который местные повара готовили

божественно. Я предвкушала вкусный обед без помех, но просчиталась.

Откуда взялся Альварес, я не заметила. Но он заметил меня и подсел к нашему столику.

— Мне начинает казаться, что приглашение Сиятельного — не такая хорошая идея, — мрачно поделился он своими размышлениями.

— А, вы тоже заметили, как он на вас смотрел? — подлила я масла в огонь. — Мне кажется, его подослали точно не для того, на что рассчитывает король. Наверняка мурицийцы рассчитывали на природный магнетизм, который иногда называют Сиятельным обаянием и который позволяет заполучить любую персону, на которую дон положил глаз.

Сейчас я пересказывала слухи, которые не имели никакого отношения к реальности. Но болтала я не просто так: если мы с Ракель будем отираться поблизости от Диего, то Альварес к нам на пушечный выстрел не подойдёт из страха попасть под Сиятельное обаяние.

— Вы о чём? — подозрительно прищурилась Ракель.

— Да так, — протянул Альварес, который ни за что бы не признался, что заподозрил приезжего Сиятельного в интересе к собственной персоне. — Просто считаю этого типа необычайно подозрительным.

— Мы тоже. И решили за ним проследить, — лягнула Ракель и посмотрела на меня с видом: «А вот и третий».

Я закатила глаза. Секретные миссии остаются секретными ровно до того момента, пока количество в них участвующих не превышает критическую массу. С Альваресом она точно становилась критической. Но он так не подумал, напротив, на редкость оживился и заявил:

— Прекрасная идея. Я рад, что хоть кто-то у нас озаботился безопасностью.

— А должны беспокоиться ректор и преподаватели, — кисло заметила я, понимая, что дело идёт к совместным засадам и стремясь от них увильнуть заранее.

С Альваресом под боком проникновение в библиотеку становится куда проблематичней, чем с одной Ракель.

— Не переживайте, Катарина, они думают. Но мы же можем выступить с инициативой от нашей группы.

— Да-да-да, — чуть ли не захлопала в ладоши Рабель. — Как прекрасно, что у нас такой понимающий куратор.

Обдумать, нельзя ли их переключить друг на друга в плане присматривания за Диего, я не успела, потому что за наш столик внезапно подсел Рауль. Вот уж кого-кого, а Его Теофренийское Высочество я точно не ожидала увидеть. Особенно такое довольное Высочество, словно слухи, запущенные про Диего, нашли полное понимание в сердце принца. И разговор он завёл как раз про новоприбывшего Сиятельного и об изменениях в расписании в связи с его появлением. Пришлось срочно продумывать новый план с включением в него столь козырной карты, как теофренийский принц.

Пока он о моих коварных планах не знал и с аппетитом обедал. Я решила не портить ему удовольствие от хорошей еды и дождалась, когда он перешёл к кофе.

— А вы не знаете, можно ли подделать Сиятельность? — как бы между прочим спросила я.

— Подделать? Зачем? — удивился Рауль.

Я пожала плечами.

— Понятия не имею. Но когда приезжего дона не пропустила в корпус Сиятельных эта страшная дверь, я подумала, может, он ненастоящий. Может, нам прислали поддельного?

— Поддельного? Зачем?

— А мне откуда знать? — теперь уже удивилась я. Я подала замечательную идею, а принц, как потенциальная монаршья персона, мог бы додумать до полноценного международного заговора. Голова же у него есть? Есть. И если она не только для красоты, пусть поработает ей хоть немного. — Теодоро тот ещё фрукт. Мало ли что ему пришло в голову.

— Теодоро? Вы сейчас про кого, сеньорита?

Закатывать глаза, указывая на отсутствие проницательности, я не стала, хотя и поняла, почему его отец предпочитает передать трон постороннему дону: иначе до смертного одра королю Раулю пришлось бы пользоваться помощью придворных мыслителей. Неприлично будущему королю не думать в сторону международных заговоров при каждом удобном случае. А сейчас случай как раз такой, очень удобный.

— Теодоро Второй Блистательный.

— Как вы неуважительно о монархе.

— Почему неуважительно? — удивилась я. — Значит, к вам обращаться Рауль можно, а мурицийского монарха в частной беседе нельзя называть Теодоро?

— Вообще-то я не давал вам позволения обращаться ко мне Рауль, — ответил он с улыбкой. — Но так и быть, даю. Всё равно же будете в частных беседах говорить, как захочется, так хоть с моего разрешения.

— Рауль, она студентка, — недовольно напомнил Альварес, посчитавший, что покушаются на его почти невесту. Ещё бы: от статуса «совсем невесты» его отделял только разговор с моим батюшкой. Можно сказать, почти вечность. — Неправильно, если студенты будут обращаться к преподавателю по имени.

— Пока она не моя студентка, а я не её преподаватель, — возразил Рауль. — Буду у неё что-то вести, тогда, разумеется, станет обращаться ко мне «сеньор Медина».

— Или Ваше Величество, если ты всё же получишь трон, — опять намекнул на разделяющую нас пропасть Альварес.

Хотя на самом деле она не столь велика: Рауль — принц небольшой страны, я — герцогиня, владеющая землями, соразмерными с Теофренией, если даже не больше. Так что ещё непонятно, кто из нас весомей, особенно с учётом моей Сиятельности, жизненно нужной нынешней королевской семье. Хотя политически это был бы весьма проблемный брак: Теодоро вряд ли принял бы вариант, при котором огромный кусок отнимается от его страны и приплюсовывается к чужой, да ещё и ездить из одной части Теофрении в другую пришлось бы по Муриции. То есть такой брак, приди мне в голову его инициировать, привёл бы к кровопролитной войне. Поэтому исключительно из симпатии к Раулю я его отвергаю заранее.

— Или Моё Величество, если я получу трон, — согласился Рауль. — Но пока я не он, Катарина может обращаться ко мне по имени.

— Не о том ты думаешь, — решил переключить его Альварес в нужном направлении. — Она о чём говорила? О том, что прибывший Сиятельный очень подозрительный.

— Да-да, — закивала воодушевлённая появлением нового потенциального союзника Ракель. — Поэтому мы втроём решили за ним проследить.

Я вздохнула. Если по такому принципу формировался Легион, просто удивительно, что он достиг успеха. У нас секретная миссия, а о ней сообщается даже не любому желающему, а любому появляющемуся в поле зрения. Этак если к нам подсядет Диего, то она и его пригласит на антисиятельное мероприятие. А что? Хороший союзник, мощный. Точно сможет за собой проследить и будет знать, где находится.

— И в чём его подозрительность? — удивился Рауль.

— Как в чём, сеньор Медина? — немного разочарованно ответила Ракель, которую наверняка обидело, что к её идее отнеслись с изрядным скепсисом и что ей не предложили в частных беседах обращаться к принцу просто по имени. — Его не признал Сиятельный корпус.

— Корпус столько лет стоит пустой. Возможно, там всё повыходило из строя, в том числе распознающие Сиятельность артефакты, — скептически сказал Рауль. — Нет, сеньорита, дон Дарок — самый настоящий Сиятельный.

— Но это может быть не дон Дарок, а кто-то под его иллюзией, — продолжала фантазировать Ракель.

— Приехавший дон не под иллюзиями и не под зельями, — лениво ответил Рауль. — Уверяю вас, сеньорита, это его настоящий облик и Сиятельность тоже самая настоящая.

— Неправильная у него Сиятельность, — пробурчал Альварес, наверняка припомнив обращённый на него Сиятельный взгляд.

— Не нам судить, какая Сиятельность правильная. У нас никакой нет.

После этих слов все почему-то замолчали. Ракель окончательно сдулась и начала с отвращением ковыряться в тарелке. Я же закончила с рагу и, откусывая понемногу от кекса, размышляла, почему Альваресу, если уж он за мной ухаживает, не пришло в голову меня угостить чем-нибудь из преподавательской части столовой, где выбор намного интереснее, и будет ли это считаться приглашением на обед, если вдруг такое придёт ему в голову. Но пока в голове Альвареса бродили совсем другие мысли, в результате обдумывания которых, он решил, что четвёртый в нашей компании совершенно лишней.

— В конце концов, Рауль, если ты не хочешь следить за доном Дароком, мы с этим прекрасно справимся без тебя, — фальшиво

улыбаясь, сказал Альварес.

— А кто сказал, что я не хочу за ним следить? — изумился Рауль.
— Я сказал, что ваши подозрения относительно природы его Сиятельности беспочвенны. Но это не значит, что дон Дарок не заслуживает пристального внимания. Сам по себе он очень подозрительный. С этим я согласен.

— Вот-вот. — Рабель сразу ожила и отодвинула от себя тарелку.
— Ужасно подозрительный. Сиятельным не место в нашей академии. А он мало того что появился, так ещё и ведёт себя как хозяин. Как будем следить?

— Поодиночке неэффективно, — решил Рауль. — Парами.

А он не лишён духа авантюризма. Жаль только, что вероятность переключить Альвареса на Рабель, а Рабель на Альвареса при таком развитии событий почти невозможно.

— Разнополами, — торопливо вставил наш куратор. — Чтобы у дона Дарока не возникло никаких подозрений.

— Разумеется, — согласился Рауль. — Вы с сеньоритой Рабель изображаете парочку, а мы с сеньоритой Катариной.

— Почему это ты с Катариной? — возмутился Альварес. — Мы с ней практически помолвлены.

— С чего бы? — удивилась я, но меня никто не услышал.

— Вот именно, будете отвлекаться друг на друга и пропустите всё важное, — безапелляционно бросил теофренийский принц. — Катарина, я смотрю, вы уже пообедали, в отличие от вашей подруги. Тогда мы с вами отправляемся караулить дона Дарока первыми.

И столько в его голосе было властности, что я подскочила сразу и даже ухватила за предложенный локоть. То, что это было неразумным решением, я поняла, как только мы вышли из столовой и он, наклонившись к моему уху, интимно прошептал:

— А теперь вы мне расскажете, Катарина, зачем вы изменяете внешность. Если, конечно, вас на самом деле зовут Катарина.

То, что принц вовсе не такой лопух, как мне недавно казалось, почему-то совсем не порадовало. Нет, конечно, у Теофрениии при таком наблюдательном правителе будущее возможно не такое уж плохое, но вот вопрос: если ли теперь будущее в Теофрениии у меня?

Глава 34

Главное — ни в чём не признаваться. Вот вообще ни в чём или в чём-то не слишком серьёзном. В алхимическом рецепте было указано, что Сиятельную во мне не признает никто. А изменяющими внешность уловками можно пользоваться по разным причинам. Я повернулась к Раулю и ответила недоумевающей улыбкой.

— Простите сеньор, я вас не поняла. Вы сейчас о чём?

— Хорошая попытка, Катарина.

Он улыбнулся так, словно я сказала что-то очень приятное для его мужского самолюбия. Да и вообще, со стороны мы наверняка выглядели как воркующая парочка, если не влюблённых, то на пути к этому самому светлому чувству. Вон как на меня зло уставилась Эрнандес. А ведь она наверняка караулит Диего, но в отсутствии Сиятельного согласна и на наследного принца. Или ненаследного? Разбираться в сложностях теофренийского наследования престола желания не было. Особенно в столь стрессовой обстановке. Поэтому я перестала обращать на врагиню внимание, сосредоточив его полностью на Рауле.

— Я сейчас о том, что никакой Катарини Кинтеро не существует. Во всяком случае по адресу, указанному вами при поступлении. А в вашей ауре есть следы изменения внешности. Да слабые, да нужно знать, куда смотреть. Но я знаю и вижу. Итак?

— Итак что? — спросила я, судорожно придумывая подходящую легенду.

Однако, сколько достоинств нашлось у принца! Нет ли среди них ещё возможности определять, не врёт ли собеседник? Будем исходить из худшего варианта. Тогда нужно говорить правду, но так, чтобы понять её можно было по-разному.

— Итак, кто вы такая сеньорита, и что тут делаете?

Рауль был сама доброжелательность, но я не обманывалась: хватка у него была бульдожья, не вырвусь даже с применением магии. Магии, которую я изучаю не так давно и которую Рауль знает настолько хорошо, что может даже преподавать.

— У меня проблема с опекуном, — ограничилась я полуправдой. — Зелье призвано не столько изменять внешность, сколько ауру, чтобы меня было невозможно найти поиском. Сюда я приехала учиться. И только за этим. Я удовлетворила ваше любопытство, Рауль? Надеюсь, вы не подрабатываете частным образом в розыске, возвращая в семьи сбежавших наследниц? Раз уж с тронем пролетаете...

Последнее точно было лишним, но я выпалила раньше, чем подумала. Но запугивать меня — не самый хороший вариант, я злюсь и не иду на поводу у шантажистов.

— В моём шатком положении любой доход имеет значение, — усмехнулся он. — Даже разовый. Сколько предлагают за возврат вас в лоно семьи?

— Понятия не имею, — отрезала я. — Не интересовалась. Предлагаете разделить? Вы меня возвращаете, получаете деньги, потом выкрадываете, деньги мы делим. И так по кругу, пока вы не перестанете беспокоиться за свой доход.

Он рассмеялся.

— А ваша семья не разорится, Катарина?

— Такая мелочь её не разорит точно. И потом, я единственная наследница, и если мы будем с вами делить доход, то в самом плохом случае я не разорюсь, а лишь ополовиню наследство.

— Что-то мне не верится, — прищурился он. — Имея такие доходы, вы ищете в университете жениха.

— Да с чего вы это взяли? — чуть не взвыла я от незаслуженного оскорбления. — Ваш Альварес сам ко мне прилип, как банный лист к... Неважно, к чему. Главное — он прилип сам и я его никак не могу отлепить.

— А зачем вам в таком случае зелье, улучшающее внешность? Учтите, брак, заключённый при условии, что один из супругов использовал заклинания ли, зелья ли, артефакты ли, улучшающие внешность, может быть расторгнут.

Он процитировал с тоном и видом заправского законника, словно предупреждал мошенницу, только и ждущую случая кого-нибудь обмануть. От несправедливого обвинения я чуть ли не задыхалась.

— Да будет вам известно, что зелье, которое я принимаю, внешность уродует, так что под ваш эдикт я не попадаю. Мой супруг

не будет разочарован моей внешностью. Но сюда я приехала не искать мужа: если бы я захотела, была бы уже замужем.

Посмотрела я с вызовом, но он ничуть не расстроился моим отпором, более того, в глубине его серых глаз затанцевали смешинки. Внезапно подумалось, что прибавь ему Сиятельности — и он точно заткнёт за пояс Теодоро. Мысли были столь странные и несвоевременные, что я не сразу поняла, что он говорит.

— Герцогиня Эрилейская, если не ошибаюсь?

— Что?

— Я говорю, что вы герцогиня Эрилейская из Муриции.

— С чего вы взяли? — Я старалась не смотреть ему в глаза, получалось плохо. — Как вам только в голову пришла этакая глупость?

— Элементарно, дорогая Катарина... Или как вас называть?

— Называйте Катариной, я имею право на это имя.

— В списке ваших имён его нет.

Да, да, я помню: Эстефания Маргарита Эсперанса Эмилия Клаудиа Исабель Лурдес Асунсьон Росарио. Там можно было спрятать ещё с десятков имён, и никто не заметил бы — всё равно они не используются нигде, кроме как на официальном титуловании. Да и там несоответствие если кто заметит, так только носитель имени. Если, конечно, он сам этот список выучил.

— Я не знаю, что вы там себе надумали, но я имею право на имя Катарины, — холодно сказала я.

Потому что Катарина и Екатерина — по сути, имя одно, а я столько лет прожила под ним. Но в глазах держащего меня под руку сеньора не появилось ни малейшего сомнения.

— Весьма неосторожно для Сиятельной приезжать в Теофрению инкогнито, — тем временем продолжал Рауль, улыбаясь так безоблачно, что не будь мысли студенток заняты приехавшим Сиятельным — стала бы я сразу злейшим врагом женской части университета, как покусившаяся на главного жениха даже не университета — страны.

— Да с чего вы взяли, Рауль, что я Сиятельная? — взорвалась я.

— Да это же элементарно, дорогая Катарина. Вы принимаете зелье, которое скрывает Сиятельность, — только оно даёт эффект ухудшения внешности при одновременном изменении ауры. В Муриции всюду идут поиски пропавшей герцогини Эрилейской, по

портретам — выдающейся красоты донья, между прочим, так что мне даже любопытно посмотреть на вас, когда вы будете не под влиянием зелья. Кроме того, корпус Сиятельных настроен на кого-то, находящегося в университете.

— Это настолько косвенные улики, — улыбнулась я, — что, право, не знаю, почему вы решили связать всё это со мной.

— Предлагаете проверку? Зелье нужно принимать раз в сутки плюс-минус пара часов. Я могу вас задержать на сутки-двое, никому ничего не объясняя. Так как?

Вот ведь гадство, за сутки я засияю точно. А ведь таким приличным принцем казался: красивым, глуповатым, так подходящим для манипуляций. И кто теперь кем манипулирует?

— И вам не будет жалко задерживать слабую сеньориту? Неужели вы меня посадите в каменную холодную камеру, с соломенным матрасом и крысами, бегаящими по стенам и полу?

Я всеми силами показывала, какой я нежный цветочек: голосом подрожала, ресницами затрепетала, а под конец сложила губы в подобие обещающей улыбки. Вот только отпустите меня, сеньор, — и дальше будете решать проблемы своей страны, не подставляя мою фигуру в ваши уравнения. Главное, чтобы никакие мои действия нельзя было подвести под покушение на принца. А то ведь точно заработаю на отрубание головы. Смерть, хоть и правильная, в мои планы не входила, а входила жизнь, долгая и счастливая. Да и не хочется остаться в памяти потомков маньячкой, которая выбирала жертвы по наличию титула. С королём не вышло, решила на принце потренироваться...

— Жалко, Катарина, поэтому хотел бы этого избежать, что возможно только в случае, если вы признаетесь. Мне отдать приказ о вашем аресте?

Губы его улыбались, но глаза говорили, что отдаст и не поморщится. Бросит бедную меня на съедение крысам. Что за монархические особы пошли, так и норовят в тюрьму засунуть? Этот хотя бы голову не собирается отрубить. Пока. Но и отпускать просто так тоже не собирается.

— И что вы сделаете со своим знанием? — мрачно спросила я.

Ракель с Альваресом показались из столовой, но меня их появление ни на что не вдохновило: этот разговор следовало закончить

здесь и сейчас.

— Я хочу получить доступ в Сиятельный корпус, — неожиданно ответил Рауль.

— Не уверена, что это в моих силах. — Покрутила я головой. — Мне сказали чётко, что в корпус доступ не-Сиятельным закрыт.

— Я точно знаю, что раньше в него проводили и простых магов.

Я молчала, это заявление шло вразрез со словами горгульи. Если обычным магам нельзя показывать Сиятельную библиотеку, не получится ли так, что я своими руками вобью гвоздь в крышку гроба Сиятельности? Могу ли я поставить свою жизнь выше жизни всего сообщества?

— Зачем вам туда?

— Хочу попасть в библиотеку. Катарина, если вы дадите возможность попасть в Сиятельный корпус, я пообещаю держать вашу личность в тайне.

Но если попросить у горгульи-хранительницы убрать опасные тома с глаз, то это получится совсем другой поворот. Вдруг Рауль удовлетворится обычными трудами по магии?

— Вы — да, а другие?

— Какие другие?

— Те, кто выполнял ваши указания и с кем вы наверняка поделились своими выводами.

— Свои выводы я оставил при себе. Делюсь, вон, с вами. Так как, обмен? Ваша тайна так и останется тайной.

— Если дадите клятву, то я спрошу, — неохотно решила я.

— Спросите? У кого? — прищурился он.

— У местного хранителя. Вы же не думаете, что такие здания обходятся без них?

— Я вообще ничего не знаю, относящегося к Сиятельным. Почти ничего. Вы очень хорошо храните тайны.

Рауль казался вполне удовлетворённым разговором. Но не Альварес, который, как только подошёл, сразу подозрительно уточнил:

— О чём вы тут без меня говорили?

— Без нас, — поправила Рабель.

— Обо всём понемногу, — лениво ответил Рауль. Теперь он опять выглядел расслабленным, но его расслабленность меня больше не обманывала: за ней скрывалась готовность моментально вцепиться

зубами в шею жертве. — О Сиятельности в целом и о Сиятельном корпусе в частности. Не кажется ли вам, что с приездом дона Дарока он стал выглядеть не столь мрачным?

— Думаешь, настраивается? — Альварес прищурился и стал вглядываться в здание. — Хотел бы я знать, что там происходит.

— А уж как бы я хотел, — в тон ему сказал Рауль. — Но возможно, с появлением в университете Сиятельного, нам удастся туда проникнуть. Как вы думаете, Катарина?

— Я думаю, Рауль, что вы умеете добиваться своих целей.

Пожалуй, наши взгляды сейчас больше напоминали скрестившиеся клинки. Да, противник сильнее, умелее и играет в эти игры куда дольше меня. Но это значит, что нужно вывести его на своё поле, туда, где он окажется новичком и будет делать ошибки, которыми я непременно воспользуюсь. Осталось только откуда-нибудь это поле вытащить. Эх, хорошо было Василисе из сказок: махнула рукавом — решила проблему. Где бы мне такие волшебные рукава раздобыть?

— Вы уже успели поругаться? — удивился Альварес. Удовлетворённо так удивился. — Надо же, никогда бы не подумал, Рауль, что ты можешь быть невежливым с сеньоритой. Если она тебя так раздражает, давай сменим состав команд?

— Нужно уметь преодолевать трудности, — невозмутимо сказал Рауль. — Тем более что уже поздно менять. Объект появился. Сейчас вы следите за ним, а мы с Катариной займём пост рядом с Сиятельным корпусом.

Он столь резко меня потащил за собой, что я от неожиданности чуть не навернулась. А говорят, у аристократов врождённая грация. Врут, однако: стоит на минуту задуматься — и ей на смену приходит врождённая неуклюжесть.

— Я правильно понял, что вы согласны?

— Отчасти. Вы даёте клятву — я говорю с хранителем о возможности. Клятву не даёте — ни о чём не говорю, потому что я не исключаю вероятности, что провести вас невозможно и что после этого вы на мне не отыграетесь.

— Катарина, я не столь мстителен, — оскорблённо ответил он. — Разве я похож на сеньора, сводящего счёты с прекрасными дамами? Признаю, вы прекрасны и без Сиятельности.

Комплимент ничуть не смягчил моё сердце.

— На шантажиста вы тоже не похожи, — намекнула я. — Тем не менее... — Я выразительно на него посмотрела. Очень выразительно. — Когда в дело вступают государственные интересы, обещания, не подкреплённые клятвой, становятся всего лишь пустым сотрясением воздуха.

— Хорошо, тогда клятва должна быть взаимной, — предложил Рауль. — Потому что у меня тоже нет оснований вам доверять. В конце концов, именно вы всё время врёте.

— Я не вру! — возмутилась я. — Я просто не договариваю всей правды.

Судя по кислому виду встреченной нами Эрнандес, теперь мы походили на парочку ещё больше, и именно потому что ругались. Даже Рауль потерял свою ленивую невозмутимость и выглядел чуть более взведённым, чем обычно. Впрочем, надолго мы внимание не привлекли: и Эрнандес, и остальные встреченные нами студенты и студентки, словно магнитом, тянулись туда, где был Диего. Так что существовала надежда, что наши шпионистые Ракель с Альваресом в толпе затеряются или решат, что не стоит следить за тем, на кого постоянно обращено столько глаз. Никто не будет заниматься ничем подозрительным, стоя под толпой софитов — а именно таким было сейчас положение у Диего.

Когда мы зашли за Сиятельный корпус, то и вовсе оказались в полном одиночестве. Место было словно создано для влюблённых пар: романтично утопавшая в зелени скамейка, сидящих на которой было можно различить с большим трудом, зато с неё Сиятельный корпус был виден как на ладони. На ней мы и устроились.

— Итак, взаимная клятва. — Рауль взял меня за руку, но увы, вовсе не для романтических нужд: взаимная клятва предполагала физический контакт «кожа к коже». — Я обещаю, что никому не скажу о своих догадках, вы — что сделаете всё от вас зависящее, чтобы я попал в Сиятельный корпус. Клятва действительна год.

Слово «библиотека» не прозвучало, и это меня несколько успокоила. В конце концов, пару томов можно перепрятать. По хорошему, следовало бы сначала переговорить с горгульей и предупредить, но теофренийский принц меня точно не отпустит от себя без клятвы. Только в камеру с крысами. К крысам не хотелось.

— Должна предупредить: я понятия не имею, как это можно сделать и можно ли вообще.

— Если это единственное возражение, то формулировку считаем утверждённой.

Формулировка мне активно не нравилась, особенно сроки. С моей стороны он был слишком большим, со стороны Рауля — слишком маленьким.

— Почему бы вам не пообещать никогда меня не выдавать.

— Неразумное требование, — заметил он. — Если вы натворите что-то противоправное, клятва меня будет связывать, а вас нет. Нет, год — вполне разумный срок.

Смотрел он при этом влюблёнными глазами, но не на меня, а на Сиятельный корпус. Нет, я, конечно, уже решила, что между нами ничего не может быть, но этот тип мог хотя бы помечтать, а не так нагло в моём присутствии интересоваться чем-то другим.

— Хорошо, — сухо сказала я. — Клятва так клятва. Поверим теофренийскому принцу.

Слова прозвучали, наши ладони словно молния прошила, заставим меня прошипеть сквозь зубы от боли. Рауль не издал ни звука: то ли уже натренирован на клятвах, то ли вся боль досталась исключительно мне.

— Вы же не через дверь проходили? — спросил Рауль, не отрывая взгляда от своей мечты и не отрывая своей руки от моей.

Я только подумала, что стоит освободиться от столь невоспитанного принца, а он уже напрямик поволок меня к Сиятельному корпусу, затормозив только в кустах, да и то ненадолго, потому что одного его кусты не пропускали, а со мной запросто. Он-то затормозил, а вот я по инерции пролетела и сквозь кусты, и сквозь стену, да ещё и его за собой втащила.

— Решили воспользоваться нашей спальней? — услужливо проскрежетала встретившая нас горгулья. — Рекомендую оранжевую, она самая уютная, а ванна при ней самая большая.

Если Рауль и был удивлён столь быстрым исполнением клятвы с моей стороны, то он это успешно сдержал внутри, наружу вырвалось лишь:

— Нам не нужна спальня, нам нужна библиотека.

Но оглядывался он вокруг с живым интересом. Наверняка не прочь был бы пройтись и по остальным помещениям.

— Донья, не слишком ли большую волю вы дали своей игрушке? Использование библиотеки в таких целях запрещено, — возмущённо проскрежетала горгулья. — Библиотека — не место для развлечений. Вы можете использовать свою игрушку только в спальне. Её запрещено проводить куда-то ещё, в любое помещение общего пользования. Она туда просто не пройдёт. Это общее правило, касающееся всех Сиятельных. Кстати, у меня вопрос про недавно рвавшегося сюда ещё одного Сиятельного. Давать ли ему доступ?

— Не давать. Перетопчется, — радостно решила я.

Радость была вызвана тем, что Раулю в библиотеку попасть не удастся, а значит, совесть моя перед Сиятельным сообществом была чиста. Хотя и создавать проблему Диего тоже оказалось приятно: как-никак он мне ещё за жемчуг задолжал.

— То есть дать, когда он достаточно потопчется на пороге? — педантично уточнила горгулья. — Достаточно — это сколько?

— То есть ему вообще не давать. Он скоро уедет, — пояснила я. — А игрушки он планирует таскать часто и разных. Это я — сеньорита скромная, взяла одну и скоро уберу, а у него тормозов нет. Он игрушки сюда коробками таскать будет.

— Тогда вы правы, этот дон не должен сюда попасть. Провести вас в оранжевую спальню?

— Спасибо, но нет. Мы планировали провести время в библиотеке. Придётся искать другую.

— О времена, о нравы, — неодобрительно процедила горгулья. — Сколько лет прошло, а у Сиятельных так и не изменились развлечения. Вы уже уходите, донья?

— Да, — сказала я и даже сделала шаг назад.

— Нет, — сказал Рауль и, напротив, шагнул вперёд. — В спальню так в спальню. Вернёмся к традициям.

Глава 35

Наверное, это оказалось последней каплей, потому что от предложения Рауля я настолько разозлилась, что засияла даже через зелье. Более того я его напрочь выжгла. Зелья, скрывающего Сиятельность, во мне не осталось ни капли.

— Как вы смеете? — процедила я со всем высокомерием, доставшемся мне от тётушки. — Что вы о себе возомнили? Да ваша страна во мне нуждается куда больше, чем я нуждаюсь в вашем университете.

Кроме сияния, из меня пробилось ещё заклинание явно наступательного толка, которое я не знала, но которое моё тело создало само и которое теперь жгло кончики моих пальцев.

— Донья, только не здесь! — заверещала горгулья неожиданно тонким, но всё равно скрипучим голосом. — Мы не сможем скрыть столь сильный выплеск силы и труп не сможем утилизировать!

Про проблемы с энергией она не заикнулась. Как же: здесь присутствовал низкий, с горгульиной точки зрения, маг. Я застыла, потому что понятия не имела, что делать с проявившимся заклинанием. Тело создало его на рефлексах, но развеять на рефлексах почему-то не спешило. Не хотелось бы узнать, что развеять его можно только вместе с кем-то.

— О, донья, так вы ещё и держать себя под контролем не можете? — совершенно спокойно отметил Рауль. — Да вы же потенциальная бомба, заложенная под наш университет. Похоже, самое безопасное для Теофрении — вернуть вас в Мурицию. Пусть разбираются сами.

— Не надо было делать непристойные намёки, — огрызнулась я, руки я держала перед собой, чуть разведя в стороны. Цвет приготовленного заклинания мне самой активно не нравился, был он такой тёмно-красным, что казался почти чёрным. — Какого чёрта вы заговорили про спальню? Мы с вами ни на какие спальни не договаривались.

— Донья, как раз в библиотеке этим заниматься непристойно, — возразила горгулья. — А спальня для таких дел и предназначена. Даже если вы что-то уничтожите в процессе, это не невозможное.

Показалось, что пламя на кончиках пальцев увеличилось и ещё потемнело. Хотя куда ещё-то?

— Катарина, давайте вы успокоитесь и мы поговорим, — предложил Рауль. — Всё равно меня здесь никуда, кроме спальни, не пустят, но там ведь можно и просто посидеть, так?

— Так, — согласилась я.

— Тогда убирайте эту гадость с рук и пойдёмте изучать местное гостеприимство.

— Я не могу.

— Как это не можете? — изумился Рауль. — Первое, чему учат мага после контроля, это развеивать собственные заклинания.

— Я этого не помню. После того как я побывала в королевской тюрьме, у меня часть памяти оказалась под блоком. И почти вся информация по магии. Думаете, зачем я к вам приехала? Учиться.

Рауль закрыл глаза и, кажется, мысленно досчитал до десяти, чтобы успокоиться. Во всяком случае, иных причин зажмуриваться у него не было. Не боялся же он ослепнуть от моей неземной красоты, в самом деле? Вся маскировка с меня слетела. И это было ужасно. Успокаивала немного лишь бутылочка с зельем, одну из которых я всегда носила при себе вместе со всей наличностью. А то вдруг бежать придётся? Но как теперь бежать?

— Катарина, это очень просто. Вы представляете, что втягиваете заклинание в пальцы. Как вы его выпустили, так и втянули, — он говорил тихо, но как-то так, что я невольно успокоилась и послушалась. Огонь с пальцев исчез, словно его и не было. Даже кончики ногтей, требовавшие маникюра, от этого огня не пострадали. — Умница.

— Донья, вы могли бы спросить меня, — обиженно заметила горгулья.

— Проблема в том, что я не знаю, чего я не знаю. Всё вылезает вот так, спонтанно.

Сияние я тоже притушила и стала теперь почти обычной. Почти — потому что с обычным человеком меня сейчас не спутал бы никто. Вон и Рауль с интересом изучает. Надеюсь, ищет отличия от знакомых ему дам, а не прикидывает, как внести в список побед одну Сиятельную дуру. Или как её выставить из страны с наименьшими

потерями для Теофрени. Последнее даже печальней. Первое хотя бы даёт отсрочку.

— В спальню вас отвести?

— Отведите, — решил Рауль, сопроводив разрешение прямо-таки королевским жестом.

Но горгулья его проигнорировала, ждала моего ответа. Пришлось подтвердить, что мы сейчас направимся именно туда.

— Вино? Фрукты?

Рауль промолчал, наученный опытом общения с нынешним недружелюбным проводником, лишь вопросительно на меня глянул. Непривычно ему, наверное, чувствовать себя пустым местом в глазах какой-то каменной почти статуи.

— Вино и фрукты, если можно, — согласилась я, поскольку мне самой было интересно, что именно нам могут принести в этом, столько лет забытым Двuedиным, месте.

— Можно, — вздохнула горгулья. — Даже обед могу предложить, но запасов осталось совсем мало. Эх, были времена, когда стазисные хранилища ломались от деликатесов. Сейчас же почти все отключены. И не из экономии, а потому что пустые.

Она не сказала, куда ушли запасы, но, скорее всего, были подъедены теми, кто оказался здесь забаррикадирован. Что с ними случилось? Спрошу без свидетелей. Мумии в коридорах не валяются — и достаточно.

Горгулья довела нас до комнаты, в которой всё было отделано в жизнерадостных жёлто-оранжевых тонах, даже неприличная картина на стене, изображающая обнажённую натуру, и замерла у двери.

— Донья, мне нужна ваша консультация, — неожиданно сказала она. — *Этот* может побыть здесь.

Этот оскорблённо посмотрел, но опять же промолчал. И то правда: если ругаться со статуей, ещё подумают, что у вас с головой не всё в порядке.

— Я вас ненадолго оставлю, Рауль, — сразу решила я.

Любопытства его оказалось недостаточно, чтобы одному войти внутрь. Наверное, понял, что идея влезть в Сиятельный корпус ради знаний оказалась не столь хороша, как думалось. Да, несиятельные сюда проходили, но с весьма специфическими целями. Вряд ли такое знание его утешит, ведь он шёл за другим.

— Я ведь не смогу сам отсюда выйти?

— *Он* не сможет сам оттуда выйти и подслушать тоже ничего не сможет, — даже с некоторым ехидством сказала горгулья. — Но вы, донья, можете пообещать, что *его* оттуда заберёте, если *он* будет себя хорошо вести.

— Обещаю, Рауль, что сделаю всё возможное, чтобы вы там не остались.

Он хмыкнул, но зашёл внутрь. Дверь за собой прикрывать не стал, это сделала горгулья, после чего поманила меня за собой. Пришли мы к кристаллу, и я решила, что речь опять пойдёт о зарядке. Я и сама про это думала, но отдавать теперь буду строго по норме: не больше половины.

— Донья, вы зачем *это* сюда притащили? — напустилась на меня горгулья. — В вашем возрасте пора бы знать, что не все знакомства — правильные. Как вы думаете, если мы его по-тихому отравим, никто не спохватится? Хотя о чём я? Исчезновение такого мага незамеченным не пройдёт.

— Он наследный принц Теофрени, — на всякий случай дополнила я сведения горгульи, чтобы та наверняка выбросила из набитой булыжниками головы мысли об убийстве. — Разумеется, не только заметят, но и отомстят. Мне. Я же не могу в этом корпусе просидеть всю жизнь.

— Не можете, — согласилась горгулья. Крылья её тоскливо опустились, и на морде появилось обречённое выражение. — Продуктов не хватит. Разве что успеете натаскать, пока его не хватятся?..

— Не успею. Его хватятся максимум через полчаса. А почему вы боитесь? Вы же сами сказали, что он не сможет тут никуда пройти.

— Я соврала, — по горгульиной щеке покатились слюдяная слеза. — Слабый маг не сможет. Он сильный. Он из рода тех, кто убил истинных хозяев этой земли. А я даже отомстить не могу.

Я положила руки на кристалл. Всё равно болтаем, а так хоть будем болтать с толком. Известие о связи правящей династии Теофрени с Легионом поначалу меня ошарашило, но потом я подумала, что логично, когда во главе страны встаёт тот, кто возглавил переворот. И опять же совершенно логично, что с ними не хотят иметь дело никакие Сиятельные из соседних стран.

Горгулья переживала невозможность мести всё сильнее: слёз набралось уже с десятков, а уж лапы она заламывала, как примадонна в театре на премьерке: с вдохновением и надеждой на аплодисменты. Сопровождалось это всё колыханием крыльев, медленным и тяжёлым.

— Я тоже сильный маг, — напомнила я, чтобы успокоить собеседницу хоть немного.

— Вы слабее, — неожиданно ответила она.

— Как это слабее? У меня тринадцать кругов, у несиательных столько не бывает.

— Глупости. Сила не зависит от Сиятельности или Несиятельности. Да, Сиятельные все маги, и в среднем сильнее несиательных, среди них с тремя-четырьмя кругами магов нет, начинается от пяти-шести. Но именно что в среднем. Этот сильнее, хоть и маскируется. Но я-то вижу. От меня не скрыть. Если бы несиательные маги были слабее, они никогда не победили бы Сиятельных. Нельзя недооценивать врага. А вы его притащили в самое сердце нашего оплота, которое теперь беззащитно перед потомком преступников.

Информация несколько отличалась от той, что мне не так давно выдала Катя. Врала? Или со временем магическое расслоение увеличилось и среди несиательных сильные маги исчезли? Но горгулья утверждает, что Рауль не просто сильный, а сильнее меня. И сколько у него Кругов. Четырнадцать? Пятнадцать? Или пятнадцать — это ещё не предел? С другой стороны, важен, не размер, а умение. Может, его учили только пыль в глаза пускать заезжим герцогиням? Но вряд ли бы он тогда был штатным преподавателем университета. Быстро бы выяснилось, что он умеет только пылить. Значит, будем исходить из худшего варианта: сила есть, ум есть и умение всё это использовать тоже присутствует.

— То есть при желании Рауль может попасть здесь куда угодно?

Горгулья угрюмо кивнула.

— Помешать ему мы не сможем. Так-то комната полностью экранирована. Но если он поймёт, что изнутри мы куда уязвимей, чем снаружи...

— Он не поймёт, — решила я. — Я его сейчас отвлеку и уведу.

— Вино и фрукты нести не надо? — обрадовалась возможности сэкономить горгулья.

Почему-то показалось, что без обещанного угощения Рауль точно не уйдёт: оскорблённое принцевское самолюбие требует хоть какой-то компенсации.

— Надо. Будем усыплять бдительность. Вино для этого особенно хорошо подходит.

Руку я от кристалла оторвала, отдала уже достаточно и решительно направилась к Раулю. Он сидел в кресле и любовался картиной. На мой взгляд, ничего особенного в ней не было: даже понять, что изображена женщина, можно было не с первого взгляда.

— Вино скоро принесут. К сожалению, я в выборе не сильна, так что решить, что именно нам нужно, не смогла, оставила на усмотрение местного хранителя.

На удивление Рауль проявил воспитанность и встал, но всё моё восхищение его хорошими манерами закончилось вмиг, стоило ему сказать:

— Катарина, вы такую интересную фразу произнесли, когда были не в себе. «Какого чёрта». Что это значит?

— Вам послышалось, Рауль. — Я уселась в кресло напротив, дав возможность сравнить даму живую, но одетую, с голой, но нарисованной. Уверена, если бы проходило соревнование, я бы выиграла с разгромным счётом. Во всяком случае внимание единственного кавалера полностью принадлежало мне. — Я в точности не помню, что я говорила, но, скорее, что-то типа: «Какого ксуorsa». Какого ксуorsa вы меня спровоцировали?

Самая лучшая стратегия защиты — нападение, это я ещё из прошлого мира помню. Вот и сейчас Рауль едва заметно смутился, наверняка выбросив чертей из головы хотя бы на время. И через пару дней будет сам сомневаться, что слышал.

— Откуда мне было знать, что у вас такие проблемы с контролем?

Он сел и оказался слишком близко. На таком расстоянии врать куда сложнее, чем если собеседник отделён от тебя приличных размеров столом.

— У меня нет проблем с контролем.

— Неужели? — он насмешливо приподнял бровь. — Мне так не показалось. Проблемы есть, и вы можете быть опасны для окружающих. Сколько у вас Кругов Силы?

— Шесть с половиной.

— А если честно?

— А сколько у вас?

— Девять, — ответил он, не дрогнув глазом.

— А если честно? — вернула я ему его реплику.

Я улыбнулась, а он недовольно прищурился.

— Какие у вас основания считать, что я вру?

Ответить я не успела, потому что после короткого стука в комнату вошла мрачная горгулья, толкая перед собой столик, на котором стояли бутылка вина, два бокала, пара тарелок, столовые приборы и ваза с фруктами. Фруктами поневоле заинтересовалась и я, потому что среди них оказались мне незнакомый, похожий на огромный персик, с таким же характерным пушком, но зелёный, как киви-переросток. Пока я размышляла, как его правильно есть, Рауль уже сцапал.

— Он один, — намекнула я.

— Я порезу. Прекрасная закуска к вину.

При упоминании вина почему-то вспомнилось, как горгулья предлагала спрятать концы в воду, то есть принца в землю, и я сразу заволновалась.

— А вы уверены, что вино нормальное после стольких лет? — подозрительно спросила я.

Горгулья оскорбилась.

— Донья, неужели вы думаете, я принесу вам какую-нибудь гадость? В стазисе ничего не портится.

— Мало ли, — продолжила я. — Может, те маги, что были здесь, оставили сюрприз тем, кто придёт на их место?

— Не переживайте, Катарина, у меня определитель ядов при себе, — прервал наш спор Рауль. — В этом вине ничего вреднее спирта нет.

— Донья, на всякий случай сообщаю, что вас ищут. Молодой маг с сеньоритой делают уже второй круг вокруг нашего корпуса.

— Мы коротко поговорим и выйдем, — решила я.

Горгулья этим удовлетворилась и процокала на выход, почему-то выразительно махнув крылом на кровать. Ну нет, до такой степени отвлекать Рауля я не собираюсь. Не настолько я политически подкована. Предстоящего разговора я страшилась, но даже вздумай я его начать с кровати, всё равно придётся договариваться словами.

— Итак, что мы имеем. Вы сильный маг, потерявший память и не умеющий контролировать силу, — удостоверившись, что дверь

закрылась, резюмировал Рауль. — У нас с вами была обоюдная клятва, но вы свою часть обещания выполнить не можете.

Как и обещал, он уже старательно пластал фрукт на ломтики. Внутри тот оказался тоже тёмно-зелёным, чуть светлеющим к косточке. Косточку Рауль выковырял и зачем-то положил в карман.

— Рауль, это чистой воды жульничество. Я обещала провести вас в Сиятельный корпус — и вы здесь. Со своей стороны я выполнила всё в точности. Если вы намекаете, что можете не выполнить свою часть клятвы, то нет, не получится.

— С вашей стороны речь шла о библиотеке.

— Нет, речь шла о Корпусе, и вы это прекрасно помните, — твёрдо сказала я и взяла ломтик странного фрукта.

На вкус он оказался близок к персику и такой же сочный, небольшая кислинка придавала нотку свежести, которой так не хватало в нашем разговоре. Я даже прижмурилась от удовольствия. Удовольствия хватило ненадолго.

— И всё же я рассчитывал на библиотеку.

— Не знаю, на что вы рассчитывали, но сейчас вы просто пытаетесь получить что-то сверху. Смотрю, вы вполне овладели отличительной особенностью монархов: палец им подашь — норовят руку по локоть оттяпать. Вы, конечно, ещё не монарх, только учитесь, но пасть у вас большая.

— Пасть?

— Приготовленная для желаний. Но на меня рот можете не разевать.

Он усмехнулся, открыл бутылку и разлил по бокалам тёмно-рубиновую жидкость.

— Катарина, давайте тогда заключим договор. Не клятву, нет. Я прикрываю вас в университете, а вы мне выносите книгу из местной библиотеки. Одну-единственную книгу.

— Отсюда книги выносить нельзя, — сразу резко ответила я.

Я не знала, что находится в библиотеке, но чувствовала, что может быть что-то опасное. Для меня, Сиятельных, мира, наконец. Магия — это вам не шуточки. Если от кого-то держат в тайне информацию, то не всегда из вредности.

— Делаете мне с неё копию. Заклинанию научу.

— Подозреваю, что и копию вынести будет нельзя.

Вино я попробовала кончиком языка. Кислятина кислятиной. Промахнулась горгуля с выбором. От такого вина романтических мыслей не бывает. Такое пьют на деловых переговорах. Рауль тоже немного отпил, поморщился, потом наклонился ко мне, взял за руку и сказал столь проникновенным голосом, словно признавался в любви:

— Катарина, мне очень нужна эта книга. Очень. Вы мне поможете? А я помогу вам.

Глава 36

Единственное, в чём я смогла убедить Рауля, — закончить разговор снаружи. Мол, всё равно ему тут ничего не доступно и угощение так себе. Уверена, что горгулья специально выбрала самое отвратительное вино из запасов, чтобы не приваживать гостя. Иначе получит удовольствие — захочет ещё раз прийти. Хотя Рауль недовольным угощением не выглядел и наверняка не отказался от ещё одной порции фруктов, которые мы с ним съели подчистую.

— Донья, а вы так и собираетесь выходить? — ехидно спросил Рауль, когда мы уже стояли у стены и я протянула руку, чтобы помочь ему пройти сквозь неё.

О чём он говорит, поняла я не сразу, скорчила недоумевающую мину и лишь потом спохватилась и отпила из припасённого флакончика, радуясь своей предусмотрительности.

— Не могу сказать, что так лучше, — отметил он, — но безопаснее однозначно. Выходим?

— Прямо сейчас не стоит, — проскрипела горгулья. — Если вы не хотите испугать своих друзей, вылетев на них из кустов.

Рауль этак задумчиво на неё посмотрел и пробормотал себе под нос, что если какая-то горгулья видит сквозь стены, то и он наверняка сможет.

— Только не надо пробовать сейчас, — прошипела я, испугавшись, что он не просто попробует, но и сможет. — А то Хранитель не впустит меня в следующий раз, или, не дай Двуетинный, впустит Диего.

Оговорила я специально, чтобы Рауль отвлёкся от экспериментаторских идей.

— Диего?

— Дона Дарока.

— Вы с ним настолько близко знакомы?

— Можно сказать, он помог избежать мне брака с доном Нагейтом.

— Как интересно...

Но сказать, что именно ему интересно, он не успел, потому что горгулья проскрежетала:

— Выходите, пока никого поблизости.

Мне показалось, что она ещё меня подтолкнула в спину, потому что мы вылетели с явным ускорением и я опять чуть не упала. Хорошо, что Рауль успел меня подхватить.

— К скамейке? — спросил он. — Пока Хосе Игнасио с вашей подружкой прогуливаются, возможно, мы успеем договорить.

В его голосе сквозила неуверенность, которую я прекрасно понимала: не в привычках Альвареса или Ракель степенные прогулки. Если они и наматывают круги вокруг Сиятельного корпуса, то так, чтобы не пропустить ни нас, ни Диего.

— К ней, — решила я, понимая, что разговора всё равно не избежать, а так хоть что-то успеем обговорить.

К скамейке мы дошли и даже чинно уселись на некотором расстоянии друг от друга, но вот обсудить ровным счётом ничего не успели, потому что из-за угла вывернул Альварес,двигающийся со скоростью и уверенностью мощного парохода с баржей, роль которой исполняла Ракель, вцепившаяся в его руку, чтобы не отстать. Заметил он нас сразу и сразу же почти побежал. Совсем бежать ему мешала не Ракель, довольно споро перебирающая ногами, а уверенность, что приличные университетские преподаватели не бегают.

— Где вы были? — возмущённо с ходу наехал на нас Альварес.

— Что значит где? — удивлённо приподнял бровь Рауль. — Мы были здесь.

— Не было вас здесь!

— За всё время, что мы не виделись, мы с сеньоритой не отходили от Сиятельного здания дальше этой скамейки, — довольно сухо объявил Рауль.

Великая сила правды: он не сказал ни слова лжи, но его собеседник услышал совсем не то, что сказано. На мой взгляд, Альварес в запале несколько забывался, не стоит говорить со своим возможным правителем таким тоном. Но мой выразительный взгляд куратор проигнорировал.

— Мы вас не видели, — напирал он.

— Хотел бы я знать, чем вы были таким заняты, что не заметили нас на скамейке?

Тон Рауля, донельзя неприятный и намекающий непонятно на что, заставил оскорблённо вспыхнуть Ракель и остудил пыл Альвареса, и тот уже не столь уверенно предположил:

— Возможно, вас замаскировала зелень?

— Это вы сейчас о моём внешнем виде, сеньор Альварес? — оскорбилась я. — Вы считаете, что я могу слиться с кустом и никто меня не заметит? Вот спасибо.

— Катарина, я не могу не беспокоиться о вас, оставляя в такой компании.

— Неужели? — с королевским высокомерием процедил Рауль.

Альварес над ним нависал грозовой тучей, Ракель же почувствовала себя необычайно неловко, видя назревающий скандал, но не понимая его причин.

— Катарина — студентка группы, в которой я куратор, поэтому я не могу о ней не беспокоиться.

— Поэтому вы умолчали о том, что у неё высокий уровень дара, который может выйти из-под контроля, и что ей требуется особое внимание.

Мама дорогая, это шесть с половиной кругов — настолько высокий уровень, что представляет опасность для окружающих? Что же тогда говорить о тринадцати? Я забеспокоилась, и сильно. В моих планах не было угробить кого-то только потому, что он случайно окажется рядом, когда я буду что-то отрабатывать.

— Я не умолчал, я просто не успел дойти до ректора, — вяло огрызнулся Альварес. — Сам видишь, какой сегодня сумасшедший день. Сеньору Муньесу не до нас.

Посмотрел он укоризненно на меня. Наверное, сведения о своих Кругах Силы посторонним рассказывать не следовало.

— Для сеньора Муньеса проблемы его университета всегда первоочередные. Но я тебя порадуя. Ты можешь сообщить ректору, что у сеньориты Кинтеро не только обнаружился высокий уровень дара, но и появился персональный учитель, сеньор Медина.

— Ой, — только и сказала Ракель.

— Эй, — возмутилась я, — мы так не договаривались, Рауль.

— Мы вообще никак не договаривались и не будем договариваться по этому вопросу, — довольно жёстко ответил он. —

Мне не нужны несчастные случаи в университете. Собственно, выбор у вас Катарина, не слишком большой.

И посмотрел так, что у меня разом пропали все возражения. Это не присмотр за беглой Сиятельной и не его прихоть — это насущная необходимость. И в этом случае лучше заниматься с тем, кто знает о тебе больше. А ну как с меня опять выгорит зелье? Лучше один постоянный свидетель, чем каждый раз — разные.

— Но он у неё должен быть. — Альварес встал так, чтобы я оказалась у него за спиной. — Я не желаю, чтобы ты занимался с моей невестой.

— Когда это я успела стать вашей невестой, сеньор? — возмутилась я.

— Как только мне удастся переговорить с вашим отцом, так и станете, — не поворачиваясь, бросил Альварес, словно моё согласие у него уже было в кармане.

Сказать я ничего не успела, потому что Рауль меня опередил.

— К сожалению, родные сеньориты Кинтеро погибли во время волнений в Муриции. Я не успел ей этого сообщить.

— Ой, — сказала Ракель, зажимая руками рот и с состраданием на меня глядя.

— Погибли? — опешила я.

Какой скоростной этот Рауль. Я ему ещё не успела обрисовать свою проблему с Альваресом, а принц уже похоронил моих родственников, чтобы они, не дай Двуетный, не согласились бы на мой брак.

— Увы, сеньорита. — Рауль властно подвинул замершего статуей Альвареса и взял меня за руку. — Мне очень жаль. Я не успел вам сказать раньше, но знал ещё утром. Корона о вас позаботится, не переживайте, вы не останетесь один на один со своим сиротством. Сеньорита Ракель, позаботьтесь о подруге. Сеньорита Катарина, я понимаю, что сегодня вам не до этого, но завтра жду вас после занятий. Работа — лучшее средство от горя. Хосе Игнасио, нам надо поговорить, пойдём. До свидания, сеньориты.

Он встал и увлёк за собой ошарашенного приятеля, который только и успел, что пробормотать слова соболезнования и утешения, а я осталась сидеть, размышляя, не стоит ли рвать когти отсюда немедленно же. В ту же Варенцию, например. И прыгать из страны в

страну, когда станет понятно, что опять разоблачили. Но вот беда, долго я так не попрыгаю: не так много на континенте стран и мой нынешний облик уже известен. Не логичнее ли пересидеть год и научиться хоть чему-то? Конечно, мне вряд ли удастся получить больше, чем я знаю сейчас, но у меня хотя бы будет легальное прикрытие для использования. У меня возникло чувство, словно я сама себя загоняю в ловушку: бегай, не бегай — конец один. Тётя найдёт и... И что?

— Какой ужас, — теперь Ракель села рядом со мной и взяла за руку. — Я всегда говорила, что Сиятельные несут в себе зло. Они — квинтэссенция зла на земле.

— Они-то ту при чём? — выдохнула я. — Вряд ли Сиятельные занимались убийством моих родных.

Хотя конкретно родных Эстефании убили наверняка как раз Сиятельные либо лично, либо по их приказу. Встаёт вопрос, почему в живых осталась графиня Хаго, которая только и занимается, что проталкивает антигосударственную политику.

— Может, и не убивали, но точно натравили, — убеждённо сказала Ракель. — Этого нельзя так оставлять. Мы непременно отомстим. Смерть твоих родных не будет напрасной, Кати.

Она говорила что-то ещё, но я внезапно почувствовала, что у меня жутко разболелась голова. То ли так подействовало дрянное вино, то ли то, что я перенервничала в Сиятельном корпусе, то ли лишняя порция зелья сыграла свою роль, но сейчас в голове бушевало целое гвоздевое цунами, так и норовящее очередным приливом проковырять дырку в моём черепе. И чувствовала я себя так, словно действительно потеряла всю свою семью, хотя с этим я смирилась уже давным-давно. Главное, что мои близкие не страдают из-за меня и что у них всё хорошо. И всё-таки, всё-таки мне ужасно их всех не хватало, настолько, что на глаза сами собой набежали слёзы и я начала всхлипывать. Тоска по родным, по подругам, по прошлой жизни нахлынула столь сильно, как никогда раньше. С переносом сюда я получила возможность двигаться, но потеряла семью. Впрочем, если бы я не согласилась, ничего хорошего для близких мне людей не сделала: они потеряли меня давно, после аварии.

— Поплачь, — Ракель успокаивающе погладила меня по голове. — Немного легче станет. А ещё лучше тебе сейчас поспать. Хочешь,

схожу к целителям, попрошу снотворного?

— Хочу, — решила я и вытерла слёзы.

Ими ничему не поможешь, ни одной проблемы не решишь. А вот ясности в голове они мешают. А мне она завтра ой как понадобится. Да, именно завтра я буду решать, что делать.

По дороге мы встретили Диего, но Ракель проявила к нему очень мало интереса, разве что, когда мы проходили мимо, прошипела: «Убийца». Диего даже не оскорбился, лишь выразительно сощурился. Наверняка ему такое говорили не впервые. Но то, что он нас запомнил, — даже сомнению не подлежит.

Оказавшись в нашей комнате, я с облегчением легла и даже глаза закрыла. Но боль не отступала. Вскоре прибежала Ракель со стаканом снотворного и торжественно мне вручила. Голову от подушки поднимать не хотелось, но я присела, всё выпила и даже успела поблагодарить Ракель, после чего мои глаза неожиданно закрылись и я уснула.

В этот раз никаких прелюдий с горгульями не было. Его Величество Теодоро Второй Блистательный просто-напросто залез в окно, как какой-то безродный мальчишка, и устроился на подоконнике. Что-то явно не давало пройти ему дальше.

— Эстефания, это безобразие так принимать своего монарха, — проворчал он поёрзав на подоконнике, но так и не найдя удобного места для монаршей задницы.

— Вы мне принесли радостное известие про избавление от опекунши, Ваше Величество?

— Донью Хаго не за что отстранять, она радеет о твоём благе.

— Пусть тогда радеет подальше от меня, и вы тоже.

— Эстефания, ты не можешь жить самостоятельно. Так, твой выбор университета, по меньшей мере, странен.

— Было бы странно, останься я в Муриции, а чем вам не нравится Варенция?

— Варенция? — недоумённо переспросил король. — Какая ещё Варенция? Дорогая, я прекрасно знаю, что ты в Теофрении, где находится Сиятельным опасно.

Этими словами Теодоро выдал, что держит связь с Диего и тот уже доложил, что по косвенным признакам я в Теофрении. Но пусть ищет. Сейчас меня будет прикрывать не только зелье, но и

теофренийский принц, которому я нужна, как источник знаний. Вот если я докажу свою бесполезность, может и сдать.

— Не знаю, Теодоро, с чего ты решил, что я стану подвергать свою жизнь опасности. Разумеется, я в Варенции. В той самой, куда хотела выдать меня замуж ваша прекрасная опекунша донья Хаго. Я присмотрюсь к стране, будущему мужу, а заодно решу, поступать ли мне на следующий год или нет.

— Эстефания, ты меня совсем запутала, — по-доброму улыбнулся король. — Возможно, потому что мы с тобой разделены? Подойди ко мне и повтори то, что ты сказала.

— Я сказала, что можно присматриваться к университету на расстоянии, не обязательно туда поступать, — ответила я, не двигаясь с места. — И к будущему мужу тоже лучше присматриваться издалека. Говорясь он весьма достойный принц, не то, что некоторые короли.

Странное дело, в своём сне я сидела на казённой кровати, но платье на мне было отнюдь не из тех, что я привезла, а из дорогого голубого шёлка с белоснежными кружевами. Уверена, и на голове была сложная причёска с украшениями. Я выглядела не просто Сиятельной. Я выглядела ослепительно Сиятельной. И Теодоро смотрел на меня со злым восхищением.

— Эстефания, неужели ты не понимаешь, что я не отдам герцогство и такой брак приведёт к кровопролитной войне? — зло бросил он.

— Я могу отказаться от герцогства в пользу вашей любимой доньи Хаго.

— И зачем ты тогда будешь нужна Варенции? — с насмешкой спросил он.

— О, у меня масса достоинств и помимо герцогства, — я улыбнулась. — Вы же меня зачем-то пытаетесь к себе вытянуть. Не от большой же любви.

— Почему ты мне отказываешь в таком светлом чувстве? — театрально обиделся Теодоро. — Хочешь, докажу, что ты не права?

— Вы мне уже показали всю полноту своей любви, чуть не отрубив голову, — напомнила я.

— Ты мне это маленькое недоразумение до конца жизни будешь припоминать? — недовольно прищурился король.

Захотелось уточнить, о конце чьей жизни идёт речь: моей или королевской. В последнем случае припоминать буду и после, очень уж мне не понравилось быть жертвой для заклятия.

— Это для вас случившееся маленькое недоразумение. И вас даже ничуть не мучает совесть, что вы собирались отрубить голову невинной девушке.

— Какого ксуорса? — неожиданно вспыхнул Теодоро. — Ты мне подлила отраву, самую настоящую отраву, и имеешь наглость утверждать, что невинна? Я это видел сам, своими глазами. — Он поднёс руки к глазам и потряс, словно я могла посчитать, что он увидел чем-то другим. Хотя кто там знает этих Сиятельных королей? Может, у них и на затылке есть глаза... — Так что не надо передо мной изображать невинного нанда. Ты виновна, и точка. И то, что тебя пришлось оправдать, для меня ничего не меняет. Не пытайся обмануть меня так же, как ты это сделала с артефактом. Я больше верю себе, своей магии, а не прекрасным, но лживым устам.

— Я тебя не травила, — возмутилась я. — Меня подставили.

— И кто же? — скептически спросил он.

«Бласкес», — из меня так и не вырвалось. Не только не вырвалось, я даже губами не смогла изобразить нужные звуки. Впрочем, я не исключала, что подставил меня не Бласкес, а прежняя Эстефания, вложившая ложные воспоминания и убравшая остальное в дальние закутки памяти, которые прочно запечатала.

— Эстефания, брось ты эти глупости, — вздохнул Теодоро. — Я принимаю тебя такой, как ты есть. Все мы не без недостатков: ты попыталась меня отравить, я за это попытался отрубить тебе голову. Мы друг друга стоим. Но у нас обоих ничего не получилось. И это знак Двуетоного. Нам стоит заключить мир, а что его лучше подтвердит, как не поцелуй?

— Уходи, — бросила я.

И силы моего слова оказалось достаточно, чтобы он кувыркнулся с подоконника в открытое окно. Проверять, что с ним я не побежала: во-первых, Его Величество прекрасно умеет левитировать, а во-вторых, это всё равно всё ненастоящее.

Глава 37

Ожидания, что нас сразу начнут чему-то учить, не оправдались. Нет, занятия были, но чисто теоретические. Как заявил нам первый же лектор первой же фразой: «Сначала нужно набрать базу». Возмущаться никто не стал, и я поняла, что такой подход — обычное дело, поэтому тоже промолчала, но Ракель высказала своё недоумение. Ведь любая теория, не подкреплённая практикой, усваивается куда хуже.

— Брат говорил, что так только первую неделю. Присматриваются, насколько прилежный студент, потом распределяют по небольшим группам. Тебе-то хорошо, у тебя уже есть персональный учитель...

Я промолчала, хотя подозревала, что Рауль будет не столько персональным учителем, сколько персональным надсмотрщиком. Вряд ли из Теофрении удастся так же легко удрать, как из Муриции. Других-то фальшивых документов мне никто не сделает... Не просить же об одолжении местного принца? Конечно, была ещё мурицийская подорожная, но на то же имя, так что использовать её где-либо теперь будет в высшей степени неосмотрительно.

— В конце концов, прежде чем делать что-то серьёзное, всегда надо изучить теорию, — продолжила Ракель, так и не дождавшаяся от меня восхищения по поводу Рауля.

Была она ко мне сегодня особенно внимательна, но к разговору о семье мы не возвращались. Признаться, врать мне ей с каждым днём становилось всё сложнее, потому что я считала её почти своей подругой. Почему почти? Потому что была уверена: скажу ей правду о своей Сиятельности — и наша дружба тут же закончится. Но пока она за меня и за себя отслеживала расписание и следила, чтобы мы никуда не опоздали и ничего не перепутали.

Радовало, что всё утро Альварес на горизонте не появлялся. Надеюсь, потому, что Рауль вправил ему вчера мозги, а не потому, что у него сейчас занятия, окончания которых он ждёт с нетерпением, чтобы опять ходить за мной как привязанный.

Пока на лекциях было откровенно скучно. Разумеется, не из-за того, что читали из рук вон плохо. Нет, с этим как раз всё было замечательно. А потому, что всё это я уже знала. И не только знала, но и могла использовать.

Но слушала я внимательно, стараясь ничего не упустить: некоторые вещи и объяснялись, и делались совсем не так, как я помнила. Это следовало учесть при подготовке, чтобы не спалиться. Конечно, в случае чего можно будет сослаться на Рауля, так что в его персональном учительстве был несомненный плюс.

Последним занятием на сегодня у нас значилась физическая подготовка, о важности которой Ракель успела рассказать, когда я заикнулась, что не самое важное занятие, в случае чего можно и прогулять.

— Считается, что физическое развитие может запустить рост Колец Силы, — радостно вещала Ракель. — Правда, брат говорил, что всё это враки. Мол, ни у него, ни у кого-нибудь другого в его группе никакого роста не было. Но я уверена, это потому, что они недостаточно усердно занимались. И да, за прогулы без уважительной причины наказывают строго.

Хорошо, что моё невежество в вопросах магии было обычным делом и не вызывало ни малейших подозрений у окружающих. Не знаешь? Так и знать не должна, если с магией раньше не сталкивалась.

Перед занятием мы успели забежать к себе и переодеться. Пожалуй, форма, несмотря на мешковатость, была удобна и движений не сковывала, а уж обувь почти не чувствовалась на ноге. Я попрыгала перед кроватью, в очередной раз с удивлением вспоминая, как эти ботинки преобразовывались прямо на мне. Посмотрим, как они поведут себя при ходьбе и беге.

— На занятии попрыгаешь, — поторопила меня Ракель. — Пойдём, за опоздание штрафуют.

До опоздания было ещё далеко, тем более что подруга знала, на какую именно площадку для занятий идти, но прыгать в комнате всё равно оказалось не столь интересно, так что мы вышли сразу и пробежались до нужной площадки. Ботинки показали себя прекрасно. Были бы у меня такие в прошлой жизни, я бы, может, чемпионкой по бегу стала.

Почему-то я думала, что будем заниматься в своей группе, но нет, смешанная толпа девушек из всех групп первого курса намекала, что у нас опять какие-то гендерные заморочки. Впрочем, я ничуть не переживала, что не придётся соревноваться с нашими парнями: я девушка слабая, сильные нагрузки могут ещё, не дай Двуетинный, спровоцировать ненужный всплеск. Сиять лучше только при проверенных свидетелях, а ещё лучше — вообще не сиять.

— Некоторым понятие стыдливости вообще незнакомо, — неожиданно выпалила Эрнандес, глядя на меня прямо-таки с лютой ненавистью. — Думаешь, мы не догадались, как ты пробралась в личные ученицы к принцу Раулю? Все видели, как вы с ним вчера любезничали на скамейке.

Боже, надеюсь, видели только это, а не то, как мы лазили по кустам у Сиятельного корпуса...

— Как тебе не стыдно такую ерунду придумывать! — встала на мою защиту Ракель. — Его Величество Рауль вчера сообщил Катарине о том, что вся её семья погибла. Именно об этом он говорил с Катариной на скамейке, а не о том, что ты насочиняла.

Это заткнуло даже Эрнандес, не нашедшую подходящей гадости, которую можно сцедить в такой ситуации. С соболезнованиями ко мне не лезли, но сочувствующие взгляды я ловила. Ракель оседлала своего любимого конька и радостно трещала на тему, как нам повезло, что в Теофрении нет Сиятельных и они не влияют плохо на всех нас и на страну.

— Я давно говорю: все беды от Сиятельных, — продолжала возмущаться Ракель.

— Да что вы говорите?

Бархатный голос Диего прозвучал над самым моим ухом. Я вздрогнула и повернулась. Сколько он стоял и что слышал было непонятно, но наверное, немного, потому что следующей его фразой было:

— И почему вы так думаете, сеньорита?

При этом он даванул Сиятельным флёром, и все девицы застыли, восхищённо на него таращась. К счастью, Ракель не только застыла, но и онемела, а то бы с неё сталось сообщить и почему она так думает, и где погибли мои родители. Думаю, если бы Диего узнал, откуда приехала Катарина, то к не дающему проходу Альваресу и принцу

Раулю, с которым мы сегодня будем достигать выгодных обеим сторонам договорённостей, добавился бы ещё Сиятельный ухажёр. Этого нужно было избежать любой ценой, поэтому я тоже сделала глупое лицо, чтобы не выделяться, и восторженно на него уставилась. Сделала я это вовремя, потому что он с интересом оглядывал всех, наверняка пытаясь выяснить, находится ли герцогиня Эрилейская среди этой толпы. По мне он мазнул незаинтересованным взглядом, потом вернулся и опять мазнул, но уже заинтересованным. Всё-таки зелье недостаточно испортило мою внешность, чтобы я не вызывала обычный мужской интерес. Но Диего был человеком, для которого дело было на первом месте, поэтому он остановил своё внимание на двух более перспективных, с его нынешней точки зрения, студентках, разглядывая то одну, то другую с таким тщанием, что не вызывало сомнения: искал черты сбежавшей герцогини, искажённые зельем.

— Сегодня у вас занятие провожу я, — наконец сказал он, так и не определившись с объектом, зато перестав наконец давить флёром.

Я его понимала, выбор был сложным: у одной девицы был длинный крючковатый нос, больше подходящей Бабе-Яге из сказок, зато другая отличалась просто невероятных размеров ушами. Поди разбери, кто из них я...

— Нас не предупреждали, — очнулась Ракель. — Вдруг вы говорите неправду?

— Зачем, сеньорита? — холодно спросил он.

— Врать — в духе Сиятельных, — выпалила она.

— Сеньорита, потрудитесь обращаться ко мне «дон Дарок», — в голосе его звякнул металл. — И прекратите говорить про нас гадости. Мы — такие же, как вы, только лучше.

— Это ещё вопрос, кто лучше, — не унималась Ракель.

— А это мы сейчас и выясним, — он нехорошо улыбнулся, прищурился. — Выстроились в одну линию. Быстро.

Он рывкнул так, что никто не подумал не послушаться. Линия была не слишком длинной, так и девушек на первом курсе было немного. Диего начал прохаживаться вдоль ряда и рассказывать о важности физподготовки для мага. О том что ею ни в коем случае нельзя пренебрегать. Он останавливался рядом с каждой и отправлял сканирующее заклинание, в полной уверенности, что его никто не засечёт. При этом он болтал без остановки.

— Тренировки для укрепления тела и медитации для укрепления духа — вот два основных столпа, на которых будет зиждиться ваша магия.

— Не очень устойчивая конструкция, — отвлекшись на запоминание заклинания, ляпнула я. — Третий бы ещё.

— Что третий? — повернулся он ко мне.

— Третий столп нужен, иначе упасть может наша магия.

— Ну ты и дура! — вызверилась Эрнандес. — У нас по две ноги, и мы не падаем.

Она выглядела столь гордой собственным аргументом, что я не выдержала:

— Ещё как падаем. Напомнить? А вот если бы у нас было три, а лучше четыре ноги, мы бы были куда устойчивее.

— А ну тихо! — рявкнул Диего, мигом теряя всю Сиятельную привлекательность и превращаясь в Сиятельную страхолюдину. — На моих занятиях говорю я и те, кому, я это разрешил. Всем ясно?

«Ясно», — ответили несколько девушек, каждую из которых он отметил быстрым взглядом.

— Похоже, не все поняли, что я сказал, — вздохнул Диего. — Вы, вы и вы — круг по площадке. Один. Вы и вы, — он ткнул Сиятельным пальцем в меня и Эрнандес, — два. Живо, бегом марш!

Я рванула, стараясь побыстрее закончить с наказанием. Эрнандес же возмущённо зашпорила, напирая на то, что её отец — важная шишка в министерстве. Остальные побежали, но неохотно и медленно, так что я пробежала оба штрафных круга, а они не закончили один. И Эрнандес тоже не закончила, но не бежать, а возмущаться.

Я пристроилась рядом с Ракель, убедилась, что Диего с его выдающимся Сиятельным слухом никак не до нас, и шепнула:

— Не говори, где погибли мои родители. Никто не должен знать.

— Да, точно. Сиятельные — злобные твари, ещё захочет убрать свидетельство собственных преступлений.

— Вот-вот, — поддержала я её мысль. — Но и другим не говори, чтобы не проболтались.

Тем временем Диего препирательства надоели, он бросил:

— Конечно, сеньорита, вы можете не бегать и вообще не заниматься. Я думаю, вам не составит труда объяснить своему отцу, почему вас отчислили на второй день занятий. — И повернулся спиной

к Эрнандес. — Итак, как я вижу, с физической подготовкой у вас примерно так же, как с мозгами.

— С чего это я вдруг отчислена? — взвилась Эрнандес.

— С того, что все, кто не выполняет указание преподавателей, подлежат отчислению. Для вас это явилось сюрпризом, сеньорита? Как и то, что во время занятий посторонние разговоры запрещены? Уходите и не мешайте студентам.

Он опять даванул флёр, но флёр оказался бессилён перед ужасом, который обуял Эрнандес, когда она поняла, что с отцом действительно придётся объясняться. Губы у неё задрожали, и она, разом растеряв всю спесь, залепетала:

— Простите, дон Дарок, этого больше не повторится. Я могу бежать?

Он недовольно прищурился, прикидывая, не лучше ли выставить ту, кто никак не может быть его целью, а значит, будет только мешаться под ногами. Потом сообразил, что, пока цель не достигнута, не стоит портить отношения с шишкой из министерства, и неохотно процедил:

— Первый и последний раз, сеньорита Эрнандес. Но бегать вы будете уже после занятия. Пять кругов, понятно?

Она молча кивнула, и Диего нехорошо улыбнулся.

— А теперь, сеньориты, приступим к правильной разминке.

Но приступить мне помешало появление Рауля.

— Одну минуту, дон Дарок, мне срочно нужна моя ученица. Прошу прощения, я вынужден забрать её с вашего урока ради своего. Сеньорита Кинтеро, пойдёмте.

— Ваше Высочество, смею заметить, сеньорите Кинтеро не помешал бы урок хороших манер.

— Чем именно мы будем заниматься с сеньоритой Кинтеро, решать мне, а не вам, дон Дарок.

Казалось бы, они говорили вежливо, но было очень заметно, что оба с трудом переносят общество друг друга. Диего точно хотел выдать гадость в ответ на фразу о занятиях, но обошёлся выразительным взглядом и весьма скабрёзной усмешкой. Последнее слово осталось за ним, потому что он сказал:

— Сеньорита Кинтеро, узнайте у подруг, чем мы занимались на этом занятии. Ради вас комплекс повторять на следующем занятии не буду. Можете идти.

Поскольку говорить он мне не разрешал, я изобразила нечто вроде прощального книксена, после чего мы с Раулем пошли к университетскому корпусу.

— Зачем было вытаскивать меня с занятия? — Спросила я. — Диего не догадывается, что я — это я. Зелье меняет не только внешность, но и голос.

— Но не привычки.

— Мы с доном Дароком не так много общались, чтобы он запомнил мои привычки.

— А ещё нам нужно многое согласовать, чтобы вы ненароком себя не выдали на его занятиях. Сиятельность даёт дополнительную выносливость. Если остальные сеньориты на вашем фоне будут выглядеть бледно, он непременно поймёт причину.

— Притворится умирающей сможет любая сеньорита. Но вообще, Рауль, партнёры так не поступают. Почему вы не предупредили меня вчера?

— Потому что вчера я не знал. Решили сегодня у ректора.

— И вам не сообщили? — позволила я себе сомнение.

— А почему мне должны были сообщать, с какой части наших студенток эта св... Сиятельная личность начнёт обход?

— Вам не нравится идея по засиятельству Теофрении? — усмехнулась я.

— Ради призрачной возможности вернуть Сиятельных мы вынуждены портить жизнь стольким юным магичкам. Кому это понравится?

— А как же рост дара от тесного общения с более сильным магом, о которым говорит сеньор Альварес?

— Альварес когда-нибудь договорится, — хмуро ответил Рауль.

— Что, неужели до сих пор ему никому не удалось поднять дар?

Он резко остановился.

— Катарина, давайте оставим тему близкого общения мужчины и женщины, а то ведь и у меня могут мысли направиться в эту сторону. Как-никак, женитьба на вас точно оставит меня наследником престола, потому что даёт вероятность рождения Сиятельного ребёнка.

— Вы на это никогда не пойдёте, — уверенно ответила я. — Потому что это означало бы войну между Теофренией и Мурицией.

Теодоро не отдаст герцогство. Да и вам, при всём желании, его сложно будет захватить из-за отсутствия общих границ.

Он удивлённо хмыкнул и заявил:

— Положим, в данной ситуации герцогство второстепенно, но не могу не отметить, что граница между ним и Теофренией есть. Небольшая, но тем не менее её хватит, чтобы перебросить войска. Странно, что вы так плохо знаете, с кем граничит ваша территория.

Я делано рассмеялась.

— Я понадеялась, что вы этого не знали. Не рассматриваете же вы такой вариант всерьёз?

Он дёрнул плечом.

— Почему нет? Нам жизненно необходимы Сиятельные в стране.

— Но как вы объясните рождение Сиятельного ребёнка у несиятельной пары?

— Разумеется, милостью Двуетного, Катарина, а как же иначе? Двуетный простил Теофрению и дал возможность начать всё сначала.

Глава 38

От столь наглого заявления я потеряла дар речи. Ненадолго потеряла.

— То есть вы за меня уже всё решили? — прошипела я, почти как дражайшая тётушка, когда она в бешенстве.

— Тише, Катарина, а то как засияете и отправите к ксуорсам все наши труды.

— Какие ещё наши труды? — не стала я успокаиваться. — У нас с вами нет никаких общих трудов.

— Ваши по побегу и мои по вашей легализации.

— Вы и без меня прекрасно отправите их к ксуорсам. Рауль, давайте расставим все точки над *i*. Вы мне, конечно, нравитесь, но не настолько, чтобы выходить за вас замуж, да ещё и жертвовать своим герцогством.

— Вы им уже пожертвовали, когда сбежали. Сбежали от ответственности. Кстати, а что значит ваше выражение про точки?

Я сделала вид, что вопроса не услышала, хотя, если была бы возможность треснуть себя от всей души, непременно бы ею воспользовалась. Нет, мне нужно как-то контролировать себя. Например, перед тем как ответить, проговорить фразу про себя — глядишь, где-то промолчу и сойду за умную. Правда, если я буду настолько тормозить на занятиях, то скорее сойду за тупую.

— Я сбежала не от герцогства, а от...

Я прикусила язык, чтобы не проболтаться. Дражайшей тётушки пока не видно и не слышно, но это не значит, что она меня не ищет. А у меня никакой защиты. Даже фамильяр не стал со мной не то что путешествовать, даже общаться. Совершенно неправильный фамильяр. Нужно будет всё-таки переговорить с горгульей ещё раз, выяснить наконец её имя и поинтересоваться, вдруг кто согласится заменить негодного помощника.

— А от чего, милая Катарина?

— А от нежеланного замужества. А вы мне хотите навязать другое.

— Упаси Двуетидный, Катарина. Я вам ничего не навязываю, я просто рассматриваю варианты на случай, если мой план не сработает. Как вы вообще представляете, что я на вас женюсь без вашего согласия?

— Теодоро моё несогласие не мешало хотеть выдать меня за графа Нагейта.

— Но ведь не выдал же. — Теофренийский принц был эталоном спокойствия. — Катарина, душа моя, без вашего согласия авантюру с браком не провернуть.

Я успокоилась, но не настолько, чтобы начать доверять Раулю. Это он сейчас говорит, что нельзя, а потом окажется, что достаточно будет просто поприсутствовать. Явить, так сказать, свой светлый лик в Храме, чтобы Двуетидный порадовался и нас благословил.

— Честно говоря, меня вообще удивляет ваше отношение к замужеству. В таких семьях, как Эрилейские, бывают только договорные браки, и вас к этому должны были готовить с детства. Вы слишком серьёзная фигура, чтобы выходить абы за кого, понимаете?

— Понимаю. Поэтому и не хочу абы за кого выходить. Вы, Рауль, конечно, не абы кто, но я вижу слишком много проблем, проистекающих из-за подобного брака.

— Я тоже. Катарина, да поймите же наконец, что я заинтересован не в браке, а в том, чтобы вы остались в Теофрениии. На этом и остановимся, хорошо?

Мы двигались по дороге в сторону университетского корпуса. В это время она была не слишком оживлена, но тем не менее студенты и студентки встречались. Сеньориты бросали на моего спутника весьма заинтересованные взгляды, и мне вдруг подумалось, что он лакомая добыча почти для любой теофренийской девушки. Даже если престол ему не достанется, он всё равно будет в ближайшем родстве с семьёй правителя. Но для него это может быть минусом, и даже смертельным. Понимает ли это Рауль? Наверняка. Но получается, судьба страны для него дороже собственной. Впору его пожалеть: принцу приходится быть разменной монетой ради интересов своей страны.

— Хорошо, — согласилась я. — Вы что-то там говорили о моей легализации?

— Надо же, я был уверен, что вы на это не обратили внимания, — усмехнулся он. — На вас выписаны документы и открыт счёт в банке.

Денег на нём хватит на покупку дома в столице.

— Какая щедрость, — протянула я, не зная, как на это реагировать.

— Небольшого, — сразу подчеркнул Рауль. — По легенде, это деньги, которые вы получили от продажи имущества погибшей семьи. Заниматься делами вы для всех поедете в выходные.

— А на самом деле?

— А на самом деле мы с вами проведём их в Сиятельном корпусе.

— Мы с вами вместе проводить выходные не будем, — отрезала я.

— Там же не одна спальня.

— Рауль, я вас обещала туда провести только один раз. Я провела. И не вижу смысла проводить второй раз, если, кроме спальни, вы больше нигде попасть не можете.

Опасения горгульи я разделяла, поэтому больше не собиралась допускать теофренийского принца в Сиятельный корпус. Сначала выясню, что именно его интересует, а уж потом решу, можно ли ему с этим ознакомиться.

— Я хочу проверить одну идею.

— Проверяйте её снаружи.

— Увы, это можно сделать только изнутри.

— Примите как данность, что внутрь вы не попадёте, — отрезала я.

— Вот как? Я чего-то не знаю?

— Вы чего-то не знаете. Мне стоило больших трудов уговорить хранителя корпуса вас не трогать.

Можно сказать, это даже враньём не было, поскольку я действительно объясняла горгулье, почему Рауля нельзя травить.

— Не думаю, что пребывание внутри для меня хоть сколько-то опасно, — вместо благодарности за спасение собственной жизни ответил он. — Проведём эксперимент.

— Не хочу, чтобы меня обвинили в вашей смерти, — ответила я.

— Один раз мне удалось избежать казни, но не будет же мне всё время так везти?

— А если я оставлю записку, что всю ответственность принимаю на себя?

Мы застыли друг напротив друга и играли в древнюю игру: кто кого переглядит. Глаза я не отводила лишь из уверенности, что, если

проиграю, этот жук найдёт причину, чтобы опять пробраться со мной туда, где ему не место.

— Нет, — отрезала я. — Уверена, ваши безутешные родственники найдут причину, по которой меня следует казнить, и не факт, что это будет сделано правильно.

— Правильно — это как? Чего вы боитесь, Катарина? Почему вы сбежали из Муриции? Не от брака же с графом Нагейтом, на самом деле?

От испуга я не только глаза отвела, но и чуть не отшатнулась. Говорить на эту тему ни с кем, кроме Кати, я не могла. Да и она транслировала только страх, а не конкретику.

— А почему нет? Престарелый граф Нагейт — не предел мечтаний для юной и прекрасной герцогини Эрилейской.

Рауль расхохотался, совершенно неприлично привлекая к нам внимание. Я скорчила постную мину вовремя вспомнив, что я в трауре.

— Со второй частью вашего утверждения соглашусь, а вот с первой поспорю. Нагейт — в расцвете лет сил и ведёт активный образ жизни. Сегодня с утра прибыл в Варенцию с какой-то королевской миссией.

— Да вы что?

Я невольно потёрла руки. Неужели Теодоро купился и меня будут искать там? Пусть ищут.

— Смотрю, вы что-то знаете? — пронизательно заметил Рауль и ненавязчиво взял меня под руку. — Пойдёмте же Катарина, время идёт, нам нужно заниматься, а не только болтать.

— Мы с Теодоро недавно пообщались во сне, и я намекнула, что нахожусь в Варенции, — не стала я скрывать. — Кстати, если вас не затруднит, не могли бы вы делиться данными вашей разведки о приключениях донна Нагейта? Это укрепило бы мою легенду.

Рауль кашлянул, словно ему внезапно что-то попало в горло.

— Теодоро общается с вами во сне? Это опасно, знаете ли.

— Подозреваю. Поэтому я к нему близко не подхожу и выгоняю, как только предоставляется возможность. Правда, он был всего два раза, но мне кажется, появится и в третий.

— Наверняка, — согласился Рауль. — Поэтому вам надо закрыться от его посещений. Я научу.

— Сначала мы ему всучим дезу с Нагейтом, — не согласилась я.
— А потом я закроюсь. Я правильно понимаю, он меня может вытащить через сон?

— Правильно. Закрытая методика, но мурицийские короли ею владеют. Чем больше вы с ним разговариваете, тем ему легче это сделать.

В его голосе послышалась явная зависть. Наверное, была эта методика недоступна простым смертным, а Раулю страсть как хотелось быть в курсе всего, что недоступно. Была ли это страсть мага или потенциального правителя — разницы не было, поскольку заставляла идти до конца.

За разговором мы дошли до рабочих комнат Рауля. Именно комнат. Их было несколько: кабинет, алхимическая лаборатория и несколько помещений для экспериментов с разной степенью защиты. В двух точно что-то шло, потому что защита там была активной и её всполохи проходили и по двери, и по стенам. Рауль приглашающе открыл дверь в третью, но зайти я не успела, потому что к нам влетел запыхавшийся Альварес.

— Слава Двуетиному, успел, — выдохнул он.

— Успел к чему? — холодно спросил Рауль.

— Успел до того, как вы вдвоём запрётесь. Сеньорита Катарина очень наивна и не понимает, что если она уединится вдвоём с тобой, Рауль, то её репутации конец. Никто не поверит, что вы там ничем таким не занимались.

— Хосе Игнасио, ты спятил? — поинтересовался Рауль. — Чем мы с Катариной там можем заниматься, кроме магии? Я бы ещё понял в кабинете, здесь хотя бы кресло есть, не слишком удобное, но всё же.

Я на всякий случай заглянула в комнату, в которую мы направлялись. В ней даже окон не было, не говоря уже о каком-либо завалищем диванчике, который мог бы угрожать моей девичьей чести. Да что там диванчика, там вообще ничего не было, одни голые стены и каменный пол. Я посмотрела на Рауля, тот мне ответил столь же непонимающим взглядом.

— Сеньор Альварес, нужно обладать очень испорченным воображением, чтобы подумать что-то неприличное про эту комнату, — заметила я.

— Вы наших магов не знаете, — возразил он. — У них воображение не просто испорченное, оно заточенное на максимально испорченные варианты. Поэтому то, что я иду с вами, не обсуждается.

— Боюсь, тогда мне вовек не отмыться, — ответила я, невинно взмахнув ресницами. — Одного сеньора мне бы простили, а сразу двух... Уверена, этого никогда не забудут.

— Вы о чём, Катарина? — уставился на меня Альварес.

— Об испорченности ваших магов. Не знаю, что они надумают, но наедине с двумя мужчинами я не останусь. Мне и одного много.

На самом деле, мне бы и горгульи хватило, из неё получился прекрасный учитель, но кто меня будет об этом спрашивать?

— Я — ваш куратор и почти жених. А Рауль... Знаете, Катарина, какая у него репутация?

Теофренийский принц только глаза к потолку возвёл, наверное, молил Двуетного даровать терпение. Я насмешливо фыркнула.

— Ой, можно подумать, сеньор Альварес, что у вас репутация лучше.

— Это всё неправда, — с ходу начал он открещиваться. — Кто вам сказал? Секретарша ректора? Так она постоянно привирает.

— Ты и с ней успел? — неодобрительно спросил Рауль.

— Враньё! — возмутился Альварес. — У меня с ней ничего не было. Она вообще не в моём вкусе. Она сама со мной постоянно заигрывает и выдумывает всякую ерунду.

Не знаю, с чего он так завёлся, но наверняка не всё так чисто с этой секретаршей. Но это настолько не моё дело, что даже неинтересно.

— В любом случае, сеньор Альварес, — сурово сказала я, — нам надо заниматься, а вы мешаете. Втроём мы туда не пойдём, и точка.

— Катарина, где ваша девичья скромность и уступчивость?

— Я так и знала, сеньор Альварес, что вовсе вам не нравлюсь и вы заботитесь обо мне исключительно из жалости. Но если вам так хочется постоять на страже моей нравственности, вы можете посидеть в кабинете, пока мы будем заниматься. Уверена, Рауль возражать не будет.

— Не буду, — согласился он. — Но ждать придётся долго. Мы будем заниматься не меньше часа.

— А вы делайте перерывы через каждые пятнадцать минут, — предложил почти успокоившийся Альварес. — Я даже могу заняться чаем к вашему выходу. Помнится, Рауль, у тебя в одном из шкафов стоял полный чайный набор.

Он начал оглядываться, пытаясь припомнить шкаф, в котором находится нужное.

— Посмотрим, как пойдёт, — сказал Рауль, быстрым движением почти забросил меня в комнату, закрыл дверь и активировал защиту. — Вот ведь не вовремя принесло Хосе Игнасио.

— Его всегда приносит не вовремя. Не могу припомнить случая, когда он появился тогда, когда нужно. А вы ещё хотели одновременно со мной исчезнуть на выходные. Представляете, что он бы тогда насочинял? Давайте так. Вы говорите, какая именно книга вам нужна, я её разыскиваю и, если найду, смотрю что там. Возможно, делаю список.

— Не возможно, а обязательно, — Рауль оживился. — Проблема в том, что я не знаю точного названия. Что-то типа «Истоки Сиятельности».

— Хотите засиять сами? — усмехнулась я.

— Хочу понять, в чём причина происходящего в моей стране. Это вещи взаимосвязанные. Возможно, дело совсем не в том, что у нас нет Сиятельных. Но давайте перейдём к занятиям. Что вы знаете?

Следующие минут пятнадцать мы определяли, насколько я опережаю первый курс университета и что из этого можно показать без ущерба для моего секрета.

Глава 39

Если бы не Альварес, то оставшееся до выходных время мы с Раулем провели бы с куда большей пользой. Как я ни намекала, что наш надсмотрщик является не только моим куратором, но и всей группы, и неплохо бы ему распределять своё внимание по всем студентам, Альварес был непреклонен: как поставил на первое место собственные интересы, так за них и держался. Упорство в достижении цели вызывало бы уважение, не будь этой целью я.

Тем не менее занятия с Раулем шли, и была от них несомненная польза, так как мы не только строили планы, но и отрабатывали заклинания. В результате мне удалось совместить мышечную память тела, восстановленные знания и собственную личность. Учитель, кстати, из Рауля получился прекрасный: он понятно объяснял и никогда не злился, если я делала что-то не так. А что-то не так я делала часто, поскольку подходы к изучению магии у Сиятельных и несиятельных отличались, а мне нужно было показывать второй вариант.

Альваресу я демонстрировала изученное с мстительным удовольствием. Сегодня удалось удачно опрокинуть на него стакан воды. Впрочем, обтекал мой поклонник недолго, высушился щелчком пальцев тут же и снисходительно бросил:

— Катарина, вам не хватает точности. Сила — это ещё не всё. Владение силой — вот что делает мага магом. Но ничего, когда мы с вами поедem, я вам всё покажу.

— Куда мы с вами поедem? — насторожилась я.

— Как куда? Решать вопросы, связанные с вашей семьёй, — уверенно ответил он. — Не могу же я бросить вас одну в столь сложное время.

Это был удар под дых, а с учётом того, что и Ракель твердила то же само — практически двойной удар. Теперь мне придётся скрываться от них обоих. Отвода глаз, конечно, должно хватить...

— Хосе Игнасио, с Катариной поедem мой человек, — недовольно сказал Рауль. — Он сделает всё, что нужно, а ты просто будешь мешаться под ногами. Строго говоря, Катарине можно было бы не

ехать, но ей наверняка захочется проститься с семьёй, с домом, с городом, где жила.

В переводе на язык наших договорённостей: посидеть пару дней в Сиятельном корпусе и скопировать нужную книгу.

— И ты хочешь, чтобы она делала это всё в одиночестве? — возмутился Альварес. — Катарине нужна поддержка, и я ей её обеспечу.

Он расправил плечи, показывая готовность защитить меня от всех бед мира. Наверное, будь я настоящей Катариной Кинтеро, мне бы это польстило, но сейчас Альварес воспринимался лишь как досадная помеха. Он настолько плотно меня обложил, что я даже дышать в сторону Сиятельного корпуса опасалась. Даже прогуливаясь с Ракель, он постоянно отслеживал не Диего, а меня.

— Ты хочешь, чтобы у неё с тобой были связаны исключительно отрицательные эмоции? — лениво протянул Рауль. — Дело твоё, конечно, но уверяю, мой человек прекрасно со всем справится, а потом исчезнет из жизни Катарины.

Ещё бы не исчезнуть тому, кто не появится. Но на Альвареса этот довод впечатление произвёл. Он отметил, что сам Рауль не рвётся в сопровождающие, и принял нужное решение.

— Если рассматривать с такой стороны, — неохотно сказал он, — то возможно, Рауль, что ты прав. Но это не отменяет того, что я хотел бы как-то помочь несчастной девушке.

— Не беспокойся, вместе с законником я отправляю с Катариной целительницу.

На удивление, Альвареса эти слова не только не успокоили, напротив, он опять преисполнился подозрениями.

— Рауль, с чего такая забота о Катарине?

— Не хочу, чтобы ходили сплетни, что мне наплевать на личную ученицу, — ответил тот.

— Пока ходят сплетни обратного толка, — Альварес намекнул на то, что мы продолжали парами выслеживать Диего.

Выслеживание было достаточно хаотичным, и у Диего, имея он злостные планы, было бы полно возможностей их реализовать. Но пока он только шлялся по университету, уделяя особое внимание Сиятельному корпусу, и даже романов не заводил ради чего его, собственно, и приглашали в Теофрению. «Усыпляет бдительность», —

твердила Ракель, которую сам факт слезки, пусть и столь нерегулярной, приводил в прекрасное настроение. Она чувствовала себя на своём месте, пусть и было оно рядом с Альваресом. Ещё бы выдалась возможность застукать Сиятельного за какой-то преступной деятельностью — её счастьем вообще не было бы предела.

— Мы занимаемся магией, — усмехнулся Рауль. — Катарина — очень понятливая ученица, обучается стремительно. Нельзя губить такой талант пренебрежением.

Из принца получилась прекрасная ширма. В случае несоответствия знаний на занятиях я всегда смогу на него сослаться. Мол, научил делать то-то и то-то так-то, потому что решил, что это мне подходит больше. Занятий было много, и пока теоретических, но заданий хватало. Хорошо ещё, что мне непонятные моменты объяснял Рауль, а Ракель — Альварес во время нашего героического выслеживания Диего.

— Да, горе лучше всего лечится усиленным трудом, — согласился Альварес. — Или учёбой. Когда голова делом занята, на страдания времени не остаётся.

Мы пили чай, спорить ни с кем не хотелось, поэтому я просто таскала очень вкусные конфеты из вазы и время от времени кивала, если обращались ко мне. Но обращались ко мне редко, потому что у Альвареса с принцем был совместный проект, к обсуждению которого они и перешли, после чего оба перестали обращать на меня хоть какое-то внимание. Я уже подумывала, не удрать ли, пока это возможно, но тут внезапно в дверь постучали и в помещение вошёл Диего.

— Добрый день, Ваше Высочество.

Фразу он произнёс совершенно нейтральную, но как-то так, что ни малейшего уважения к принцу в ней не просматривалось. Нас же с Альваресом он проигнорировал, словно мы были предметами обстановки. Тем не менее Рауль спокойно ответил:

— Добрый день, дон Дарок. Чему обязан?

— Мне нужна помощь, Ваше Высочество. Я ищу девушку.

— Какую-то особенную? — съязвил Рауль. — Мне кажется, у вас недостатка в девушках быть не должно.

— Особенную, да. В ней заинтересован Его Величество Теодоро.

— Это кто-то из свиты моей сестры? — проявил непонятливость Рауль.

— Это подданная нашей страны. Если выяснится, что вы её укрываете, Его Величество Теодоро будет очень недоволен.

— С чего вы взяли, дон Дарок, что мы кого-то укрываем? По факту, вам предоставлен доступ почти всюду. Вас куда-то не пустили?

— Не притворяйтесь. Можно подумать, я не замечаю, что вы за мной следите. Девушка, что обычно прогуливается с ним. — Презрительный тычок в сторону Альвареса. — Не только с меня глаз не сводит, но и пыталась прицепить следящее заклинание к моей одежде.

— Она из семьи, связанной с Легионом, — ответил Альварес, хотя обращались не к нему. — Тёплых чувств к Сиятельным не испытывает. Но следилка — это, конечно, перебор. Я с ней поговорю.

В его голосе больше прозвучало не осуждение, а восхищение предприимчивостью Ракель. Но и осуждение тоже было. Правда, на мой взгляд, относилось оно к тому, что сеньорита попалась, а не к тому, что пыталась проследить за столь подозрительной личностью.

— Конечно, перебор, — согласился Диего, обращая Сиятельный взор уже на Альвареса. — Но это заклинание должен был кто-то вложить ей в руки. Даже тупым орудием можно причинить вред. — Он опять повернулся к Раулю. — Ваше Высочество, если у вас появятся нужные сведения, будьте любезны предоставить их мне.

Прозвучало это приказом, и мне стало тем противнее, что Диего, даже не удосужился дождаться ответа, попрощался и вышел, оставив кипеть двух сеньоров от злости.

— Нет, ты видел? — вскричал Альварес. — Он ведёт себя как хозяин. Да кто он такой? Обычная Сиятельная морда! Гнать его отсюда надо. И из университета, и из страны.

Рауль едва заметно поморщился.

— Отец делает ставку на него и на Марселу.

— На него? — ошарашенно выдохнул Альварес. — Ты хочешь сказать, что вот это Сиятельное дерьмо может быть следующим нашим правителем?

— Хосе Игнасио, а что делать? — рявкнул Рауль. — Сам не в восторге, но других вариантов нет. Точнее, есть, но...

И смотреть он на меня не смотрел, но я всё равно понимала, что являюсь одним из этих вариантов. Да ещё и куда более привлекательным со всех сторон.

— Но это тоже не вариант, Рауль. Его Легион грохнет и поставит кого-то своего, — уверенно бросил Альварес. — Корона должна перейти к тебе.

Разговор вёлся явно не впервые. Альварес нападал, Рауль вяло отшучивался, хотя даже я понимала, что их династия припёрта к стенке, если согласна терпеть отвратительное отношение со стороны Сиятельных, лишь бы они вообще были. Да я для него сейчас дар Двуетиного...

— Мне кажется, изначально ставка была сделана неправильно, — продолжал вещать Альварес. — Супругу нужно было тебе искать подальше, не в соседних с Теофренией странах, в которых каждому ребёнку известно, как у нас относятся к Сиятельным...

Я воспользовалась тем, что вопрос брака принца для этих двоих оказался куда занимательней меня, и сбежала. Было над чем подумать. Это сейчас Рауль говорит, что не станет меня ни к чему принуждать, а если припрёт? Не зря он столь старательно ищет выход. Уплывающий из-под носа трон — лучший стимул. Нет, я его, конечно, понимаю, и даже где-то в чём-то жалею, но вариант всю жизнь проходить под зельем не для меня. Особенно из жалости к сильному мужчине.

Вернувшись в общежитие, я обнаружила, что Ракель в комнате ещё нет, и решила, что лучшего времени незаметно пробраться в Сиятельный корпус может не представиться. Поэтому я набросала записку, в которой указала, что я уехала и вернусь либо в понедельник утром, либо в воскресенье вечером, взяла сменные вещи, тетрадку и карандаши и под отводом глаз покинула общежитие.

Отвод я нанесла правильно, потому что Ракель обнаружилась рядом с Сиятельным корпусом, нарезающая круги в ожидании Диего. Вид у неё был донельзя расстроенный неудачей со следилкой, но я в подругу верю: она непременно придумает что-то ещё.

Я нырнула в кусты, которые даже не зашуршали при соприкосновении со мной и сомкнулись за спиной, как будто никто и не проходил. И через миг я уже находилась внутри Сиятельного корпуса перед надутой горгульей.

— Донья, вы совсем про нас забыли, — проскрипела она.

— Вовсе нет. Просто у меня не было возможности прийти раньше. Но теперь я тут на несколько дней. И все эти несколько дней

буду заряжать кристалл, — обрадовала я местную хранительницу. — Поэтому мне нужна спальня. Но не оранжевая, а что-то попримечней.

— Оранжевая — одна из самых примечных... — задумалась горгулья. — Есть ещё совсем скромный вариант для тех, кто внезапно засиял в обычной семье.

Скромный вариант оказался как раз по мне: ни тебе неприличных картин на стенах, ни излишней пышности в обстановке. А вот всё, что нужно, — есть. Я осмотрелась и бросила в кресло свои вещи показывая, что остаюсь тут.

— Сиятельной донье неприлично в такой комнате жить, — пробухтела горгулья.

— Сиятельной донье не надо отвлекаться на роскошь, — ответила я. — Она будет заряжать кристалл и сидеть в библиотеке. Кстати, а кормить чем-то Сиятельную донью тут будет?

— Разумеется, — оскорбилась горгулья. — Это я перед *тем* показывала, что у нас ничего нет. Нечего всяким лезть в Сиятельные тайны. Вы будете ужинать сейчас, донья?

— Для начала я хотела бы узнать ваше имя, моя замечательная помощница.

— Моё имя?

Похоже, просьба была из разряда неприличных, иначе с чего бы вдруг горгулья остолбенела. Причём остолбенела в полном смысле этого слова: отличить её от статуи сейчас было бы невозможно.

— Если я вас чем-то оскорбила, то это по незнанию. Мне кажется неудобным общаться с вами не по имени, пусть вы даже здесь одна.

— Что вы, донья, это большая честь для меня, — ожила горгулья. — Моё имя Альба, но Сиятельные господа редко утруждают себя запоминаниями имён чужих фамильяров.

Понятно, относятся к ним примерно как Диего сегодня к Альваресу: замечают, только когда говорят что-то полезное. А так Сиятельные вообще очень редко утруждают себя чем-то. Почему-то вспомнились Теодоро и Марсела в открытой коляске, едущие в храм за благословением. Мурицийский король даже не подумал утруждать себя вежливостью по отношению к навязанной невесте. Марсела вела себя куда достойнее.

— Кстати, Альба, вопрос с моим фамильяром всё так же открыт. Возможно, кто-то из ныне спящих хотел бы занять место при мне? Ибо

мой фамильяр себя дискредитировал в моих глазах.

— Ой, донья, — тяжело поворочала головой горгулья. — Ваш фамильяр — он очень сильный. Да, вы под зельем, поэтому он почувствует вас только совсем близко. Но если вы решите его заменить, он поймёт, где вы, и непременно появится тут, чтобы сразиться с новым фамильяром. И исход битвы будет в пользу старого.

— Почему вы в этом так уверены? — удивилась я.

— Да потому, донья, что мне прекрасно видно: ваш фамильяр прошёл через очень нехороший ритуал. Не каждый род на такое пойдёт, да. — Мне показалось, по телу горгульи прошла волна отвращения. Но какая там волна по камню? — Силы при этом у фамильяра прибавляется, но ритуал нужно регулярно повторять. Нет, донья, не уверена, что у нас найдётся самоубийца.

Глава 40

Ужин Альба притащила почти сразу, я только успела сходить к кристаллу и добросить туда магии. Мои жалкие потуги на его наполненности почти не отражались, но я не отчаивалась: если чего-то прибавляется намного больше, чем убавляется, то рано или поздно это станет заметно. В моём случае скорее поздно, но так я никуда не тороплюсь.

Гордая горгулья вкатила столик, настолько заполненный блюдами, что бутылка туда не влезла, и Альба её и бокал тащила отдельно.

— Донья, я не знала ваших вкусов, а отвлекать не хотела, — радостно проскрежетала она. — Поэтому я набрала понемногу несколько блюд.

Бутылку она мне протянула с таким видом, словно была уверена: это — главное в ужине. Правильно подобранное вино позволяет не заметить мелких недостатков еды, особенно если этой еде уже не один десяток лет. Правда, фрукты, которые ели мы с Раулем, на вкус казались свежими, но вино к ним тоже подавалось...

— Я сейчас ещё за белым вином схожу, донья, — спохватилась Альба. — А то беспорядок, если выбора нет.

— Я не увлекаюсь спиртным, — остановила я её. — Мне и одной бутылки много.

— Это вы так говорите, донья, пока не попробовали, — тоном завязтого соблазнителя заявила горгулья. — Как пробу снимете, вы не дополнительную бутылку потребуете, а десяток.

— А вы не составите мне компанию, Альба?

— Я? — горгулья так удивилась, что села на попу, как большая каменная собака. — Есть с вами?

— А что такое? — удивилась я. — Или вы не едите обычную еду и вам нужно что-то такое, экзотическое?

— Скажете тоже, донья, — горгулья немного пришла в себя. — Обычно мы питаемся энергией, но и такую еду можем есть, только она усваивается хуже. Но едим мы её не для усвоения, а для удовольствия. Только кто же нас таким кормить будет?

— Если для удовольствия, тогда давайте поужинаем вместе. А вино? Вино вы пьёте?

Смущённая Альба кивнула и исчезла, чтобы почти тут же появиться со второй бутылкой и бокалом. Столовые приборы для себя она тоже захватила, правда орудовала она ими неумело, сказывалось отсутствие тренировки. Или, скорее, опыта, потому что Сиятельные были теми ещё снобами и обращали на своих помощников внимания меньше, чем на пыль под ногами. Помогают — значит, должны.

Вино, кстати, что красное, что белое, оказалось куда лучше того, что горгулья предлагала Раулю. Вкус и аромат раскрывались ярким букетом, подобного которому я не пробовала ни в прошлой, ни в этой жизни. Впрочем, в этой мне особо и не довелось попробовать вин, слишком юный возраст, в таком приохотиться к выпивке — раз плюнуть. Поэтому я хоть и восхищалась напитком, но не усердствовала, предпочитая налегать на еду, которая тоже была выше всяческих похвал.

— Всё так вкусно, — решила я подольститься к горгулье. — Это вы сами делали?

— Что вы, донья, — вздохнула горгулья. — Кто же нам еду доверит? Когда Теофрения ещё была страной Сиятельных, король пару раз в год отправлял своих поваров в академию. Они тут готовили, а маги сохраняли в стазисных шкафах. Эх... Были времена...

— Возможно, всё ещё вернётся. В Теофрении осознали, сколь пагубно оказалось лишиться Сиятельных, и планируют ввезти из соседних стран или вывести своих. Того Сиятельного, который хотел сюда попасть, как раз для размножения пригласили.

Горгулья тоненько захихикала. На удивление вино на неё действовало: она стала более расслабленная, что ли? Хотя странно говорить о расслабленности камня.

— Ой, донья, скажете тоже, для размножения. А то он будет это делать. Сиятельный сам решает, с кем и когда он будет размножаться, а кого и где он будет использовать. Сиятельные, они такие.

Гордость, прозвучавшая в её голосе, меня удивила.

— Но они же и вас используют, а вы это позволяете.

— Вы про кого? — она икнула.

Похоже, моя собеседница к вину привыкла не больше, чем я. Говорят, капля камень точит? Да она его разъедает, если это капля

вина. Пожалуй, местную хранительницу я больше спаивать не буду.

— Я про Сиятельных.

— Вы тоже Сиятельная, да ещё одна из Сильнейших. Облик — только наносное, я суть вижу. Служить Сиятельным — большая честь, а ещё мы связаны с вами договором.

Про договор я спросить не успела, потому что горгулья внезапно шлёпнулась на пол, раскинув когтистые лапы в стороны, и захрапела. Практически сразу она истаяла, и мне оставалось только надеяться, что Альба куда-то перенеслась, чтобы проспать, а не испарилась вообще. Причина её опьянения стала понятна, когда я потянулась за бутылкой, чтобы налить себе. Обе они были пусты.

Расстроилась я лишь немного, потому что сок, который был в графине, тоже оказался необычайно вкусным, но не туманил голову. Попробовала я почти всё и должна была признать, что королевские повара в те времена готовили необычайно вкусно. Как они готовили в эти, мне узнать не довелось.

После столь плотного ужина никуда идти не хотелось и, здраво рассудив, что заслужила отдых, а библиотека от меня никуда не денется до завтра, я отправилась спать. Даже ванну принимать не стала, обошлась душем.

Не успела я провалиться в сон, как в него сразу ворвался Теодоро, словно караулил этот занимательный момент. Надо сказать, что теперь ему удалось не только влезть в окно, но и сделать шаг вперёд. Как ни странно, обстановка оставалась та же, что и при нашей прошлой встрече: я сидела на общежитской кровати, а в окно проглядывались оранжереи. Видит ли Теодоро то же, что и я, или для него этот сон рисует нечто другое?

— Эстефания, довольно бегать, — радостно сказал Теодоро. — Мы с твоей опекуной наконец достигли компромисса. Графиня Хаго дала клятву, что выдаст тебя замуж только с моего одобрения. Не этого ли ты добивалась?

— Разумеется, нет, — возмутилась я. — Знаем мы, кого вы одобрите. Последней одобренной вами кандидатурой был граф Нагейт, который сейчас, не особо стесняясь, таскает по театрам любовницу и не выглядит расстроенным моим отказом.

— Возможно, потому что не считает отказ окончательным, — Теодоро заулыбался, как будто сказал нечто весьма приятное. —

Эстефания, не можешь же ты ревновать графа к его пассивности?

— Я его не ревную, — я ответила улыбкой, хотя заметила, что Теодоро сделал ещё один шаг. Крошечный, совсем незначительный, но всё же король продавливал пространство, двигаясь вперёд, а значит, если его не остановить, рано или поздно он доберётся до меня. — Просто отметила, что, когда я его видела позавчера в театре, он выглядел слишком счастливым для утратившего невесту. Хотя находился в совершенно несиятельной компании довольно милой вдовушки. Милой, разумеется, для несиятельной ...

Теодоро едва заметно нахмурился.

— Неужели ты действительно в Варенции? Но твоя тётя там уже...

— Всё обнюхала, а меня не вынюхала да? — я издевательски улыбнулась. — Я научилась прятаться и даже часть памяти восстановила.

— Кто помог? — зло прогремел Теодоро.

И не просто зло, он ещё оскалился с явной угрозой по отношению к ослушавшемуся. Неужели память могли восстановить, но делали вид, что это занятие небыстрое, а я нуждаюсь в присмотре? Игр вокруг меня и без того много, эти могли пройти незамеченными. Оказывается, я даже наивней прежней Эстефании: решила, что нравлюсь Теодоро, когда у него на меня были определённые планы.

— А что это вы так расстроились, Ваше Сиятельное Величество? — ехидно поинтересовалась я. — Не интриговали бы вы в отношении невинной девушки. Двуетный без одобрения смотрит на столь неприличные вещи.

— Какие планы, Эстефания? — Теодоро опять ослепительно заулыбался. — Разве могу я что-то неприличное планировать с тобой?

Он опять продвинулся на небольшой шаг, и я решила, что пора с разговором заканчивать и ставить защиту, показанную Раулем. Не такой уж у нас интересный разговор получился. Можно сказать, оскорбительный для моей самооценки. Запланированное я сделала: намекнула, что нахожусь рядом с Нагейтом. Вот пусть теперь Теодоро в его сны вламывается, требует найти меня как можно скорее.

— Ради чего-то приличного в чужие спальни через окна не лазят особенно если дама спит. И вы уже слишком долго тут находитесь. Портите мою репутацию из последних сил. Вон!

Рявкнула я так, что все отвоёванные шаги Теодоро потерял тут же и опять вывалился в окно, сложившись пополам, словно я не прикрикнула на него, а двинула тараном. Обиженное «Эстефания, ты всё неправильно поняла» донеслось уже настолько издалека, что я едва различила слова. Но различила и разозлилась ещё сильнее. Всё, Ваше Сиятельное Величество, шутки закончились, пришло время мести за мою поруганную честь. Или за непоруганную? Я решила, что это слишком сложный вопрос, чтобы с ним разбираться во сне, а ещё нужно поставить защиту от следующих визитов Теодоро, поэтому пора просыпаться.

Но проснуться я не успела. Меня внезапно завертело и потащило в мой старый мир. К Кате. Она стояла рядом с Максом и глядела на него сверху вниз. Как ей это удавалось, при разнице в росте сантиметров десять даже с каблуками, для меня осталось загадкой. На моей памяти такое удавалось только кошкам.

— А ты изменилась, — обиженно говорил Макс. — Раньше ты меня простила бы.

— Раньше я была душой, — лениво ответила Катя. — Но жизнь дала мне второй шанс и понимание, что подлецов прощать нельзя, как бы они красиво ни пели в уши.

— Признайся лучше, что втюрилась в этого докторишку, — презрительно бросил Макс.

Как это я раньше не замечала, насколько у него противное лицо? И голос... Голос совершенно отвратительный. И ведёт он себя как Сиятельный, утративший Сиятельность, но этого пока не понявший.

— А если даже так, то что? — усмехнулась Катя.

— Детка, не дури, я — твой шанс на счастливую жизнь, а он — на тухлое прозябание. Он не представляет из себя ровным счётом НИ-ЧЕ-ГО.

Он давил не хуже, чем Сиятельный — флёром, но Катя к таким выкрутасам оказалась устойчивей, она только улыбнулась и с нескрываемым удовольствием ответила:

— Ты не прав, Макс. Это раньше у него не было меня, а значит стимула расти. А сейчас меня нет у тебя. Ты лузер, Макс.

— Посмотрим, что ты запоёшь через полгода, — зло бросил он.

Макс не видел, но для меня секретом не стало, что с руки Эстефании сорвалась тонкая паутинка заклинания-проклятия на

неудачу. Насколько я успела заметить, короткого действия, примерно на год. Но год — срок достаточный, чтобы потерять всё.

— Через полгода у тебя будет возможность только смотреть на меня, говорить — нет.

Она улыбнулась так, что Макс примёрз на месте и единственное, что мог: смотреть, как она уходит. Неотрывно смотреть, потому что шла Катя красиво, у меня так не получалось ни в том теле, ни в этом.

— Правильно я его? — спросила она, давая понять, что чувствует меня уже давно.

— Правильно, — согласилась я. — Слишком легко он от меня отказался, слишком легко начал строить жизнь без меня.

— Могу приложить чем-то посерьёзней, — предложила она. — Если считаешь, что для исполнения договора этого не хватит.

Я вдруг поняла, что мне нет никакого дела до Макса, он остался в той прошлой жизни, и мои чувства к нему словно выцвели. Ни любви, ни ненависти, лишь толика недоумения: как он вообще мог мне нравится, у него же вся сердцевина гнилая?

— Да ну его. Считай, что относительно его договор ты исполнила. — Я хотела узнать, как мама, как сестра, как подруги. Хотела и не могла, потому что язык словно примёрз к зубам, хотя я была всего лишь проекцией. Возможно, потому, что больше эта жизнь моей не была и я не имела права в неё вмешиваться. Поэтому я спросила другое: — Какой ритуал был проведён над фамильяром Эрилейских?

Она дёрнулась и развернулась ко мне взбешённой фурией.

— Ты! Не лезь туда, куда тебе ходу нет. Я наняла тебя только на смерть. Не смогла умереть, так прими судьбу, тебе уготованную, с честью. Не нужны тебе тайны Эрилейских, они тебе не помогут. Ты — не мы, Сиятельность — не только в крови, это наша суть, вам обычным, этого не понять. Не приходи больше, я свою часть нашего договора исполнила, ты сама подтвердила. Я закрываю тебе дорогу в свою жизнь.

И она резко начертила в воздухе руну, напитав её магией. После чего меня отбросило точно так же, как недавно Теодоро, и я подскочила уже в кровати Сиятельного корпуса. В чём-то Катя, несомненно, была права. Мне никогда не понять, почему Сиятельные смотрят на остальных, как на грязь под ногами. Наверное, это нужно родиться в Сиятельной семье и впитывать Сиятельные принципы с

молоком матери. Или у Сиятельных не принято кормить детей лично и это отдают на откуп кормилицам? Память по столь важному вопросу молчала.

Сна после двойного потрясения не было ни в одном глазу, я честно проворочалась в кровати с полчаса, но в голову лезли очень уж нехорошие мысли. Требовалось занять себя хоть чем-то. И я решила пойти в библиотеку и поискать столь нужный Раулю томик. Возможно, без помощи Альбы я буду это делать до второго пришествия, но пока удовлетворюсь и другой книгой, не столь интересной для теофренийского принца, зато чем-нибудь интересной для меня.

Но искать мне ничего не пришлось. Огромный том «Сиятельность. Истоки. Развитие. Формы» лежал на почётном месте посередине стола. Наверняка это была первая книга, к которой допускался Сиятельный студент. Так сказать, азы Сиятельности, которыми нужно проникнуться до того, как приступать к обучению. Но не каждый студент мог приобщиться к знаниям: книга была заперта на замок явно магического происхождения. Ключик нигде по соседству не валялся, но на обложке, обильно украшенной золотом и драгоценными камнями, была выемка, в которую моя ладонь поместилась так, словно для неё и создавалась. После этого замок раскрылся, а обложка приглашающе приподнялась.

Боюсь, открывала я книгу без должного пиетета, потому что после двойного общения с Сиятельными персонами я для себя окончательно уяснила: во-первых, бывших Сиятельных не бывает, а во-вторых, Сиятельность точно скрывает какую-то грязную тайну.

Во «Введении» были пустые размышления о том, как повезло читающему эти строки родиться Сиятельным, что он должен ценить сделанное предками и что он должен приложить все силы к тому, чтобы овладеть магией на возможном для себя уровне.

Продравшись через эту болтологию и не вынеся для себя ничего важного, я перешла к первой главе, в которой на неподготовленного студента вываливалась сразу вся информация по появлению Сиятельных.

Как я и думала раньше, Сиятельные были созданы искусственно, но получилось это совершенно случайно. Придворный маг тогдашнего императора — а на континенте была единая империя, уже потом раздробившаяся на отдельные независимые государства — проводил

эксперимент по проколам между реальностями и совершенно случайно обнаружил свойство Сиятельности, которое приобрёл его любимый питомец — мелкая зверюшка, отдалённо напоминающая кота, если судить по приведённому рисунку. Названия животного не было, а ничего подобного ему я не встречала ни в этом мире, ни в нашем. Животное обладало минимальным магическим даром, который тоже усилился, вместе с основными жизненными характеристиками: здоровьем, выносливостью и внешним видом. Маг от результата пришёл в восторг и поделился оным с правителем. Мол, прекрасный задел для производства домашних любимцев. Но правитель пошёл дальше и сказал: «Хочу. Хочу сиять. Хочу усиленную магию. Хочу здоровье и красоту. И только я, ты себе не смей». История умалчивает, опечалился ли маг, что не додумался засиять сам, но указания императора выполнил в точности: провёл ритуал при скоплении придворных, вызванных как раз для того, чтобы перед ними покрасоваться полученным Даром Двуетного. Был ли маг зол на императора или ритуал в принципе не был рассчитан на человека, но всё пошло наперекосяк. От избытка чуждой энергии императора разорвало, зато засияли все, кто был в тронном зале.

И ладно бы обошлось Сиянием аристократов, но через прокол просочились чуждые этому миру существа, больше всего похожие на микроскопических червей. Они могли существовать автономно, а могли вступать в симбиоз с несиятельным человеком, усиливая его дар, но делая совершенно бесчувственным. Причём если в магов с 3-5 кругами силы они могли внедряться сами, то в более высокоуровневых магов — только по их желанию. Но вне зависимости от способа существования, пришельцы отравляли вокруг себя саму суть чужого мира: жизнь начинала гибнуть, а природные катастрофы множиться.

Единственное, что сдерживало их рост и распространение — присутствие Сиятельных, которые специальными ритуалами еще и усиливали защиту своих земель. Чем сильнее маг — тем сильнее защита.

Время от времени на червей устраивалась охота, но до конца извести их было невозможно, потому что прокол продолжал функционировать и исправно поставлял новых. Почему его было не закрыть? Да потому что с закрытием прокола ушла бы Сиятельность, чего улучшенные аристократы никак не могли позволить, вкусив

новые возможности. Маг, который открыл ящик Пандоры, хотел его и закрыть, но ему не дали этого сделать, уничтожив вместе с дворцом, в подвале которого так и функционирует до сих пор прокол.

Получается, после исчезновения в Теофрении Сиятельных эта дрянь размножилась, тогда, чтобы вернуть баланс, надо закрыть прокол, а потом выбить всех червей? Методы охоты на них известны, я сунулась в оглавление и сразу нашла к ним отсылку. И выявлялись, и уничтожались они довольно простыми заклинаниями. Возможно, Раулю их будет достаточно, чтобы исправить ситуацию в стране? Хотя бы временно, до того, как прокол будет закрыт. А то, что его надо закрывать, я была уверена. Наверное, не настолько я сроднилась с Сиятельностью, чтобы не понимать, что она несёт зло. Новый открыть не смогут, потому что придворный маг унёс тайну с собой.

— Донья, эту книгу можно открывать только после клятвы, что ничего из неё никогда и ни при каких условиях не будет известно несиятельным, — раздался испуганный голос некстати протрезвевшей Альбы. — Вам следует её дать прямо сейчас, пока беды не случилось.

Она подскочила и захлопнула книгу. Но всё, что было нужно, я оттуда уже прочитала. И держать при себе не буду.